

**ФГБОУ ВПО «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ**

На правах рукописи

Глушков Александр Владимирович

**СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРЕССИВНОГО
НАЦИОНАЛИЗМА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Лукьянов М.Н.

Пермь – 2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Истоки прогрессивного национализма.	366
1.1 Левый национализм накануне Первой мировой войны.	366
1.2 Левые националисты и начало Первой мировой войны (июль 1914 г. – июль 1915 г.).....	72
Глава 2. Возникновение прогрессивного национализма.	91
2.1 Образование Прогрессивного блока и фракции прогрессивных националистов.	91
2.2 Идеология прогрессивного национализма.	115
Глава 3. Эволюция идейных установок и политических практик прогрессивного национализма.....	128
3.1 Прогрессивные националисты и «осада власти» (сентябрь 1915 - октябрь 1916 гг.).....	128
3.2 Прогрессивные националисты и «штурм власти» (октябрь 1916 – февраль 1917 гг.).....	157
Заключение	167
Список используемых источников и литературы.....	175
Приложение №1	190
Приложение №2	192
Приложение №3	196

Введение

Актуальность темы. В августе 1915 г. образовался Прогрессивный блок, объединивший либеральные и умеренно-консервативные группировки Государственной Думы и Государственного совета Российской империи. Если прежде умеренные консерваторы, как сторонники реформы сверху, видели главный инструмент преобразований в правительстве и заявляли о его поддержке, то с момента вступления в Прогрессивный блок они оказались в роли оппонентов исполнительной власти.

Объединение умеренных консерваторов и либералов в блоке явилось своеобразным продолжением политики «Священного единения» первого года войны. Важнейшей предпосылкой возникновения либерально-консервативного думского большинства стал раскол фракции националистов, в результате которого сторонники консервативной реформы – прогрессивные националисты – заняли место на правом крыле думской оппозиции, объединившей абсолютное большинство (236 из 422) думских депутатов.

Хотя институализация прогрессивного национализма произошла в августе 1915 г., его доктрина формировалась в течение нескольких лет, предшествовавших Первой мировой войне. Война стала катализатором процессов распада, происходивших во фракции националистов и умеренно-правых, а создание думского большинства в интересах победы стало толчком к образованию самостоятельной фракции прогрессивных националистов (ФПН).

Создание блока и участие в нем ФПН представляет большой интерес в контексте истории российского консерватизма. Прогрессивные националисты успешнее других консерваторов адаптировались к условиям модернизации и новым правилам политической игры. Олицетворяя реформаторскую тенденцию в российском консерватизме военного времени, они пытались нащупать «средний путь» между революцией и реакцией.

Одновременно с гибелью монархии, в верности которой клялись умеренные консерваторы, с российской политической арены исчез как самостоятельное идейно-политическое течение и прогрессивный национализм. Лишь на рубеже 80 – 90-х гг. XX века в российской публичной политике вновь появились партии и движения, идентифицировавшие себя с русскими националистами. Количество этих организаций, их конкуренция между собой, отсутствие массовой общественной базы свидетельствуют о том, что современные русские националисты повторили ошибки своих предшественников. Несмотря на то, что действующие националистические организации имеют ряд общих черт с националистами начала 20 века, современных русских националистов едва ли можно считать идейными наследниками националистов времен Первой мировой войны. В этих обстоятельствах формирование адекватных представлений о реальном историческом облике русских националистов, в данном случае – прогрессивных – выступает и как предварительное условие правильной идентификации современных идейно-политических течений, и как важнейшая предпосылка корректного анализа исторического опыта отечественных консерваторов.

100-летие со времени начала Первой мировой войны усилило общественный интерес к этой эпохе. Очевидно, анализ обстоятельств и причин провала попытки центристских сил перехватить инициативу у революции представляет не только академический интерес, но и может способствовать поиску путей укрепления социально-политической стабильности в современной России.

Объектом настоящего исследования выступает прогрессивный национализм как общественно-политическое течение в России, **предметом** – эволюция идеологии и политической практики прогрессивного национализма в позднеимперской России.

Хронологические рамки исследования. Хотя феномен прогрессивного национализма стал продуктом идейно-политических конфликтов военного

времени, его предпосылки сложились задолго до начала Первой мировой войны. Важнейшей из этих предпосылок было превращение русского национализма в самостоятельное идейно-политическое течение, ставшее одним из результатов революции 1905 – 1907 гг., которая принимается за нижнюю хронологическую границу исследования.

Верхняя хронологическая граница исследования – конец февраля – начало марта 1917 г. когда одновременно с падением старой политической системы исчез с политической арены и прогрессивный национализм.

Территориальные рамки исследования ограничены территорией Российской империи в ее границах на момент начала Первой мировой войны. Поскольку родиной русского национализма как идейно-политического течения явился Западный край, основная часть рассматриваемых в работе событий связана, прежде всего, с этой частью России.

Степень изученности темы. Русский национализм начала XX в. долгое время не представлял особого интереса для историков. Триумф большевиков в 1917 г. предопределил характер исследований на годы вперед, обусловив повышенное внимание к истории большевизма и гораздо меньший интерес к другим политическим партиям и движениям. Особенно «не повезло» в этом отношении консервативным политическим объединениям, и прежде всего националистам: первое отечественное монографическое исследование о российском политическом национализме появилось лишь в начале нового тысячелетия¹. Тем не менее, многие важные аспекты исследуемой в диссертации проблематики нашли свое отражение в работах многих историков предшествующих десятилетий.

В исторической литературе, освещающей рассматриваемую в диссертации проблематику, можно условно выделить четыре основных пласта, отражающих особенности подхода к ней в советской, эмигрантский, зарубежной и современной российской (постсоветской) историографии.

---

¹ См.: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

Одновременно можно выделить три больших периода в исследовании темы: 1917 – сер. 1960-х гг.; сер. 1960-х гг. – кон. 1980-е гг. – начало 1990-х гг.; кон. 1980-х – начало 1990-х по настоящее время.

Первые шаги в анализе данной темы были сделаны современниками, публицистами, пытавшимися определить политический облик прогрессивного национализма, выявить его особенности по сравнению с другими консервативными течениями того времени. Особый интерес с этой точки зрения представляла статья В.Г. Короленко «Кризис», вышедшей начале января 1917 г. в газете «Русские ведомости». Автор отмечал, что с 1905 г. в российском законодательстве и управлении «участвует уже не единая, а двойственная воля: монарх и народ», а значит, перефразируя некрасовское двустишие, можно сказать: «Министром можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Вследствие этого, продолжал Короленко, российский консерватизм «переживает общий кризис русской политической жизни и перерабатывает свои формулы»².

Типичным примером этих изменений для Короленко служил В.В. Шульгин, которого он назвал «лидером неоконсерваторов»³. По выражению писателя, «каменная глыба русского консерватизма, не подлежащего органическим процессам и росту, начала раскалываться», вследствие чего «на одну сторону уходит Шульгин», а на другой стороне остаются такие, как министр А.Д. Протопопов. «За кем близкое будущее — это вопрос, роковой только для российского консерватизма, - резюмировал автор. - С ним или без него русская жизнь пойдет дальше, и по истечении некоторого времени... от нынешнего российского консерватизма не останется и следа, а консерватизмом будет называться нечто совсем другое», - прогнозировал Короленко⁴.

---

² Киевлянин. 1917. 8 января.

³ Короленко В.Г. Была бы жива Россия! Неизвестная публицистика 1917-1921. М., 2002. С. 41.

⁴ Короленко В.Г. Указ. Соч. С. 41.

Отвечая автору в «Киевлянине», Шульгин замечал, что «сама сущность природы» российских консерваторов не изменилась, однако признавал, что «русские консерваторы из опыта войны, веденной при добросовестном, самоотверженном напряжении всего населения, поняли, что новеллы в государственном управлении необходимы и необходимы именно ради победы. Патриотизм же, проявленный не только либералами, но и более левыми группами, дал консерваторам уверенность, что преобразования не только необходимы, но возможно, они будут не разрушением, а обновлением России»⁵. Эти процессы «сблизили, казалось, несовместимые элементы настолько, что они смогли заключить «блок национальной обороны»⁶.

Таким образом, Короленко увидел в прогрессивном национализме выражение «неоконсерватизма». Этим термином он обозначил попытку адаптировать традиционную консервативную доктрину к реформированному в период революции 1905-1907 гг. политическому порядку⁷. Другое дело, что еще до завершения создания неоконсервативной идеологии общественность отвернулась от консерватизма, сделав свой выбор в пользу более радикальных концепций⁸.

В отличие от Короленко, советские авторы 1920-х гг. смотрели на политические баталии периода Первой мировой войны как на события прошедшей эпохи и, несмотря на откровенную идеологизированность своих сочинений, выступали не столько как публицисты, сколько как историки.

В 1920-е годы, в эпоху становления советской историографии, русский национализм и его разновидности рассматривались исключительно в контексте истории правых политических течений. Авторы первых работ на эту тему стремились продемонстрировать несостоятельность правых сил, поскольку их деятельность была направлена на сохранение отживающего

---

⁵ Киевлянин. 1917. 8 января.

⁶ Там же.

⁷ См.: Русские ведомости. 1917. 3 января. Эта статья была полностью перепечатана «Киевлянином» 8 января 1917 г.

⁸ Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 151.

социально-экономического и политического порядка. Первыми специальными работами, непосредственно посвященными националистам, стали биографические очерки Д.Д. Заславского о В.В. Шульгине, начинавшем свою политическую карьеру правым, но позднее ставшего одной из ключевых фигур прогрессивного национализма. Констатируя принадлежность депутата к монархистам-черносотенцам, автор уже в заглавиях подчеркивал его неординарность и моральное превосходство над другими лидерами монархических организаций⁹.

В 1930 – 1950-е гг. о националистах вообще и прогрессивных националистах в частности советские историки писали мало. В общем виде оценка их роли в Прогрессивном блоке была дана А.Я. Грунтом и Е.Д. Черменским. По мнению А.Я. Грунта, блок выражал стремление буржуазных и помещичьих партий к объединению в критические моменты¹⁰. Подробно анализируя программу блока и историю его взаимоотношения с правительством, Грунт утверждал, что политика думского большинства ориентировалась на его правое, «шовинистическое, национально-октябристское крыло». Автор считал, что лейтмотивом деятельности блока являлось не стремление к власти, а достижение компромисса с правительством. Думское большинство от прогрессистов до прогрессивных националистов являлось «оппозицией его величества, трусливой и бессильной». Поэтому, считал автор, Прогрессивный блок изжил себя еще до начала «штурма власти», так как не смог добиться выполнения своего основного требования — правительства доверия¹¹.

Похожим образом рассуждал и Е.Д. Черменский¹². По его мнению, переход части националистов во главе с Шульгиным на сторону либералов стал продуктом сближения помещиков и буржуазии в ответ на назревание

---

⁹ Заславский Д.И. Рыцарь черной сотни Шульгин. Л., 1925; Заславский Д.И. Рыцарь монархии Шульгин. Л., 1927.

¹⁰ См.: Грунт А. Прогрессивный блок.// Вопросы истории. 1945. № 3-4. С. 108-117.

¹¹ Грунт А. Прогрессивный блок.// Вопросы истории №3-4, 1945. С. 117.

¹² См.: Черменский Е.Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959.

революционного кризиса в стране¹³. Черменский полагал, что Прогрессивный блок стремился «овладеть движением масс, внушая им, что оппозиционные выступления в Думе и есть «настоящая борьба», которая приведет к политическому обновлению страны. Царское правительство, считал автор, вступило в переговоры с блоком, так как «стремилось выиграть время до наступления перелома на фронте». Однако после непродолжительных колебаний Николай II отверг политику соглашения с «буржуазией», так как у блока отсутствовала опора в обществе и существовали глубокие внутренние разногласия¹⁴.

Второй период в исследовании темы охватывает время от середины 1960-х гг., до рубежа 1980 – 1990-х гг., когда изучение «непролетарских» партий обрело в советских исторических исследованиях некую академическую респектабельность. В этот период советские историки обратили внимание на важные аспекты истории русского национализма накануне и в годы Первой мировой войны.

В книгах А.Я. Авреха впервые были даны общие характеристики русского политического национализма в период между двумя революциями. В вышедшей в 1966 г. монографии «Царизм и третьеиюньская система» автор еще не делал больших различий между националистами и другими «буржуазными и помещичьими» партиями, связывая их отличия друг от друга с социальными противоречиями между черносотенным дворянством и «хищниками нового типа» - промышленной буржуазией¹⁵.

В вышедшей двумя годами позже монографии «Столыпин и Третья Дума» Аврех гораздо более подробно остановился на характеристике политического содержания программ консервативных партий¹⁶. Он отмечал, что национализм, как и черносотенство, стали ответом господствующего класса на революцию 1905-1907 гг. Партия националистов возникла в

---

¹³ Черменский Е.Д. Указ Соч. С. 49.

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966.

¹⁶ Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.

результате «консолидации сил помещичье-крепостнической реакции с целью помощи правительства и контролю над ним». Поэтому национализм периода третьеиюньской монархии носил крайне реакционный, воинственно-русификаторский характер¹⁷. Что касается возникшего в годы войны союза кадетской партии и прогрессивных националистов, то он стал, считал Аврех, проявлением кризиса верхов, вызревания революционной ситуации, а также идейно-политической близости между кадетами и националистами, проистекавшей из их преданности великодержавному шовинизму и имперской идее¹⁸.

Аврех впервые в отечественной историографии подробно остановился на идеологических исканиях левых националистов кануна Первой мировой войны, обратив пристальное внимание на альманах «Лад» и попытки разработать идеологическую платформу «национал-демократии». При этом Аврех акцентировал общие черты между левыми националистами и прочими «реакционными элементами» и делал вывод, что «народ презирал националистов также как и их союзников»¹⁹.

Первой специальной монографией, непосредственно затрагивающей проблематику прогрессивного национализма, стала вышедшая в 1967 г. работа ленинградского историка В.С. Дякина «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны». Автор интерпретировал политические конфликты военного времени как результат столкновения различных социальных интересов. Националистов он характеризовал как защитников интересов русских землевладельцев, последовательных сторонников столыпинских преобразований.

Дякин полагал, что вступление прогрессивных националистов в состав думского большинства было обусловлено, главным образом, не войной, а страхом перед массовыми социальными движениями, в конечном итоге, -

---

¹⁷ Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 26.

¹⁸ Там же. С. 413.

¹⁹ Там же. С. 415.

перед революцией²⁰. Ища взаимопонимания с либералами, прогрессивные националисты пытались предотвратить дальнейший сдвиг влево. Поэтому при обсуждении декларации блока они пошли на некоторые уступки в еврейском вопросе и поддержали неопределенную формулу относительно отмены привилегий русского населения в Польше. При этом Дякин отмечал бесперспективность борьбы Прогрессивного блока за власть и тщетность его попыток избежать революции²¹. В отличие от Авреха, Дякин подчеркивал различия между правыми и националистами, отмечая близость последних к октябристам. Этот подход он последовательно проводил и в специальных исследованиях, посвященных внутривластной ситуации в России в 1907 – 1914 гг.²².

Что касается Авреха, то в своей следующей монографии «Царизм и IV Дума», вышедшей в 1981 г., он продолжал подчеркивать сходство между правыми и националистами и доказывать политическую обреченность последних. Автор полагал, что Всероссийский Национальный Союз был с самого начала обречен на распад из-за малого числа сторонников и незначительного влияния на общество. «Националисты фактически не стали даже партией. Партия исчерпывалась фракцией, а костяком последней были помещики, чиновники и священники юго-западных и западных губерний», - полагал он²³.

Аналогичный подход был характерен и для появившихся в 1970-е годы обобщающих работ В.В. Комина и Л.М. Спирина. По мнению Комина, партия националистов по своим политическим взглядам не отличалась от крайне

---

²⁰ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967. С. 96.

²¹ В общем виде эта позиция была воспроизведена В.С. Дякиным в соответствующей части коллективной монографии «Кризис самодержавия в России», вышедшей в 1984 году. См.: Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 556-648.

²² См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978; Его же: Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Л., 1988.

²³ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 240.

правых²⁴. Относя русскую национальную фракцию к «самым реакционным, черносотенным партиям России», он ссылаясь на рассуждение В.И. Ленина о том, что националисты и крайние правые, «в сущности не две, а одна партия»²⁵. А в вышедшей во второй половине 1970-х гг. книге Л.М. Спирина, в сводной таблице непролетарских партий националисты и вовсе отсутствовали²⁶.

Показательно, что в исследованиях 1970-х гг., посвященных политической борьбе в условиях Первой мировой войны, их авторы, как правило, не уделяли особого внимания прогрессивным националистам и шире – консервативному флангу Прогрессивного блока в целом. Так, А.Я. Слонимский объяснял создание Прогрессивного блока стремлением либералов подчинить себе государственный аппарат, чтобы использовать его в борьбе с революцией. При этом первостепенное внимание автор уделял кадетской партии, оставляя в тени остальных участников Прогрессивного блока²⁷. Аналогичным образом поступил и В.И. Старцев, сосредоточившийся на изучении политических маневров вокруг идеи «министерства доверия»²⁸.

Заметным исключением в этом отношении стала монография «IV Государственная дума и свержение царизма в России» Е.Д. Черменского. уделившего консервативному крылу Прогрессивного блока значительно больше внимания, чем его коллеги. Черменский пришел к выводу, что в основе блока лежал компромисс между полуфеодальными, умеренно-правыми (прогрессивные националисты и партия центра) и буржуазными (октябристы, кадеты и прогрессисты) элементами, причем равнение шло на самую умеренную группу – фракцию русских националистов. Причиной их

---

²⁴ Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1970. С. 35.

²⁵ Ленин В.И. Политические партии в России. Полное собрание сочинений. М., 1973. Т. 21. С. 275-287.

²⁶ Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977.

²⁷ Слонимский А.Я. Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975.

²⁸ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. М., 1977.

вступления в блок историк называл «неотступный страх перед революцией», которым и объяснялся компромисс между консерваторами и либералами²⁹.

В 1984 и 1989 гг. увидели свет специальные исследования А.Я. Авреха, посвященные периоду Первой мировой войны³⁰. Он подчеркивал, что «только война и вызванные ею острейшие политический, военный, хозяйственный, управленческий и иные кризисы вынудили правых пойти на соглашение с кадетами»³¹. Образование Прогрессивного блока рассматривалось как попытка создания «контрреволюционного союза с правительством»; оппозиционеры не решились перейти в правительственный лагерь лишь в силу дискредитации последнего³².

Вместе с тем, по мнению Авреха, консервативные элементы, вошедшие в Прогрессивный блок, признавали самодержавие исчерпавшим себя и исходили из «необходимости так или иначе, но неизбежно встать на путь еще вчера столь ненавистного парламентаризма». Для него история Прогрессивного блока была историей «антиреволюционной стратегии российского либерализма на заключительном этапе его существования»³³.

В целом можно констатировать, что советские историки не уделили большого внимания русскому национализму. В Прогрессивном блоке они видели, прежде всего, коалицию либеральных политических групп и самостоятельного значения его консервативной составляющей не придавали. Центр и прогрессивные националисты рассматривались как «попутчики», примкнувшие к блоку по чисто конъюнктурным соображениям.

Для историков – эмигрантов первой волны указанная проблематика представляла известный интерес, хотя они и не оставили специальных работ на эту тему. В частности, вопрос об отношении националистов к

---

²⁹ Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 103.

³⁰ Аврех А.Я. Распад третьейиюньской системы. М., 1985; Его же: Царизм накануне свержения. М., 1989.

³¹ Там же. С. 6.

³² Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

³³ Там же. С. 189.

политической ситуации, сложившейся под влиянием военных неудач весны 1915 г., был затронут в «Истории второй русской революции» П.Н. Милюкова³⁴. Значительное внимание образованию и деятельности Прогрессивного блока уделено во втором томе «Царствования Императора Николая II» С.С. Ольденбург. Указанные работы стали выражением двух полярных точек зрения на блок и роль в нем прогрессивных националистов, сложившихся в эмигрантской среде.

Милюков, сам активный участник политических комбинаций военного времени и фактический лидер Прогрессивного блока, считал, что его создание дало реальную перспективу выхода из внутривластного кризиса. Он полагал, что если бы правительство пошло на контакт с блоком, «то дальнейшего разъединения между правительством и обществом можно было бы надолго избежать»³⁵.

По мнению Ольденбурга, националисты в целом не имели «почти никакой организации в стране». «Это были, в сущности, умеренно правые беспартийные элементы, объединившиеся только в Государственной Думе»³⁶. Он считал, что единственная цель организаторов Прогрессивного блока состояла в захвате власти. В силу этого программа блока особого значения не имела и была составлена «главным образом, для того, чтобы “оправдать” в глазах левой общественности соединение к.-д. с такими еще недавно “одиозными” элементами, как октябристы или националисты, вроде Шульгина»³⁷.

Имея большинство в Государственной Думе, блок мог наносить правительству чувствительные удары, считал Ольденбург. Историк подчеркивал, что вошедшие в блок группы фактически подчинились руководству кадетской фракции, а «ураганный огонь клеветы Прогрессивного блока был лишь маской, за которой скрывалось желание свергнуть

---

³⁴ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.

³⁵ Там же. С. 29.

³⁶ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 334.

³⁷ Там же. С. 177.

монарха»³⁸. По мнению Ольденбурга, во время начавшегося в ноябре 1916 г. «штурма власти» думское большинство «ни в чем серьезном» не могло обвинить правительство, «кроме нежелания уступить место» кандидатам от оппозиции. После ухода под давлением блока председателя Совета министров Б.В. Штюрмера прогрессивные националисты «готовы были удовлетвориться достигнутым», однако большинство блока шло в своих устремлениях гораздо дальше³⁹.

Итак, либеральный историк Милюков поддержку умеренными консерваторами либералов воспринимал как важную предпосылку обеспечения политической стабильности. Представитель консервативного крыла эмигрантской историографии Ольденбург, наоборот, видел в создании думского либерально-консервативного блока угрозу существующему порядку. При этом оба автора отводили консервативному сегменту блока сугубо маргинальную роль и не уделяли ему специального внимания.

Аналогичным образом подошел к этому вопросу и С.П. Мельгунов. По его мнению, блок «был слеплен довольно искусственно», являлся «случайным и некрепким тактическим объединением, которое сходилась на отрицательном отношении к политике монарха». Мельгунов считал, что лидеры Прогрессивного блока рассчитывали на неизбежный приход к власти, но так и не смогли создать сколько-нибудь прочное политическое объединение, из-за чего он «ежечасно трещал по швам»⁴⁰.

Впрочем, несмотря на совпадения многих трактовок происходившего в России в условиях Первой мировой войны, труды историков-эмигрантов вплоть до конца 1980-х гг. оставались объектом резкой критики со стороны советских исследователей. Даже соглашаясь с историками-эмигрантами по многим вопросам, советские авторы не желали в этом признаваться. В то же время труды Милюкова, Ольденбурга, Мельгунова оказали сильное влияние

---

³⁸ Ольденбург С.С. Указ. Соч. С. 487.

³⁹ Там же. С. 527.

⁴⁰ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 38-39.

на постсоветскую историографию. Выводы российских историков 90-х годов во многом совпадали с выводами, сделанными историками-эмигрантами в предшествующую эпоху.

Анализируя перипетии политической борьбы вокруг Прогрессивного блока, западные исследователи до конца 1970-х гг., подобно советским авторам и историкам-эмигрантам, также делали упор на конфликте между правительством и либералами. Видя в достижении договоренности правительства с либерально-консервативной коалицией последний шанс на спасение «старого порядка», Т. Риха подчеркивал ведущую роль в блоке кадетов и их лидера Милюкова⁴¹. М. Хамм и Р. Пирсон в анализе деятельности Прогрессивного блока основное внимание так же уделили либералам⁴².

Лишь в 1980 г. русские националисты стали объектом специального монографического исследования, автор которого – Р. Эделман не обошел своим вниманием и раскол среди них в 1915 г. Он подверг сравнительному анализу социокультурные характеристики прогрессивных националистов и тех, кто остался в националистической фракции, т.н. «балашевцев»⁴³. Впрочем, основное внимание в своих изысканиях автор все же уделил периоду до Первой мировой войны, поэтому прогрессивный национализм имел для него второстепенное значение.

На рубеже 1980-1990-х гг. в историографии прогрессивного национализма произошли серьезные изменения, положившие начало современному этапу в его изучении. Радикальные политические сдвиги вкупе с более близким знакомством отечественных историков с трудами эмигрантов и западных историков способствовали определенной трансформации

---

⁴¹ Riha T. Miliukov and the Progressive Bloc in 1915: A Study in Last-Chance Politics // *Journal of Modern History*. 1960. Vol. 32. №1. P. P. 16-24.

⁴² Michael F. Hamm. Liberal politics in Wartime Russia: an Analysis of Progressive Bloc // *Slavic Review*. 1974. vol. 33. №3. P 453-468; Pearson R. *The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914-1917*. London, 1977.

⁴³ Edelman R. *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: the Nationalists Party, 1905-1917*. New Brunswick, 1980. P. 280.

взглядов российских авторов. Стоит подчеркнуть, что на первых порах это знакомство способствовало сохранению и закреплению некоторых исследовательских стереотипов, сложившихся в отечественной историографии в советское время.

В 1990-е гг. русскому политическому национализму по-прежнему не уделялось достаточного внимания: в обобщающих работах «Политическая история в партиях и лицах» и «История политических партий в России», вышедших в 1994 г., разделы о националистах вообще отсутствовали⁴⁴. Можно предположить, что во многом это было связано с представлением о националистах как о лишенной сколько-нибудь серьезного политического веса разновидности черносотенцев. Из него, в частности, исходил автор первого отечественного монографического исследования по истории русских правых начала XX в. С.А. Степанов⁴⁵.

В 1995 г. в Пермском государственном университете вышло совместное исследование М.Н. Лукьянова и И.К. Кирьянова, посвященное парламенту самодержавной России⁴⁶. Безусловной новацией стало использование метода контент-анализа при выявлении социокультурных характеристик депутатов Государственной думы. Исследование значительно углубило и дополнило представления о депутатах первого русского парламента, а также, что особенно важно, выявило корреляции между происхождением, родом деятельности, социальным статусом депутатов и выбором их политического пути. При этом фактор раскола национальной фракции и создания фракции прогрессивных националистов в данном исследовании не учитывался.

Во второй половине 90-х гг. произошли заметные сдвиги в подходах отечественных исследователей к российскому консерватизму. В энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.» появились статьи о Всероссийском национальном союзе и ведущих

---

⁴⁴ См., например: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993, М., 1994. История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. М., 1994.

⁴⁵ См.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914). М., 1992.

⁴⁶ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906-1917. Пермь, 1995.

политиках-националистах⁴⁷. В 1998 г. их автор Д.А. Коцюбинский защитил кандидатскую диссертацию об идейно-политических и организационных основах русского национализма межреволюционного периода – первое диссертационное исследование по этой проблематике в отечественной историографии⁴⁸. Показательным было и то, что Ю.И. Кирьянов не стал включать в подготовленный им в 1998 г. сборник «Правые партии» материалы по истории русского национализма⁴⁹.

В начале 2000-х гг. увидела свет книга Д.А. Коцюбинского, подготовленная на базе его диссертации, ставшая первой отечественной монографией о русском политическом национализме этого времени⁵⁰. Отказавшись от трактовки национализма как формы черносотенства и относя националистов к «национал-либералам», автор проанализировал идейно-политические установки националистов и их эволюцию вплоть до февраля 1917 г.

В 2001 г. Вышла статья И.В. Нарского о российском консервативном либерализме начала XX в., в которой автор, говоря о двойственности идеологии Всероссийского национального союза, относит националистов к консервативно-реформистским силам⁵¹.

В 2004 г. вышла коллективная монография российских исследователей, посвященная моделям переустройства России в начале XX века⁵². Авторы системно проанализировали основные варианты общественных преобразований, предложенные в то время, когда модернизационный процесс в России практически исчерпал стимулы, полученные в результате реформ

---

⁴⁷ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. М., 1996.

⁴⁸ См.: Коцюбинский Д.А. Всероссийский национальный союз: формирование организационно-идейных основ, 1907 – 1917. СПб., 1998.

⁴⁹ Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы / сост. Ю.И. Кирьянов. В 2-х тт. М., 1998.

⁵⁰ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

⁵¹ Нарский И.В. Взгляд на российский консервативный либерализм начала XX в. Из историко-культурной перспективы // Либеральный консерватизм: история и современность. – М., 2001. С. 214-224.

⁵² Модели общественного переустройства России. XX век. / отв. редактор. Шелохаев В.В. - М., 2004.

второй половины XIX века. В монографии представлен и вариант переустройства, предложенный русскими правыми. Консерватизм предстает как многогранное явление, подверженное модернизационным процессам. Однако ставка делается не на политические практики консерваторов, а на теоретические построения известных представителей консервативной мысли конца XIX – начала XX вв., среди которых нет будущих представителей прогрессивных националистов.

В 2005 г. была защищена кандидатская диссертация А.В. Лопуховой «Националисты в Государственной Думе Российской Империи». Ликвидировав важную историографическую лакуну и основательно проанализировав думскую деятельность националистов, она, однако, обошла своим вниманием вопрос о расколе фракции русских националистов и идейно-политическом содержании «прогрессивного национализма»⁵³.

В 2006 г. вышла книга С.М. Саньковой «Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908 - 1917)»⁵⁴. Главное отличие данной монографии от работы Д.А. Коцюбинского заключалось в том, что Санькова основное внимание уделила не идеологии, а внутрипартийным вопросам и тактике Всероссийского национального союза. Она поддержала мнение Коцюбинского о присутствии либеральных черт в установках русских националистов, определив его политический характер как консервативно-либеральный. Такая двойственность объяснялась тем, что для основного региона деятельности партии, каким являлся Западный край, были характерны как более обостренный национальный вопрос и отсутствие земских традиций, так и развитие капиталистических отношений. Это обусловило наличие в ВНС двух группировок: более консервативной и более либеральной, что со временем и привело к его расколу. По мнению Саньковой, наиболее удачной попыткой преодолеть эту двойственность и

---

⁵³ Лопухова А.В.. Националисты в Государственной Думе Российской империи. Дисс... кандидата исторических наук. Самара, 2005.

⁵⁴ Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908 – 1917). Орел, 2006.

определить более четкое лицо русского национализма стало создание фракции прогрессивных националистов⁵⁵.

Благодаря усилиям Д.А. Коцюбинского, А.В. Лопуховой и С.М. Саньковой представление о русском национализме как о самостоятельном идейно-политическом течении в отечественной историографии окончательно возобладало, а конфликты в националистической среде превратились в самостоятельный объект изучения. Стоит, однако, отметить, что среди отечественных исследователей сохраняются серьезные расхождения в оценке соотношения русского национализма и черносотенства. Так, в отличие от Д.А. Коцюбинского и С.М. Саньковой, И.В. Омелянчук придерживается более традиционной оценки национализма и относит ВНС к «умеренно-правому крылу черносотенного движения»⁵⁶. По мнению исследователя, вхождение части националистов в Прогрессивный блок не может определять политическую сущность русского национализма, поскольку это произошло незадолго до исчезновения ВНС⁵⁷.

В новом тысячелетии продолжалось изучение истории Прогрессивного блока и шире – партийно-политической борьбы в период Первой мировой войны, представленное в советское время трудами А.Я. Авреха, В.С. Дякина, А.Я. Слонимского, В.И. Старцева, Е.Д. Черменского.

Новое поколение исследователей сосредоточилось в своих изысканиях на взаимодействии российских консервативных и либеральных политических деятелей с бюрократической элитой. О.Р. Айрапетов и Ф.И. Гайда обратили внимание на попытки либеральных общественных деятелей и представителей предпринимательских кругов создать неофициальные управленческие

---

⁵⁵ Санькова С.М. Указ. Соч. С. 300.

⁵⁶ Омелянчук И.В. О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. // Вопросы истории. 2008. №4. С. 102.

⁵⁷ Там же. С. 102.

структуры, параллельные государственным, что способствовало ослаблению последних и разрушению механизма управления страной в целом⁵⁸.

Если О.Р. Айрапетов и Ф.И. Гайда сосредоточились на деятельности либеральных политиков, то С.В. Куликов подробно проанализировал деятельность бюрократов, стремившихся в условиях войны наладить активное взаимодействие государства и общества, реализовать на практике российскую версию «Священного единения»⁵⁹.

Безусловный интерес с точки зрения рассматриваемой в диссертации проблематики представляет также исследование М.А. Бибина, проследившего постепенный сдвиг влево в настроениях консервативной части российской общественности на материалах Объединенного дворянства, традиционно рассматривавшегося в качестве столпа «старого режима»⁶⁰.

В 2006 г. в Могилеве вышло исследование Д.С. Лавриновича, посвященное формированию и деятельности либерально-консервативной оппозиции в России в 1912-1917 гг.⁶¹. В монографии были подробно освещены перипетии политической борьбы вокруг Прогрессивного блока, важная роль в которой, по его мнению, принадлежала В.В. Шульгину. Целью прогрессивных националистов как консервативного крыла блока было «сохранить деловые отношения с Советом министров, оказывать умиротворяющее воздействие на либеральную часть думского большинства»⁶².

Автор доказывает, что либерально-консервативная оппозиция оказалась неспособной к согласованной законодательной работе, в частности, в вопросе о предоставлении крестьянам, обладавшим городской недвижимостью, права

---

⁵⁸ См.: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907-1917) М., 2003; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. М., 2003.

⁵⁹ См.: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

⁶⁰ См.: Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000.

⁶¹ Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912 — март 1917 г.). Могилев, 2006.

⁶² Там же. С. 55.

включаться в списки городских избирателей на земских выборах. После выхода из Прогрессивного блока фракции прогрессистов в тактике думского большинства возникли «зигзаги», в результате чего произошло увеличение удельного веса консервативного крыла в блоке. По мнению Лавриновича, правый фланг объединенной оппозиции в борьбе с правительством был готов довольствоваться отставкой председателя Совета министров Б.В. Штюмера, а в конце 1916 г. консерваторы настаивали на прекращении «штурма власти» и переходе к деловой работе в Государственной думе и сотрудничеству с правительством⁶³.

В 2008 г. в Киеве вышла историческая энциклопедия Т.В. Кальченко, посвященная Киевскому клубу русских националистов. Эта книга стала самой полной на данный момент работой, посвященной деятельности ККРН, в состав которого входила значительная часть прогрессивных националистов⁶⁴.

В последние годы специальное внимание было уделено деятельности лидеров прогрессивного национализма - В.В. Шульгина и А.И. Савенко. А.В. Репников и В.С. Христофоров опубликовали две содержательные работы о Шульгине, основанные на ранее не использовавшихся материалах из архива ФСБ⁶⁵. В 2012 г. вышли две работы, в которых подробно рассматривались взгляды и деятельность В.В. Шульгина после Февраля. Одна из них, подготовленная Д.И. Бабковым на основе его кандидатской диссертации, посвящена идейной эволюции Шульгина-эмигранта в 1917-1939 гг.⁶⁶ Другая касается деятельности Шульгина в период гражданской войны⁶⁷. А.А. Иванов

---

⁶³ Лавринович Д.С. Указ. Соч. С. 101.

⁶⁴ Кальченко Т.В. Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев, 2008.

⁶⁵ См. например: Репников А.В. Христофоров В.С. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. // Новая и новейшая история. 2003, №3. С. 64-111.; Репников А.В., Христофоров В.С. Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 162-182.

⁶⁶ Бабков Д.И. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В.В. Шульгина. 1917 – 1939 гг. Брянск, 2012.

⁶⁷ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). Спб., 2012.

опубликовал обширную статью о А.И. Савенко, в которой привел ряд малоизвестных фактов из его биографии, а также проследил эволюцию политического деятеля от создателя киевской «Партии правого порядка» до одного из лидеров фракции прогрессивных националистов⁶⁸.

Если в постсоветское время в отечественной историографии наблюдается всплеск интереса к русскому национализму, то зарубежные историки, напротив, стали интересоваться данной проблематикой заметно меньше. В течение двух последних десятилетий они касались лишь отдельных ее аспектов.

Так, польский историк Э. Вишневецки остановился на вопросе о выработке общей программы Прогрессивного блока. По его мнению, правые элементы блока пошли на значительные уступки, чтобы добиться минимально приемлемого соответствия для его левой части⁶⁹.

В появившемся в 1998 г. исследовании А. Коррос, опубликованном в сборнике «Возникающая демократия в позднеимперской России», анализировались причины переориентации П.А. Столыпина на националистов, а также меры, принимавшиеся главой правительства с 1909 по 1911 гг. для утверждения привилегированного статуса русских в Западном Крае. По мнению Коррос, поворот премьера к националистам свидетельствовал не столько о его националистических убеждениях, сколько о стремлении упрочить свою поддержку в представительных учреждениях. В частности, Столыпин нуждался в новых союзниках для борьбы с правой группой Государственного Совета, пытавшейся его дискредитировать⁷⁰.

---

⁶⁸ Иванов А.А. А.И. Савенко. Метаморфозы русского националиста // Русский исторический сборник. М., 2010. Т. 2. С. 147-167.

⁶⁹ Вишневецки Э. Прогрессивный блок // Политические партии и общество в России. 1914-1917 гг. Сборник статей и документов. М., 1999 №4. С. 89-117.

⁷⁰ См.: Korros A.S. Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalists and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906-1911. Lanham, 2002. – 247 P. См. также: Korros A.S. Nationalists Politics in the Russian Emperial State Council: Forming a New Majority, 1909-1910 // Emerging Democracy in Late Imperial Russia. Case studies on local self-government (the Zemstvos), The State Duma elections, the Tsarists government, and the State Council before and during World War I. Colorado, 1998. P. 198-227.

В 2003 г. вышла монография американского историка Эрика Лора, посвященная «национализации» Российской империи и кампании правительства против инородцев в годы Первой мировой войны. Однако в своей монографии Лор рассматривает националистов как единую массу, лишь вскользь упоминая о расколе в их рядах⁷¹.

Современные отечественные историки, идя по пути синтеза достижения советской, эмигрантской и западной историографии, внесли существенный вклад в исследование российского национализма начала XX в. Тем не менее, проблема его эволюции в условиях Первой мировой войны, важнейшим продуктом которой стало появление фракции прогрессивных националистов, остается недостаточно изученной. До сих пор в исторической литературе сохраняется известный перекося в сторону изучения либеральных элементов в Прогрессивном блоке в ущерб его консервативному флангу. В результате прогрессивный национализм рассматривается вне контекста эволюции российского консерватизма начала XX в., что приводит к явному упрощению облика данного идейно-политического течения, его неоправданному отождествлению с правыми.

Во многом это объясняется спецификой современной историографической ситуации. Деятельность правых в условиях Первой мировой войны давно стала объектом самостоятельного изучения⁷². Между тем национализм военной поры, в частности, прогрессивный национализм, по-прежнему рассматривается лишь как завершающая фаза эволюции национализма предвоенного времени.

Как представляется, все это дает достаточные историографические основания для обращения к проблеме русского прогрессивного национализма

---

⁷¹ См.: Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*. Cambridge, 2003. См. также: Лор Э. *Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны*. М., 2012.

⁷² См., например: Кирьянов Ю.И. *Правые партии в России. 1911- 1917*. М., 2001; Иванов А.А. *Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917)*. СПб., 2006. А. А. Иванов. *Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917)* М.; СПб. 2013.

периода Первой мировой войны как одной из разновидностей российского консерватизма данного периода.

Цель работы – определить место и роль прогрессивного национализма в истории российского консерватизма позднеимперского периода, выявить в нем общее и особенное с иными версиями российской консервативной идеологии и политики.

Задачи работы заключаются в том, чтобы:

- 1) установить предпосылки возникновения прогрессивного национализма как идейно-политического течения;
- 2) определить социокультурный облик прогрессивных националистов в условиях становления фракции;
- 3) исследовать взгляды прогрессивных националистов на политические, экономические и социокультурные реалии Российской империи в период Первой мировой войны;
- 4) проанализировать эволюцию взглядов и политической практики прогрессивных националистов в 1916 – начале 1917 г.;
- 5) выявить причины политической неудачи прогрессивного национализма.

Источниковую базу исследования составили материалы, характеризующие различные аспекты генезиса и эволюции прогрессивного национализма. Использованные при написании работы источники можно разделить на две большие группы — неопубликованные и опубликованные. К первой группе относятся материалы из нескольких архивов РФ. Ко второй группе относятся материалы Государственной думы и Государственного совета Российской империи (документы думского делопроизводства); периодические издания; воспоминания, дневники и записки современников; сборники документов и справочные издания; публицистика.

Первостепенное значение для исследования имели *материалы думского делопроизводства*. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) они представлены фондом 1278, где хранятся материалы

Государственной Думы I-IV созывов. К сожалению, объем информации относительно интересующей нас проблематики в материалах фонда сравнительно невелик.

В работе также использовались материалы Государственного архива Пермского края. В частности, определенный интерес представляет личное дело националиста З.М. Благонравова, примкнувшего в августе 1915 г. к прогрессивным националистам. К сожалению, документы, проливающие свет на деятельность Благонравова, фактически обрываются 1912 г., когда он был избран в IV Государственную Думу и покинул Пермскую губернию.

Значительно больший интерес с этой точки зрения представляют Стенографические отчеты Государственной Думы и Государственного Совета, а также указатели к ним. Данная подгруппа источников думского делопроизводства позволяет охарактеризовать социальный облик прогрессивных националистов, выяснить, как они определяли свое политическое кредо и какими политическими средствами его отстаивали. К этой же группе источников примыкает опубликованный накануне выборов в IV Думу сборник «Националисты в III Государственной Думе», в котором в систематизированном виде было представлено содержание думских выступлений националистов в 1907-1912 гг.⁷³

К источникам, отражающим парламентскую деятельность прогрессивных националистов, также относятся донесения Л.К. Куманина, информировавшего правительство о положении дел не только на думской сцене, но и за ее кулисами⁷⁴.

Известный интерес представляют также *материалы Всероссийского Национального Союза*, отражающие деятельность ведущей националистической массовой организации, которые хранятся в фонде 1719 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). К сожалению, как и

---

⁷³ Националисты в III Государственной Думе. Спб., 1912.

⁷⁴ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 2000. №№ 3-6.

в случае с фондом 1278 РГИА, объем представленной здесь информации, касающийся левых националистов крайне незначителен.

Существенно больший интерес с точки зрения рассматриваемой темы представляют *материалы перлюстрации*, отложившиеся в фонде Департамента полиции МВД (Ф. 102 ГАРФ). Частная корреспонденция прогрессивных националистов дает особенно ценную информацию об их политических воззрениях, ибо в письмах родным и близким они не были скованны нормами фракционной дисциплины и политических приличий и высказывались более откровенно и эмоционально, чем с думской трибуны или в печати⁷⁵.

Использовались в качестве источников и *периодические издания* исследуемого периода. Для характеристики воззрений идеологов прогрессивного национализма привлекались материалы известного ежедневного провинциального периодического издания - «Киевлянин». «Киевлянин» издавался ежедневно и был одной из самых влиятельных газет всего Юго-Западного края, заметной на фоне других провинциальных изданий, которые, в большинстве своем, были «беднее и серее столичных»⁷⁶. В момент своего расцвета тираж газеты достигал 70 тысяч экземпляров.

Крупнейшие представители прогрессивного национализма – В.В. Шульгин и А.В. Савенко – являлись ведущими журналистами и постоянными авторами «Киевлянина»: Шульгин с 1913 г. был редактором газеты, а Савенко вел в ней авторскую колонку, которая сначала называлась «Думы и настроения», а затем «Мысли и впечатления». Существенный интерес для характеристики воззрений левого национализма предвоенного времени представляют материалы «Сборника Киевского клуба русских националистов», дающие подробное представление о деятельности и взглядах его участников⁷⁷.

---

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1010, 1016, 1021, 1025, 1027, 1030, 1031, 1037, 1039, 1040, 1041, 1042, 1046, 1051, 1053, 1055, 1057, 1058, 1060, 1061, 1065, 1066, 1070.

⁷⁶ Ольденбург С.С. Указ. Соч. С. 23.

⁷⁷ Сборник Клуба русских националистов. Киев, 1909-1913.

Важным источником для изучения генезиса прогрессивного национализма является газета «Дым отечества», издававшаяся в 1912-1914 гг. А.Л. Гарязиным, который видел в ней инструмент разработки и пропаганды идеологии русской «национал-демократии»⁷⁸. Важные сведения об идеологической и политической активности левых националистов содержались в публикациях влиятельного столичного националистического издания – газеты «Новое время». Кроме того, в работе использовались отдельные номера других периодических изданий, дающих ценную информацию о прогрессивных националистах и своеобразные «экспертные оценки» их идейно-политического облика⁷⁹.

Помимо указанных периодических изданий для характеристики генезиса идеологии прогрессивного национализма привлекались *публицистические произведения* сторонников «национальной демократии» кануна Первой мировой войны. Они позволяют проследить процесс формирования круга идей, которые легли в основу прогрессивного национализма военного времени. К этой категории источников относятся брошюры Т.В. Локтя и В. Строганова, а также публицистический сборники «Ладо» и «Новая Россия»⁸⁰. Авторы указанных произведений, представляя левый фланг националистического движения, стремились дополнить русский национализм демократической идеей.

Исключительно важную информацию содержат опубликованные в начале 1930-х гг. Н.А. Лапиным *Записки о заседаниях бюро Прогрессивного блока*, принадлежащие перу П.Н. Милюкова⁸¹. Лидер конституционно-демократической партии подробно фиксировал все, что говорилось в ходе

---

⁷⁸ Дым отечества, 1912-1914.

⁷⁹ Утро России. Июль 1914 – февраль 1917; Биржевые ведомости. Август 1915 – ноябрь 1916.

⁸⁰ См. например: Локоть Т.В. Оправдание национализма. Киев, 1910. Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. Спб, 1912; Ладо. Литературно-общественный сборник. Спб, 1913; Новая Россия. Основы и задачи Имперской Народной Партии. Спб. 1914

⁸¹ См.: Красный архив. 1932 Т.1-2. С. 117-160; Т.3. С. 143-196; 1933. Т.1. С. 80-135, а также публикация дневника П.Н. Милюкова. См.: Красный архив. 1932. Т. 3. С. 3-48.

совещаний, проходивших на квартире у барона Меллер-Закомельского. В них принимали участие и лидеры прогрессивных националистов, делившиеся своими соображениями по важнейшим политическим вопросам с коллегами по блоку. Эти материалы позволяют проследить эволюцию воззрений прогрессивных националистов, сопоставить их взгляды с взглядами других участников блока.

Наконец, особую группу источников, использованных в работе, составляют *мемуары*. При всех оговорках, касающихся достоверности такого рода источников, нельзя не признать, что без их использования невозможно представить многие обстоятельства рождения и эволюции Прогрессивного блока и ставшей его интегральной частью фракции прогрессивных националистов. Наибольший интерес в рамках исследуемой проблематики представляют мемуары участников блока – В.В. Шульгина, П.Н. Милюкова, В.И. Гурко и Б.А. Энгельгардта и внимательно наблюдавшего за всем происходившим в Думе ее секретаря Я.В. Глинки⁸². Весьма интересные воспоминания оставила и И.А. Савенко – дочь одного из лидеров прогрессивных националистов А.И. Савенко⁸³. Они позволяют проследить политический путь, который он проделал, глазами близкого члена семьи, раскрывают многие аспекты его характера.

Разнообразие использованных источников обеспечивает достоверность и научную обоснованность результатов исследования, позволяет раскрыть сущность прогрессивного национализма как явления.

Методы и методология исследования. Методология исследования опирается на общенаучные принципы историзма, объективности и системности. Применение принципа историзма позволило изучить фракцию

---

⁸² См.: Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 2001; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000; Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1052. Оп. 1. Часть этих воспоминаний была опубликована: Энгельгардт Б.А. Последняя коронация. Из книги воспоминаний «Потонувший мир». Таллинн, 1990; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. Спб., 2001.

⁸³ Савенко И. А. Наяву – не во сне: Роман-воспоминание. Киев, 1990.

прогрессивных националистов как историческое явление, изменяющееся во времени под воздействием внешних событий. Использование принципа объективности на основе охвата всей совокупности фактов позволило проанализировать фракцию прогрессивных националистов в Государственной Думе как многогранное и противоречивое явление со своей идеологией и сложившейся политической практикой. В соответствии с принципом системности прогрессивнее националисты рассматривались как составная часть Государственной Думы и уже – либерально-консервативного Прогрессивного блока.

В работе использовались и специально-исторические методы. Сравнительно-исторический метод был нацелен на выявление как специфических черт в идеологии прогрессивного национализма, так и представлений, являвшихся общими для всех умеренных консерваторов. Проблемно-хронологический метод позволил выделить несколько периодов в эволюции фракции прогрессивных националистов, обусловленных изменениями во взглядах под влиянием Первой мировой войны и экономического положения Российской империи.

Общим методологическим основанием для исследования является концепция модернизации. Представляется, что сущность происходивших в российском обществе начала XX в. преобразований, при всей их специфичности по сравнению с Западной Европой, вполне адекватно описывается этим понятием.

Важнейшей особенностью российского варианта модернизации стало значительное отставание политической модернизации от модернизации в сферах экономики и социальных отношений. В России возник опасный разрыв между технико-технологической, социокультурной и политической составляющими модернизации⁸⁴.

Если в экономике и социальных отношениях подвижки модернизационного характера обнаружили уже в XVIII в., то понимание

---

⁸⁴ Модели общественного переустройства России. С. 119.

общества как субъекта управления пришло существенно позже⁸⁵. По мнению А.В. Репникова, «происходившие в России модернизационные изменения значительно опережали теоретиков консервативной мысли, которые пытались на старом «фундаменте» выстроить новое здание консервативной и националистической русской философии»⁸⁶.

Важнейшими вехами политической модернизации страны стали Манифест 17 октября 1905 г. и новая редакция Основных Законов, ставшие, по мнению Н.Б. Селунской и Р. Тоштендаля, отправной точкой для распространения демократической культуры в Российской империи⁸⁷. Провозглашенное ими создание законодательных представительных учреждений означало разрыв с традиционным представлением о необходимости построения системы управления сверху вниз, где единственной движущей силой выступала воля самодержца.

Этот разрыв был крайне болезненно воспринят российскими консерваторами, которых принятие Манифеста поставило в затруднительное положение⁸⁸. Представление о самодержавии как о краеугольном камне российской государственности оставалось важнейшим элементом политической доктрины российского консерватизма начала XX в.⁸⁹.

Как и в Западной Европе, возникновение идеологии консерватизма в России стало формой реакции традиционных элит на развитие модернизационных процессов и относится к рубежу XVIII – XIX вв.⁹⁰. Однако превращение российского консерватизма в политическое движение,

---

⁸⁵ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. С. 257-269.

⁸⁶ См. Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 150.

⁸⁷ См.: Селунская Н.Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М., 2005.

⁸⁸ Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 199.

⁸⁹ См.: Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения // Отечественная история. 2001. № 3. С. 113.

⁹⁰ См.: Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени М., 1994. С. 572-668. О генезисе российского консерватизма см. подробнее: Минаков А.Ю. Русская партия в первой четверти XIX в. М., 2013.

формирование консервативных политических организаций произошло значительно позднее, под непосредственным влиянием революционных событий 1905-1907 гг.

Кризисное мировосприятие и негативное отношение к действительности на рубеже XIX-XX вв. было характерно не только для российских, но и для всех европейских консерваторов. Есть основания рассматривать это время как период кризиса европейского консерватизма, который с трудом приспосабливался к новым для себя социально-экономическим и политическим реалиям⁹¹. Особенно трудной эта адаптация оказалась для российских консерваторов. Большинство из них так и не сумело в полной мере приспособиться к новой политической системе, институциональные основания которой были определены Основными законами 23 апреля 1906 г. Тем не менее, это не означает, что в российской консервативной среде отсутствовали элементы, продвинувшиеся по этому пути. Наиболее заметной в этом отношении политической группой и стали прогрессивные националисты.

Располагавшиеся на левом фланге российского национализма, прогрессивные националисты рассматриваются как представители умеренной версии российского консерватизма. Подобно другим российским консерваторам, они разделяли знаменитую уваровскую триаду «православие – самодержавие – народность». Вместе с тем, в идеологии российского национализма изначально присутствовали некоторые либеральные мотивы, развившиеся в прогрессивном национализме военного времени. Идеологи Всероссийского национального союза не мыслили национализм вне представительного строя, ратовали за гражданские и политические свободы, равные права для всех представителей этноконфессионального большинства, независимо от их социальной или территориальной принадлежности.

---

⁹¹ Наиболее основательно концепция кризиса консерватизма разработана на западноевропейском, преимущественно британском, материале Ю. Грином. См.: Green E.H.H. *The Crisis of Conservatism: The Politics, Economics and Ideology of the British Conservative Party, 1880-1914*. London; New York, 1995. P. 319-333.

Поддержка этих либеральных по своему происхождению принципов создавала возможность взаимопонимания и политического взаимодействия с либералами, в конце концов, реализовавшихся в Прогрессивном блоке.

И хотя проявленная прогрессивными националистами политическая гибкость не спасла их от сокрушительного поражения, попытка адаптироваться к новым условиям свидетельствовала о реформаторском потенциале российского консерватизма начала XX в.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что фракция прогрессивных националистов (ФПН) рассматривается как особое политическое образование со специфической идейно-политической платформой. В работе анализируются предпосылки и причины раскола фракции националистов и умеренно-правых в IV Государственной Думе, выявляются мотивы лидеров прогрессивных националистов, рассматривается деятельность ФПН в рамках Прогрессивного блока.

В диссертации анализируются причины, по которым прогрессивным националистам и, шире, российским умеренным консерваторам, так и не удалось добиться политического успеха, обеспечить выживание монархии с помощью реформ, дающих возможность расширить демократическую составляющую в российской политической системе, одновременно сохранив ее авторитарные основания.

Научная и практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих исследований по истории российского парламентаризма и политических партий России начала XX в., преподавании общих и специальных курсов по российской истории, затрагивающих проблематику Первой мировой войны, российского консерватизма и русского национализма начала XX в.

Степень достоверности и апробация исследования. Положения диссертации были изложены в выступлениях на различных научных форумах, в том числе в материалах пятой международной научной конференции «Россия и Мир в конце XIX – начале XX века» (г. Пермь, 2012

г.), а также «Таврических чтениях-2013» - ежегодной научной конференции, посвященной актуальным проблемам истории российского парламентаризма (г. Санкт-Петербург, 2013 г.).

Основные выводы работы были представлены в 8 публикациях, в том числе в «Вестнике Пермского университета. Серия «История» (№3, за 2011 г., и №№1, 3, за 2012) общенациональном общественно-политическом журнале «Власть» (№10, 2012 г.) включенных в список ВАК в качестве изданий, рекомендуемых для публикации результатов диссертационных исследований, а также в сборнике «Таврические чтения-2013», включенном в РИНЦ.

Положения, выносимые на защиту.

- 1) Прогрессивный национализм как политическое явление «вырос» из идеологии и политической практики Всероссийского национального союза. Эта организация сочетала в себе как консервативные, так и либеральные установки, что наложило отпечаток на думскую фракцию националистов и умеренно правых, а позднее – на сторонников В.В. Шульгина и А.И. Савенко.
- 2) Несмотря на свою малую численность и зависимость от либеральных союзников блоку, фракция прогрессивных националистов была самостоятельной политической единицей.
- 3) Истоки расхождений между двумя группами националистов лежали не в социальной, а в идейно-политической плоскости, в различных представлениях о путях решения ключевых проблем, стоявших перед Россией.
- 4) Прогрессивные националисты заняли место на правом фланге думского либерально-консервативного большинства. Оставаясь сторонниками монархии, они в то же время ратовали за трансформацию политических институтов и за увеличение роли народного представительства в жизни государства.

- 5) Сдвиг части националистов влево стал важным фактором распада российского консервативного лагеря и падения самодержавия, политической опорой которого он служил.
- 6) Непрочность союза прогрессивных националистов с либералами стала наиболее ярким свидетельством того, что российский консерватизм начала XX века в целом оказался не в состоянии приспособиться к условиям политической модернизации и обеспечить сохранение существовавшего в стране политического порядка.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, а также трех приложений.

Глава 1. Истоки прогрессивного национализма.

1.1 Левый национализм накануне Первой мировой войны.

Манифест 17 октября 1905 г. и новая редакция Основных Законов 23 апреля 1906 г. запустили процесс легализации уже существующих и создания новых политических партий. Изменения в законодательстве поставили российских консерваторов перед необходимостью создания массовых политических организаций, дабы успешно противостоять политическим конкурентам слева. Консерватизму из течения, носящего исключительно идейный характер, предстояло превратиться в течение идейно-политическое.

Еще до подписания Манифеста 17 октября на крайнем правом фланге российского консерватизма сформировалась Русская монархическая партия во главе с редактором «Московских Ведомостей» В.А. Грингмутом. Он категорически отвергал любые представительные учреждения, в том числе законосовещательные, и выступал за неограниченное самодержавие в духе Александра III. По мнению Грингмута, ограничить власть царя хотят «внутренние враги России в союзе с ее внешними врагами». Конституция, считал он, России не нужна: «Никогда...Русский Царь со своим народом не враждовал, а потому им нет надобности подписывать контракт или конституцию»⁹².

С точки зрения Грингмута, представительное учреждение, как и бюрократия, только отдаляют царя от народа. «Если между царем и народом будет стоять Дума с ее болтунами и крикунами, которые думают не о благе народа, а только о собственной своей выгоде; точно также, если между Царем и народом будут стоять чиновники, - Царь из думских речей и чиновничьих докладов правды о Русском народе не узнает», - уверял Грингмут в своем «Руководстве черносотенца-монархиста»⁹³.

---

⁹² Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. С. 345.

⁹³ Там же. С. 350.

Он подчеркивал необходимость действовать против врагов самодержавия мирными, законными средствами, хотя в случае вооруженного восстания и капитуляции военных и полицейских сил монархисты-черносотенцы обязаны были защищать самодержавие силой⁹⁴.

Несмотря на то, что в общегосударственном масштабе Русская монархическая партия не смогла привлечь на свою сторону большого числа сторонников, она имела значительное влияние в Москве и Подмоскovie, а ее лидер вплоть до своей смерти осенью 1907 г. оставался заметной фигурой среди консервативных публицистов⁹⁵.

Также еще до Манифеста (т.е. вопреки действовавшему законодательству) в Москве сформировалась другая консервативная политическая организация – Союз русских людей. В его создании приняли активное участие публицисты Н.А. Павлов и С.Ф. Шарапов⁹⁶, Д.А. Хомяков⁹⁷, общественные деятели, представители старинных аристократических родов – А.Г. Щербатов⁹⁸, братья Петр и Павел Шереметевы. В отличие от В.А. Грингмута, они поддерживали идею создания законосовещательного народного представительства наподобие Земского собора, полагая, что только так царь сможет услышать «голос Земли». Однако поддерживая идею законосовещательного представительства, Союз русских людей выступил против законодательного представительного органа, создание которого было провозглашено Манифестом 17 октября⁹⁹.

Уже после публикации Манифеста в Санкт-Петербурге возник Союз русского народа во главе с А.И. Дубровиным. 21 ноября 1905 г. в Михайловском манеже состоялся первый митинг этой организации, в котором участвовало несколько тысяч человек. Вскоре «Союз» превратился в

---

⁹⁴ Грингмут В.А. Указ. Соч. С. 349.

⁹⁵ Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 33

⁹⁶ См.: Шарапов С.Ф. Россия будущего. М., 2011.

⁹⁷ См. Хомяков Д.А. Самодержавие. Православие. Народность. М., 2011.

⁹⁸ См.: Щербатов А.Г. Православный приход – твердыня русской народности. М., 2010.

⁹⁹ Ibid. P. 40. О СРЛ см. подробнее: И.В. Омелянчук, А.В. Репников. Союз русских людей // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. С. 477-480.

массовую монархическую организацию с отделами по всей стране. Ведя активную пропагандистскую деятельность, Союз русского народа доказывал, что, только создав мощную и многочисленную консервативную политическую организацию, можно эффективно противостоять оппозиции. Создаваемый союз понимался как альтернатива народному представительству: не ограничивая царской власти, он был призван обеспечить постоянную связь между народом и царем.

Между тем, согласно новой редакции Основных законов Российской империи, царь осуществлял законодательную власть в «единении» с Государственным Советом и Государственной Думой, что, безусловно, его власть ограничивало. В этой ситуации правые организации, доказывавшие необходимость *неограниченного* самодержавия, оказались в положении «революционеров справа», чьи установки противоречили новым законодательным нормам, санкционированным государем. Не успевая за уступками власти общественному движению, лидеры первых консервативных политических организаций оказались в положении роялистов больших, чем король¹⁰⁰.

Вместе с тем, в монархической среде все популярнее становилось мнение о необходимости участвовать в работе представительных учреждений, хотя бы для того, чтобы противостоять ее дальнейшим изменениям. К тому же некоторые из монархистов надеялись, что, попав в Государственную Думу, сумеют убедить царя в необходимости более решительных мер против революции¹⁰¹. При этом консерваторы подчеркивали, что даже в случае модернизационных изменений монархия должна была сохраниться как форма правления, наиболее отвечающая славянскому культурно-историческому типу¹⁰².

---

¹⁰⁰ Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013. С. 81.

¹⁰¹ Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 227.

¹⁰² Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 211.

Усилению такого рода настроений способствовали события 3 июня 1907 г.: роспуск II Думы и принятие нового избирательного закона с целью сделать представительный орган лояльным правительству. Гораздо более консервативный, чем прежде, состав III Думы примирил известную часть правых с новой реальностью. Многие из них надеялись на то, что свертывание политической реформы, начатое 3 июня 1907 г., будет продолжено¹⁰³. К тому же наиболее бескомпромиссные сторонники самодержавия понесли серьезную потерю: в сентябре 1907 г. скончался основатель Русской монархической партии В.А. Грингмут.

В «Союзе русского народа» начались внутренние неурядицы, вследствие которых единая прежде организация распалась на три части. В.М. Пуришкевич, выйдя из нее, основал в начале 1908 г. «Русский народный Союз имени Михаила Архангела». В конце 1911 г. разделилась и оставшаяся часть СРН: руководство Союза возглавил Н.Е. Марков, тогда как А.И. Дубровин организовал «Всероссийский Дубровинский Союз русского народа». Важнейшим фактором этих расколов стали разногласия между Дубровиным, с одной стороны, и Пуришкевичем и Марковым – с другой. В то время как Дубровин выступал против участия правых в думской деятельности, видя в ней покушение на монаршую прерогативу, Пуришкевич и Марков доказывали, что думская правая будет инструментом защиты царской власти¹⁰⁴.

Начало 20 века стало временем стремительного распространения идеологии русского национализма. Он развивался как реакция на рост национальных движений на окраинах Российской империи, прежде всего в Финляндии и Польше. В этой ситуации русские, проживавшие в регионах империи со смешанным населением, испытывали естественное тяготение к

---

¹⁰³ Степанов С.А. Указ. Соч. С. 270. Подробнее о проектах политических преобразований, разрабатывавшимися в это время правыми см.: Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа. Stuttgart, 2006. С. 84-104.

¹⁰⁴ Подробнее см.: Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901-1914). Киев, 2006.; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917. М., 2001.

политическим организациям консервативного толка, отстаивавшим принцип «Россия – для русских!»¹⁰⁵. Пробуждение русского самосознания в ответ на инородческий натиск вызвало появление национал-либеральной политической элиты¹⁰⁶. Исследователи отмечают присутствие элементов русского национализма во всех программах правых партий и союзов начала 20 века. По мнению А.В. Репникова, на рубеже 19-20 веков консерватизм в России «приобрел ярко выраженную национально-религиозную окраску», хотя мало кто из теоретиков этого течения всерьез задумывался над разработкой соответствующей доктрины¹⁰⁷.

Распространению идеологии русского национализма способствовало и стремление правящих кругов расколоть политических оппонентов, подчеркивая национальные различия между ними, добиваясь самоидентификации русского населения с существующей властью, как властью «русской».

Особенно быстрыми темпами русский национализм развивался в Западном крае, важная роль в социально-экономической жизни которого принадлежала польским помещикам и еврейским предпринимателям. В этой ситуации борьба с «инородческим засильем» стала важным элементом политической стратегии местных консерваторов, позиционировавших себя как защитников русских интересов. Член Государственного Совета, редактор «Киевлянина» Д.И. Пихно указывал на то, что девять западных губерний в Государственном Совете представлены землевладельцами польского происхождения, хотя в некоторых из них доля поляков среди населения не превышала 3%.

Чтобы избежать такого дисбаланса, было предложено при распространении на Западный край выборного земства образовать отдельные

---

¹⁰⁵ Подробнее о его консервативных интерпретациях см.: Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа. Stuttgart, 2006. С. 115-163.

¹⁰⁶ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 146.

¹⁰⁷ Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 336.

национальные курии и обеспечить решающую роль представителей русского населения в деятельности органов местного самоуправления. Хотя такие предложения противоречили действующему законодательству, П.А. Столыпин их решительно поддержал. Этот эпизод стал своеобразным прологом столыпинского курса на поощрение русского национализма.

Политическим лицом последнего стала выделившаяся в 1908 г. из фракции умеренно правых группа националистов в Государственной Думе численностью 18 человек, во главе которой встал князь А.П. Урусов. 25 октября 1909 г. обе думские группировки снова объединились во Фракцию националистов и умеренно правых. Объединенная фракция, ядро которой составили депутаты из малороссийских губерний, насчитывала 89 депутатов. Ее председателем стал П.Н. Балашев, сын члена Государственного Совета Н.П. Балашева, одного из богатейших землевладельцев России. Впрочем, лидер фракции редко выступал с думской кафедры, а ее главными ораторами стали В.А. Бобринский, П.Н. Крупенский и епископ Евлогий.

Созданию русских националистических организаций на местах активно помогали власти. За председателем Совета министров П.А. Столыпиным прочно закрепилась репутация создателя и вдохновителя думских умеренно-консервативных формирований. Одним из следствий этого стало восприятие националистических объединений как искусственных творений высшей бюрократии. Зато среди националистов сложился своеобразный «культ» Столыпина¹⁰⁸.

Стоит подчеркнуть, что первые три года своего премьерства Столыпин опирался в Государственном Совете на группу Центра, а в Государственной Думе – на фракцию Союза 17 октября. Однако к весне 1909 г. стало ясно, что прежняя опора Столыпина не может обеспечить необходимое большинство при голосованиях и не в состоянии защитить его курс от нападков правых,

---

¹⁰⁸ Д.А. Коцюбинский полагает, что «миф, о партийном Отце» (П.А. Столыпине) стал особенностью идеологии националистов. См.: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 477.

стремившихся дискредитировать реформаторскую составляющую столыпинской политики¹⁰⁹.

Особенно заметно положение Столыпина пошатнулось при утверждении сметы расходов на Морской Генеральный Штаб. Правые полагали, что все дела, которые касаются вооруженных сил, находятся исключительно в компетенции императора. В их понимании этот вопрос касался прерогатив Николая II в военных вопросах, «особенно ревниво охраняемых»¹¹⁰. В конце концов, император отказался подписать прошедший через обе палаты законопроект. Столыпин, видя, что поддержки со стороны октябристов явно недостаточно, решил расширить свою политическую опору вправо, включив в нее националистов¹¹¹.

Тандем националистов и Столыпина просуществовал вплоть до убийства главы правительства осенью 1911 г. Главными составляющими курса на «обеспечение господствующего положения русской народности» стали введение выборного земства в Западных губерниях, определение порядка принятия законов относительно Финляндии, выделение Холмской губернии из восточных частей Седлецкой и Люблинской губерний Польши.

Первым шагом правительства на этом пути стали ограничительные меры в отношении Финляндии, которая воспринималась консерваторами как оплот оппозиции¹¹². Русские националисты доказывали, что особый статус Финляндии в составе империи создает серьезные проблемы с точки зрения общеимперского законодательства и вызывает недовольство представителей других этнических групп¹¹³.

Правительство заявило о намерении избежать обособления Финляндии от Российской империи. Реализовать его Столыпин намеревался изъятием из

---

¹⁰⁹ Korros A.S. . Nationalists Politics in the Russian Emperial State Council: Forming a New Majority, 1909-1910.// Emerging Democracy in Late Imperial Russia. Boulder, 1998. P. 199.

¹¹⁰ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978. С. 136.

¹¹¹ Korros A.S. Nationalists Politics in the Russian Emperial State Council: Forming a New Majority, 1909-1910. P. 204.

¹¹² Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. С. 44.

¹¹³ Korros Alexandra S. Nationalists Politics in the Russian Emperial State Council: Forming a New Majority, 1909-1910. P. 212.

сферы финского законодательства вопросов общеимперского значения. К их числу, в частности, относились права проживающих в Финляндии русских, управление таможней, телеграфом и железными дорогами. Специальная комиссия для выработки законопроекта начала свою работу весной 1909 г.

Законопроект, ставший законом 17 июня 1910 г. существенно скорректировал законодательство о Великом княжестве. В числе его основных пунктов было положение о том, что Государственная Дума и Государственный Совет обладают правом издавать законы для всей Империи, в том числе и для Финляндии. Это противоречило широко распространенным представлениям о том, что меры, касающиеся Финляндии, должны были обязательно согласовываться с Сеймом¹¹⁴.

Еще одним политическим маневром Столыпина стало выделение Холмщины из состава Царства Польского. Эта идея давно обсуждалась в националистической среде, однако до весны 1909 г. правительство отвергало все доводы в ее пользу. Законопроект о выделении Холмской губернии из восточных окраин Люблинской и Седлецкой губерний был внесен в Государственную Думу епископом Люблинским и Холмским Евлогием¹¹⁵. Предполагалось, что в составе новой губернии будет шесть уездов. Обсуждение законопроекта началось 25 ноября 1911 г., а 26 апреля 1912 г. он был принят. Николай II утвердил законопроект 23 июня этого же года¹¹⁶.

Но наиболее скандальной мерой Столыпина, направленной на упрочение положения этноконфессионального большинства, стало введение земства в Западном крае. Суть закона состояла в создании земских организаций в ряде губерний, до сей поры ее лишенной – Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской и Подольской. Из списка губерний, где вводилось самоуправление, заведомо исключили те, в которых русских было слишком

---

¹¹⁴ Подробнее об эволюции законодательства о Финляндии накануне Первой мировой войны см.: Бахтурина А.Ю. Окраины Российской Империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) М., 2004. С. 225-241.

¹¹⁵ Ольденбург С.С. Указ. Соч. С. 381.

¹¹⁶ Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. С. 147.

мало – Ковенскую, Виленскую и Гродненскую. Согласно проекту закона, избиратели в Западных губерниях были разделены на две курии – польскую и русскую с преимущественными правами для последней. Цель проекта, по словам самого Столыпина, состояла в том, чтобы «запечатлеть открыто и нелицемерно, что Западный край есть и будет край русский навсегда, навеки»¹¹⁷.

Однако проект, поддержанный большинством Думы, был отклонен 1 февраля 1911 г. Государственным Советом. Это стало возможным благодаря активности правой группы, прежде всего П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова, сумевших противостоять давлению правительства на верхнюю палату¹¹⁸. Тогда премьер пошел на крайние меры, убедив Николая II провести законопроект по 87-й статье Основных законов. Обе палаты были распущены на несколько дней, и законопроект о западном земстве был утвержден в чрезвычайном порядке, что вызвало шквал негодования как в Государственном Совете, так и в Государственной Думе. Хотя большинство нижней палаты и голосовало «за», оно не желало мириться со столь произвольным толкованием Основных законов.

В этот тяжелый для Столыпина момент националисты решительно защищали главу правительства от упреков правых. Среди последних возникли принципиальные разногласия в вопросе о поддержке премьера, приведшие к выходу из фракции семи ее членов. В числе поддержавших главу правительства был и В.В. Шульгин, перешедший в стан националистов¹¹⁹.

С другой стороны, парламентский кризис начала 1911 г. также привел к отделению от русской национальной фракции группы «независимых националистов» численностью около двадцати человек во главе с П.Н. Крупенским. Последнего смущало тотальное противопоставление русских

---

¹¹⁷ Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911. М., 1991. С. 258.

¹¹⁸ Степанов С.А. Указ. Соч. С. 293.

¹¹⁹ Там же. С. 296.

остальным народам империи. Он настаивал на дифференцированном подходе к этноконфессиональным меньшинствам и выделении среди них тех, кто «поддавался» и «не поддавался» ассимиляции¹²⁰.

Однако подавляющее большинство националистов активно поддержало Столыпина и его действия в вопросе о Западном земстве. Как отмечал Савенко, введение земства в Западном крае освободило его от «политического засилья поляков». «Когда происходили выборы в первую Государственную Думу, - вспоминал он, - во всей Западной Руси полную победу одержал революционно-инородческий блок, к которому, из вражды к России, примкнули и поляки. По словам Савенко, для русского национального чувства это было «нестерпимо обидно». «Западная Русь, подавленная и оскорбленная результатами первых выборов, стала пробуждаться и подыматься»¹²¹.

После смерти Столыпина, игравшего роль «патрона» национальной фракции, А.И. Савенко и В.В. Шульгин стали предъявлять серьезные претензии к новому премьеру, В.Н. Коковцову, противопоставляя его предшественнику. Выступая с думской кафедры, Савенко заявил, что если Столыпин выигрывал время для России у революции, то Коковцов, напротив, «выигрывает время для революции у России»¹²².

И в дальнейшем Савенко продолжал противопоставлять премьеров друг другу. Он отмечал, что «после смерти Столыпина сотрудничество Думы и правительства прекратилось, обе стороны пошли вразброд. В результате законодательство в России затормозилось и почти вовсе прекратилось»¹²³. У Коковцова, считал Савенко, сложились с Думой, «без различия ее партий,

---

¹²⁰ Подробнее об этом см.: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 41.

¹²¹ Киевлянин. 1913. 6 октября.

¹²² Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. Ч.1. Спб., 1913. Стб. 408.

¹²³ Киевлянин. 1914. 23 февраля.

такие отношения, что он потерял всякую охоту ездить в Таврический дворец»¹²⁴.

Савенко утверждал, что правительство, руководимое П.А.Столыпиным, «твердо и неуклонно» шло «по пути обновления России на началах, возведенных с высоты Престола», а с его уходом стало намеренно «выбивать почву из-под ног» Государственной Думы¹²⁵. Столыпинскую политику он характеризовал как «соединение разумной твердости власти со стремлением сближения с обществом и с постепенным движением вперед»¹²⁶.

Несмотря на активную деятельность националистов в III Государственной Думе, для распространения националистических идей и организации массовой поддержки думским националистам самой думской фракции было явно недостаточно. Предварительным условием для решения этой задачи становилось создание внепарламентских националистических объединений.

Внепарламентские организации националистов появились в 1908 г. Наиболее значительными из них стали Киевский клуб русских националистов (ККРН) и Всероссийский национальный союз (ВНС) в Петербурге, созданные почти одновременно. Судя по всему, ККРН появился несколько раньше ВНС. Во всяком случае, Устав этой организации был окончательно утвержден 19 марта 1908 г., тогда как о планах создания ВНС видный сотрудник газеты «Новое Время» М.О. Меньшиков впервые заговорил в мае 1908 г.¹²⁷, а первый устав организации был зарегистрирован в начале июня 1908 г.. Позднее о том, что ККРН появился раньше ВНС, А.И. Савенко заявлял, как о само собой разумеющемся¹²⁸.

Инициатива создания в Киеве постоянной организации, которая объединила бы «патриотические силы» города, принадлежала А.И. Савенко и

---

¹²⁴ Киевлянин. 1913.25 августа.

¹²⁵ Киевлянин. 1914. 6 мая.

¹²⁶ Киевлянин. 1915. 11 июня.

¹²⁷ См.: Меньшиков М. О. Великоорусская идея. М., 2012. — Т. I. — 688 с.; Т. II. — 720 с.

¹²⁸ Киевлянин. 1914. 9 января.

группе его единомышленников, среди которых были бывший редактор «Киевлянина», член Государственного Совета Д.И. Пихно, киевские профессора В.Е. Чернов и Т.Д. Флоринский, юрисконсульт киевского удельного округа А.Н. Каргер. Вскоре к ним примкнули бывший Киевский городской голова В.Н. Проценко, гласный Киевской городской Думы А.И. Любинский, а также представители купеческого сообщества, киевские землевладельцы и домовладельцы¹²⁹.

Согласно уставу Клуба, целью организации было «распространение в обществе идей русского национализма, национального самосознания, проведения в жизнь идей мирного политического и культурного развития России, выяснение нужд и потребностей населения края и удовлетворение их легальными путями, борьба с вредными влияниями космополитизма и учениями антирусскими, противогосударственными и противообщественными, главным же образом, борьба с польским натиском и украинофильством и, наконец, объединение людей, исповедующих принципы национально-русской государственности»¹³⁰. В состав ККРН вошел весь «цвет» будущей фракции прогрессивных националистов. Помимо А.И. Савенко активными членами клуба были В.В. Шульгин, В.Я. Демченко, Н.Н. Чихачев и К.Е. Сувчинский.

Позже Савенко вспоминал, что некоторое время спустя после оформления ККРН к нему обратился председатель ВНС С.В. Рухлов, который рассчитывал на помощь известного киевского националиста в создании в Киеве отдела союза. Савенко Рухлову отказал, объяснив свое решение следующим образом: «Клуб – это только *клуб*, а национальный союз – это *партия*. Правда, программа партии, носящей название национального союза, широка и в общем довольно либеральна, но все же это чисто партийная программа, а никакая партийная программа не может рассчитывать на

---

¹²⁹ Кальченко Т.В. Киевский клуб русских националистов. С. 5.

¹³⁰ Кальченко Т.В. Указ. Соч. С. 7.

объединения широких масс представителей данного *лагеря*¹³¹. Только в 1912 г. Савенко вошел в Главный Совет ВНС и взял курс на сближение с партией русских националистов¹³².

Из программы ККРН было убрано все, что «может носить характер и даже оттенок партийности», - утверждал Савенко. Его замысел заключался в том, чтобы объединить сторонников *идеологии* русского национализма, независимо от политической, партийной принадлежности «Всякий, кто считает Россию русским государством, единым и неделимым, а русский народ – создателем и хозяином этого государства, мог вступать в члены этой организации. На *minimum*'е программы объединились и крайние правые, и умеренно-правые (националисты), и октябристы», - вспоминал Савенко¹³³. К 1914 г. членами Клуба числились около 700 человек. ККРН вошел в состав ВНС, сохранив при этом «автономию и полную свободу действий»¹³⁴.

Несколько позже возникла вторая большая внепарламентская организация националистов – Всероссийский национальный союз. Целью Союза провозглашалось «господство русской народности в пределах Российской империи, укрепление сознания русского народного единства, а также упрочение русской государственности на началах самодержавной власти царя и в единении с законодательным представительством»¹³⁵. «Главное призвание национальной партии, - писал ее главный идеолог - М.О. Меньшиков, – *оборона нации* – и не только от внешних врагов, а и от внутренних условий, слагающихся крайне неблагоприятно для державного племени»¹³⁶. Правые, очевидно, увидели в новой организации конкурента: во

---

¹³¹ Киевлянин. 1914. 9 января.

¹³² Иванов А.А. А.И. Савенко: метаморфозы русского националиста. Русский исторический сборник. Выпуск II. М., 2010. С. 153.

¹³³ Киевлянин. 1914. 9 января.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Националист. 1910. 15 мая.

¹³⁶ Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 160.

всяком случае, на совещании монархистов в мае 1909 г. было запрещено одновременное членство в двух союзах¹³⁷.

Программные установки ВНС принципиально не отличалась от установок ККРН. Более того, несмотря на утверждения Савенко, Киевский клуб оказался даже несколько более политизированным: в его уставе речь шла о борьбе с «украинофильством», не удостоенном упоминания в аналогичном документе ВНС.

Являясь крупнейшей организацией националистического толка, Союз намеревался «возбуждать перед государственными и общественными учреждениями ходатайства по предметам, относящиеся к его целям». Председателем ВНС был избран будущий министр путей сообщения С.В. Рухлов. После его назначения в правительство в 1909 г. исполняющим обязанности председателя был назначен князь А.П. Урусов.

На рубеже 1908-1909 гг. образовалась еще одна внепарламентская организация, близкая по своим установкам к ККРН и ВНС – Партия умеренно-правых, председателем которой был избран П.Н. Балашев. В нее вошли лидеры одноименной парламентской фракции. Впрочем, самостоятельное существование партии продолжалось совсем не долго и уже 31 января 1910 г. она объединилась с ВНС, который и занял политическую нишу между правыми и октябристами. Укрупнение Всероссийского Национального Союза сделало его состав еще более разношерстным.

С самого момента объединения в ВНС началась борьба между П.Н. Балашевым и А.П. Урусовым. Первый намеревался превратить Союз в централизованную партию с широкой сетью местных организаций, которые бы облегчали победу националистов на выборах в Государственную Думу, последний выступал за большую автономию местных националистических формирований¹³⁸.

---

¹³⁷ Степанов С.А. Указ. Соч. С. 281.

¹³⁸ Коцюбинский Д.А. Указ. Соч. С. 35.

Выходя из фракции националистов в августе 1915 г., Савенко и его единомышленники утверждали, что взяли за основу своей идеологии «чистую программу» ВНС¹³⁹. Однако «чистая программа» была весьма разнородна и включала как консервативные, так и либеральные элементы.

Наиболее ярко эта двойственность проявилась в интерпретации националистами государственного строя России. ВНС доказывал невозможность существования национализма без гражданских и политических свобод, незыблемость представительного образа правления. Националисты осуждали административный произвол и признавали за властью обязанность укреплять правовые институты.

Вместе с тем, П.Н. Балашев утверждал, что под словами «обновленный государственный строй» ни в коем случае не стоит понимать конституцию¹⁴⁰. Весьма категоричен был в этом вопросе и В.А. Бобринский. «Пока вы слово «конституция» не отмоете от той грязи, лжи и крови, которыми вы его покрыли, оно для нас неприемлемо» - заявлял он, обращаясь к кадетам осенью 1909 г.¹⁴¹.

Националистическая трактовка сущности самодержавия в целом совпадала с описанием государственного строя России, данного в Основных Законах, и отличалась от представления о нем правых. Неотъемлемым элементом правильного политического устройства они считали представительные учреждения, обладавшие законодательными правами, и даже именовали российский политический порядок «самодержавно-представительным»¹⁴².

Стоит подчеркнуть, что характер государственного строя для многих националистов особого значения не имел: свою главную задачу они видели в

---

¹³⁹ Новое время. 1915. 14 августа.

¹⁴⁰ Националисты в III Государственной Думе. Спб., 1912. С. 154.

¹⁴¹ Националисты в III Государственной Думе. С. 156.

¹⁴² См.: Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. Ч.3. Спб., 1910. Стб. 2496.

защите интересов русской нации¹⁴³. У правых, делавших упор на необходимость защиты монаршей прерогативы, такой подход вызывал негативную реакцию. Они считали национализм порождением западного, либерального мира и упрекали его сторонников в стремлении приспособить западные идеи к традициям Российской империи¹⁴⁴.

Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что консервативные черты в идеологии ВНС более всего как раз проявлялись в национально-конфессиональных вопросах. Националисты подчеркивали необходимость развития русского национального самосознания через утверждение начал религии, любви к царю и к Родине, а также «единство и нераздельность Российской империи и ограждение во всех ее частях господства русской народности»¹⁴⁵.

Хотя антисемитизм в речах и программных документах русских националистов не играл столь значительной роли, как у правых, они оставались последовательными антисемитами и сторонниками законодательных ограничений для евреев. «Мы держимся... вполне определенного взгляда на племя не славянское, составляющее "государство в государстве", - писал Н.Н. Чихачев о евреях. - Пока это племя сохраняет свои особенности, пока нет равенства между нами, а наоборот резкая пропасть, не может быть и речи о равноправии»¹⁴⁶.

Анализируя национальные проблемы, националисты особое внимание уделяли польскому и финляндскому вопросам. Отвергая идею польской автономии, они не призывали напрямую к национально-культурному подавлению Польши. Введение самоуправления в Царстве Польском считалось возможным лишь при строгом надзоре правительственных органов за деятельностью земских и городских учреждений. Националисты выступали за то, чтобы установить контроль над польской общественной жизнью, во-первых, максимально деполитизировав её и направив в русло

---

¹⁴³ Иванов А.А. А.И. Савенко: метаморфозы русского националиста. Русский исторический сборник. Выпуск II. М., 2010. С.174.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Националист. 1911. 7 февраля.

¹⁴⁶ Киевлянин. 1913. 15 декабря.

разрешения местных социально-экономических нужд, а, во-вторых, оградить Западный край от «польских притязаний»¹⁴⁷.

А.И. Савенко писал, что задача «здорового русского национализма» состоит вовсе не в том, чтобы обрусить поляков, а в том, чтобы не допустить полонизации Западной Руси, «этого исконно русского края». Совершенно другие приемы управления, по его мнению, должны применяться по отношению к Привислинскому краю, т.е. к коренному польскому краю. «Там нарочитое русификаторство не соответствует ни правильно понимаемой национальной идее, ни требованиям высшей справедливости, ни даже соображениям целесообразности», - утверждал Савенко¹⁴⁸. Он отмечал, что политика русификации приводит к противоположному результату: находясь под постоянным давлением, поляки достигли больших успехов в развитии национальной культуры и национального самосознания.

Иначе говоря, подчеркивая необходимость борьбы с засильем инородцев на исконно русских территориях, Савенко не оспаривал права поляков на национальную самобытность и гражданские права на их исконной земле.

Вместе с тем, левые националисты четко идентифицировали себя с интересами русских и заявляли о намерении отстаивать привилегии «державной нации» против любых покушений на них со стороны меньшинств, особенно вне территорий их компактного проживания. «Мы признаем справедливое право инородцев к культурному самоопределению», - утверждал Н.Н. Чихачев на одном из собраний Киевского клуба русских националистов. И тут же добавлял: «Но мы держимся особого взгляда на определенное славянское племя, ненавидящее нас. Пока поляки не поймут истинного положения и не оставят сепаратистских тенденций, они не могут рассчитывать на наши симпатии», - говорил Н.Н. Чихачев¹⁴⁹.

Что касается Финляндии, то в идеале националисты желали возвращения к состоянию, которое было достигнуто в эпоху Александра III.

---

¹⁴⁷ Подробнее об этом см.: Коцюбинский Д.А. Указ. Соч. С. 228.

¹⁴⁸ Киевлянин. 1914. 9 февраля.

¹⁴⁹ Киевлянин. 1913. 15 декабря.

Как утверждал депутат Н.Н. Ладомирский, националисты не являлись сторонниками добродушной политики уступок по отношению к Финляндии, которая приводила к тому, что России приходилось вторично завоевывать уже покоренные земли. Он отмечал, что нельзя допускать *государственную обособленность русских окраин*¹⁵⁰. Один из основателей ВНС, член Государственной Думы В.Г. Ветчинин утверждал, что финляндские интересы необходимо подчинить общеимперским, чтобы раз и навсегда прекратить «преступную деятельность финляндских властей»¹⁵¹.

Сильнее всего либеральные аспекты в идеологии русского национализма проявлялись в трактовках социально-экономических вопросов. ВНС исходил из незыблемости частной собственности на землю не только помещиков, но и крестьян. «Нельзя стоять за общину», - утверждал В.А. Бобринский, ратуя за рост благосостояния крестьянства¹⁵². Союз выступал за уравнивание в правах крестьян с остальными гражданами Российской империи, развитие местного и хозяйственного самоуправления, в том числе и на национальных окраинах¹⁵³.

Как справедливо подчеркивает Д.А. Коцюбинский, националисты видели в себе приверженцев созидательного, «здорового консерватизма». В этом отношении они решительно противопоставляли себя правым, которых упрекали в неспособности к созидательной деятельности¹⁵⁴. А.И. Савенко, соглашаясь с тем, что национализм невозможен без консерватизма, подчеркивал, что консерватизм националистов «просвещенный», а не «реакционный»¹⁵⁵. Позднее он замечал, что отвергает и революцию, и реакцию, а предпочитает идти «средней дорогой» и верит в «спасительную эволюцию»¹⁵⁶.

---

¹⁵⁰ Националисты в III Государственной Думе. Спб., 1912. С. 14.

¹⁵¹ Там же. С. 15.

¹⁵² Националисты в III Государственной Думе. С. 309.

¹⁵³ Националист. 1911. №2. С. 2-3.

¹⁵⁴ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 91.

¹⁵⁵ Киевлянин. 1912. 1 марта.

¹⁵⁶ Киевлянин. 1915. 28 июня.

Очевидно, присутствие как консервативных, так и либеральных элементов в доктрине ВНС дают основания для расхождений между исследователями в вопросе о том, относить националистов к консерваторам или либералам. Место националистов на границе российского либерализма и консерватизма не вызывает сомнений, но вот вопрос о том, какой компонент, консервативный или либеральный, доминировал в российском национализме в современной исследовательской литературе решается по-разному. Если для Д.А. Коцюбинского они «национал-либералы», то для С.М. Саньковой – «либеральные консерваторы»¹⁵⁷. Последний подход представляется более основательным и адекватным для характеристики русского национализма рассматриваемого периода.

По сути дела, националисты предполагали решать консервативные задачи сохранения основ социально-экономического и политического порядка в стране с использованием либеральных инструментов – представительных учреждений, политических свобод, широкого участия населения в политической жизни. При этом едва ли стоит преувеличивать значение либерального компонента в идеологии русских националистов. Проповедуя необходимость внедрения либерального, демократического начала в российскую государственность, они, в то же время, настаивали на сохранении ведущей роли в ней начала авторитарного, исторически ассоциирующегося с самодержавием. Как справедливо отмечает Д.А. Коцюбинский, националисты, осуждая произвол в принципе, видели в «произволе сверху», со стороны государства, несоизмеримо меньшее зло по сравнению с «произволом снизу», со стороны общества¹⁵⁸.

Все вышесказанное свидетельствует о неоднородности русского национализма кануна Первой мировой войны, наличии в нем противоположных тенденций. Это одновременно являлось источником и силы, и слабости: придавая национализму известную гибкость, оно создавало

---

¹⁵⁷ Санькова С.М. Указ. Соч. С. 92.

¹⁵⁸ Коцюбинский Д.А. Указ. Соч. С. 112.

потенциальную опасность раскола, возникшую задолго до начала Первой мировой войны.

Важнейшим фактором конфликта в националистической среде стало широкое распространение в ней идеологии «национал-демократии». Одним из идеологов нового течения стал киевский профессор, бывший член фракции трудовиков в I Государственной Думе Т.В. Локоть. Он считал, что «русская национальная демократия» должна стать крупной политической партией, а ее прообразом виделась думская фракция националистов. При этом, по мнению автора, зародыши русской национальной демократической партии уже содержались во многих существующих политических организациях – «начиная от союза русского народа, заканчивая трудовой группой»¹⁵⁹.

Примерно в это же время появился альманах «Лад»¹⁶⁰. Его основная идея состояла в том, чтобы превратить русский национализм в широкое политическое движение, которое смогло бы обеспечить синтез национализма с демократическими настроениями широких слоев русского населения. Основными идеями, которые отстаивали авторы сборника, были: единство и неделимость России, активная внешняя политика в Азии, выделение Холмщины из Царства Польского и обособление Сувалкской губернии, усиление влияния России в Австрийской Галиции¹⁶¹.

М.Я. Балясный, признавая ограниченность политического влияния националистов, настаивал на разработке программы, которая помогла бы завоевать симпатии социальных низов, прежде всего, крестьянства¹⁶². Предложения «Лад» шли дальше предложений ВНС: они настаивали на уравнение всех сословий, распространение земств и городского

---

¹⁵⁹ Локоть Т.В. Оправдание национализма. Киев, 1910. С. 54.

¹⁶⁰ Новая Россия. Основы и задачи Имперской Народной Партии. Спб. 1914. С. 114.

¹⁶¹ Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 259.

¹⁶² Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. С. 412.

самоуправления на всю территорию России и даже допускали отмену черты оседлости для евреев¹⁶³.

Другой сторонник «национал-демократии» В. Строганов видел важнейшую задачу русского национализма в окончательном установлении и твердом обеспечении начал гражданской свободы, которые были дарованы русскому народу Манифестом 17 октября¹⁶⁴. Строганов указывал на необходимость расширения полномочий Государственной Думы в области бюджета и внешней политики. При этом он оставался убежденным монархистом и уверял, что не допускает возможности для России иного образа правления, кроме монархического¹⁶⁵.

Аналогичные идеи высказывал и А.Л. Гарязин, предпринявший накануне войны попытку объединить сторонников «национал-демократии» в Имперскую народную партию. Рупором идеологии русской «национал-демократии» стал редактировавшийся им еженедельник «Дым отечества», а идеологические основания новой партии были сформулированы в сборнике «Новая Россия», увидевшем свет буквально накануне Первой мировой войны.

Авторы сборника высказывались за единство и нераздельность Империи, представительный образ правления, политические свободы, уравнивание всех сословий перед законом и судом и защиту интересов православной церкви¹⁶⁶. По мнению Гарязина, ВНС для решения этих задач не годился: он давно превратился в тормоз для развития национального движения. Политическая активность левых националистов стимулировалась стремлением избавиться от обвинений в приспособленчестве и превращении в правительственных марионеток. Гарязин считал, что фракция националистов в III Думе ничего положительного в русскую историю не принесла, запомнившись разве что «расшаркиванием» перед П.А. Столыпиным¹⁶⁷. В публикациях в «Дыме отечества» фракция националистов удаивалась и более резких

---

¹⁶³ Ладо. С. 173.

¹⁶⁴ Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. Спб., 1912. С. 108.

¹⁶⁵ Там же. С. 122.

¹⁶⁶ Новая Россия. Основы и задачи Имперской Народной Партии. Спб., 1914. С. 15.

¹⁶⁷ Там же. С. 8.

характеристик. Ее называли «партией холопов их высокопревосходительств», «вскормленной и вспоенной Столыпиным... ватагой назойливых крикунов, захвативших в свои ритуальные руки знамя русского национализма»¹⁶⁸.

По мнению людей, группировавшихся вокруг «Дыма отечества», будущая народная националистическая партия должно была опираться на демократические элементы. Ее идеологи считали, что неэффективность Думы обусловлена тем, что на политической сцене практически отсутствуют «строители великого русского государства», под которыми понимался «трудовой слой городов и крестьянство»¹⁶⁹.

Упрекая думских националистов в отрыве от масс, идеологи «национал-демократии» относили себя к националистам и разделяли основные установки ВНС. В статье «Да здравствует русская народная партия» В. Глыбин отмечал, что программа Всероссийского Национального Союза «не так плоха», однако «дворянские традиции» и «вехания старого бюрократизма все еще довлеют» над членами этой организации. Избавление от указанных «традиций» и «веханий» выступало как важнейшая предпосылка политического успеха русского национализма. Его обновление и демократизация позволили бы создать партию, которая, служа интересам народных масс, «быть может, первая в России выскажется за уравнивание сословий и создание одного сословия — граждан»¹⁷⁰.

Выступая в защиту демократической идеи применительно к этноконфессиональному большинству, национал-демократы призывали к осторожности в распространении демократических принципов на национальные отношения. Признавая за великороссами, малороссами и белорусами главенствующую роль в государстве, они ратовали за развитие самосознания малых народов, поощрение самобытной культуры «до тех пор,

---

¹⁶⁸ Львов А. Политика национальных недоносков. // Дым отечества. 1914. №6. 6 февраля. С. 2.

¹⁶⁹ Веров Н.Е. Накануне появления народной партии в России. // Дым отечества. 1914. №1. 3 января. С. 4.

¹⁷⁰ Глыбин В. Да здравствует русская народная партия. // Дым отечества. 1914. №3. 16 января. С. 4.

пока это явно не противоречит интересам державной нации». Сторонники «национал-демократии» подчеркивали, что сохранить особый статус «державной нации» можно было «лишь по праву первенства в историческом, культурном и количественном смысле», а не грубой силой и ограничительными законами¹⁷¹.

Выступая за государство, построенное на «чисто национальной» основе, авторы «Дыма отечества» утверждали, что конкретные формы государственности изменчивы и должны приспособливаться к требованиям времени. Поскольку прогресс государства зависит от развития духовных и материальных сил нации, лучшим является правопорядок, ближе всего отвечающий интересам народных масс. В силу этого государство должно было быть: 1) национальным, то есть содействовать национальному культурному росту и 2) демократическим, то есть служить не отдельным классам, а всему народу¹⁷². Это не исключало возможности сохранения в России монархии: национал-демократы утверждали, что являются последовательными монархистами. Характеризуя народную партию, В. Глыбин, отмечал, что она «при конституционном образе будет, безусловно, *монархической* (курсив мой — А.Г.)¹⁷³.

Стоит заметить, что хотя «народная партия» и не была официально зарегистрирована, «Дым отечества» в начале весенней сессии 1914 г. сообщал, что ее потенциальные члены входят в думскую группу независимых депутатов, состоявшую, в основном, из депутатов-казаков¹⁷⁴. Деятельность русских национал-демократов была подробно рассмотрена в кандидатской диссертации А.А. Чемакина, защищенной в 2016 году в Московском

---

¹⁷¹ Веров Н.Е. Какой национализм может быть назван здоровым? // Дым отечества. 1914. №24. 12 июля. С.9.

¹⁷² Как мы понимаем задачи русской национал-демократии. // Дым отечества. 1914. №2. 9 января. С. 7.

¹⁷³ Глыбин В. Да здравствует русская народная партия. // Дым отечества. 1914. №3. 16 января. С. 5.

¹⁷⁴ Дым отечества. 1914. №25. 19 июня. С.3.

государственном университете¹⁷⁵. Изучив деятельность национал-демократических сил, автор приходит к выводу, что их провал на политической арене связан с ошибочным расчетом на крестьянские слои, а также ошибочным стремлением перенести социально-политические, экономические и культурные реалии Галичины начала века на территорию всей Российской империи в канун Первой мировой войны.

Таким образом, еще до войны в среде националистов самое широкое распространение получили критические оценки идейно-политических установок в деятельности общенациональных националистических объединений, думской фракции националистов и умеренно-правых и Всероссийского национального союза. В упрек «официальному» национализму они ставили недооценку демократических процедур и ценностей и ориентацию на властные, бюрократические структуры.

Впрочем, и в официальном руководстве националистических объединений, в том числе в думской фракции националистов, присутствовали серьезные расхождения, в ней начали очерчиваться контуры правого и левого фланга. Особенно наглядно отсутствие единства в националистических рядах продемонстрировало знаменитое «дело Бейлиса».

Обвинения в «ритуальном убийстве» 12-летнего ученика Софийского духовного училища Андрея Ющинского, произошедшем в канун Пасхи в 1911 г., были подхвачены многими консервативными деятелями, в результате чего по подозрению в совершении ритуального убийства был задержан Мендель Бейлис, служивший приказчиком на кирпичном заводе¹⁷⁶.

Материалы М.О. Меньшикова и А.И. Савенко, опубликованные в «Новом времени», послужили причиной депутатского запроса министрам юстиции и внутренних дел о «преступной секте иудеев». В запросе, подписанном 39 депутатами, интересовались мерами, которые

---

¹⁷⁵ Чемакин А.А. Имперская народная партия и Независимая группа IV Государственной думы: русские национал-демократы в 1913 – 1917 гг. Дисс... кандидата исторических наук. М., 2016. 328 с.

¹⁷⁶ Подробнее об этом см.: Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1996.

предпринимают министры для устранения иудейской секты, будто бы употребляющей в своих обрядах кровь христианских детей¹⁷⁷. В числе подписавших запрос был и В.В. Шульгин¹⁷⁸.

Большую роль в развитии этой истории сыграла смерть отчима В.В. Шульгина, долгие годы возглавлявшего «Киевлянин». Имея большое влияние на киевских националистов и на ВНС в целом, он силой личного авторитета сдерживал стычки внутри всей организации, и когда Пихно не стало, борьба за власть и влияние среди националистов заметно обострилась.

По мере приближения к судебному процессу, начавшемуся 25 сентября 1913 г., позиция в деле Бейлиса возглавившего «Киевлянин» Шульгина изменилась. Не отказываясь от антисемитизма в принципе, он счел конкретные обвинения в адрес Бейлиса неосновательными. Опасаясь, что безосновательное осуждение подсудимого скомпрометирует выступавших с обвинениями в его адрес правых и националистов, Шульгин опубликовал серию статей в защиту обвиняемого.

Он убеждал, что «цель не оправдывает средства», а «ложь всегда останется ложью»¹⁷⁹. «России нужен здоровый и осмысленный антисемитизм», - писал «Киевлянин», будучи убежденным в том, что процесс против Бейлиса в силу своей очевидности «скорее выгоден для евреев»¹⁸⁰.

«Горько нам писать все это, - признавался Шульгин в статье от 27 сентября 1913 г., - Но, приняв редакторское перо из рук умолкнувшего Дмитрия Ивановича Пихно, - мы над гробом его поклялись, что неправда не запятнает страниц «Киевлянина»¹⁸¹. По его мнению, обвинители Бейлиса, твердя о ритуальном убийстве, «сами совершали человеческое жертвоприношение»¹⁸². Он обратил внимание на то, что присяжные специально были подобраны таким образом, что из двенадцати человек

---

¹⁷⁷ См.: Санькова С.М. Как дело Бейлиса превратилось в дело Шульгина. Орел, 2005.

¹⁷⁸ Степанов С.А. Указ. Соч. С. 479.

¹⁷⁹ Киевлянин. 1913. 8 октября.

¹⁸⁰ Киевлянин. 1913. 15 октября.

¹⁸¹ Киевлянин. 1913. 10 октября.

¹⁸² Киевлянин. 1913. 27 сентября.

десять учились лишь в сельской школе, а оставшиеся двое вообще были малограмотными. «Посадить на скамью подсудимых еврея, обвиняемого в ритуальном убийстве, при явно нищенских уликах, не только не этично, но и не умно», - считал Шульгин¹⁸³.

Он отмечал, что обвинительный акт по делу Бейлиса является «не обвинением одного человека, это есть обвинение целого народа в одном из самых тяжких преступлений, обвинение целой религии в одном из самых позорных суеверий»¹⁸⁴. На эту борьбу русская юстиция должна была идти «с хорошо отточенным оружием», считал Шульгин. В то время как «обвинение против Бейлиса есть лепет, который мало-мальски способный защитник разобьет шутя. И невольно становится обидно за киевскую прокуратуру и за всю русскую юстицию, которая решилась выступить на суд всего мира со столь убогим багажом», - писал Шульгин¹⁸⁵. «Мы не устанем повторять, - продолжал он, - что несправедливое дело не даст желанных плодов. Мы не устанем повторять, что суд не должен быть орудием ни левых, ни правых, а должен быть просто судом... И как ни казалось бы выгодным и нужным с точки зрения партийной доказать существование ритуальных убийств, прокурорская власть не должна была, не имела права заниматься постановкой живого объекта, необходимого для возникновения такого рода процесса. Между тем это именно и было сделано»¹⁸⁶.

После публикации в «Киевлянине» 27 сентября 1913 г. статьи о «деле Бейлиса» Шульгин был приговорен к трехмесячному аресту за клевету. Тем не менее, на следующий день газета снова вышла с передовой, посвященной громкому делу. «Обвинительный акт по делу Бейлиса совершенно не отвечает основным требованиям закона, его толкований и юридической доктрины, - продолжала твердить газета. - Мы исчерпали все доказательства вины

---

¹⁸³ Шульгин В.В. Годы. Дни. С. 155.

¹⁸⁴ Киевлянин. 1913. 27 сентября.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

Бейлиса, все улики против него»¹⁸⁷. «Что ж, покойному мальчику станет легче от того, что вы отправите на каторгу человека, который его пальцем не тронул?», - вопрошал Шульгин¹⁸⁸.

Многие националисты позицию Шульгина не поддержали. М.О. Меньшиков опубликовал в «Новом времени» серию статей, в которых резко критиковал Шульгина. Он заявил, что утверждения о несостоятельности обвинительного акта по делу Бейлиса являются «нападением на русскую государственную власть», поскольку прокурор Г.Г. Чаплинский является ее представителем¹⁸⁹. Считая, что оправдательный приговор еще не может служить доказательством невиновности Бейлиса в ритуальном убийстве, Меньшиков утверждал, что «во многих случаях преступления очевидны для обывателей и без суда». «Кровь Столыпина, убитого евреями в том же Киеве, еще свежа в памяти... Своей травлей против прокуратуры разве не присоединяется г. Шульгин к еврейскому террору?», - вопрошал он¹⁹⁰.

Он обвинял редактора «Киевлянина» в клятвопреступлении, за которое «полагается лишение всех прав, состояния и ссылка в Сибирь, а в особо тяжких случаях даже десятилетняя каторга»¹⁹¹. Шульгин на это отвечал: «Процесс против Бейлиса с тем убогим багажом, который выставило обвинение и который оправдывает М.О. Меньшиков, есть отдаление от справедливого возмездия, а не приближение к нему»¹⁹².

«Россия понесла поражение», - писал Меньшиков после того, как Бейлис был оправдан судом присяжных. «Скажите, что в этом кошмарном деле не подкуплено? – возмущался он – Что не оболгано? Что не терроризовано Евреями? Ведь единственное, что не подделано, не подкуплено и не поддавалось террору – это русская государственная юстиция, да гражданские истцы. Исторической по нашему времени заслугой следует признать

---

¹⁸⁷ Киевлянин. 1913. 28 сентября.

¹⁸⁸ Киевлянин. 1913. 10 октября.

¹⁸⁹ Новое время. 1913. 6 октября.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Киевлянин. 1913. 10 октября.

решимость И.Г. Щегловитова, несмотря на всевозможные давления, все-таки поставить это возмутительное дело»¹⁹³.

Соглашаясь с Меньшиковым и правыми в том, что оправдательный приговор по делу Бейлиса «есть победа еврейства», «Киевлянин» язвительно замечал: «Эта победа была обеспечена с самого начала теми, кто посадил на скамью подсудимых явно невиновного»¹⁹⁴. «...Мы не можем осуждать тех, кто евреев ненавидит, - писал Шульгин. - Но мы осуждаем, что эту горькую необходимость хотят возвести во святыню, хотят покрыть ее авторитетом христианства, покровом Бога и Христа. Вот это гадко и кощунственно», - говорил он, выступая против идеи строительства храма в память Андрея Ющинского¹⁹⁵.

Позже Шульгин признавался, что столь резко и определенно высказался по делу Бейлиса под влиянием Д.И. Пихно, который «редко ошибался». «В деле Бейлиса его (Д.И. Пихно — А.Г.) политическая зоркость сказалась с особой яркостью. Задолго до своей смерти он предсказал, что Бейлиса оправдают». По словам Шульгина, Пихно относился «с величайшим осуждением и брезгливостью к политическим партиям, которые, соблазнившись примерами слева, праздновали политический шабаш над трупом Ющинского. Он считал, что дело Бейлиса было крупнейшей и государственной, и политической ошибкой»¹⁹⁶.

Представляется, что в полемике между Меньшиковым и Шульгиным присутствовал и важный аспект, на который уже обращала внимание С.М. Санькова. Конфликт между националистами по поводу дела Бейлиса был обострен противостоянием Киева и Петербурга как двух центров русского национализма¹⁹⁷. Во всяком случае, Шульгин особо подчеркивал право редактируемого им провинциального издания на точку зрения, отличную от точки зрения столичного публициста. «Поберегите себя, почтеннейший

---

¹⁹³ Новое время. 1913. 31 октября.

¹⁹⁴ Киевлянин. 1913. 31 октября.

¹⁹⁵ Киевлянин. 1913. 24 декабря.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ См.: Санькова С.М. Как дело Бейлиса превратилось в дело Шульгина. Орел, 2005.

Михаил Осипович, - обращался Шульгин к Меньшикову. - «Киевлянин» вам не сломать и не пересилить. Уверяю вас, что на «Киевлянине» вы сломаете себе зубы без всякой пользы для себя и для кого бы то ни было и к тому же даже на одну минуту не испортите расположения духа ее редактора»¹⁹⁸.

Стоит оговориться, что Савенко поддержал в этом споре не Шульгина - своего коллегу по фракции и «Киевлянину», а Меньшикова. Ту же позицию заняло большинство членов ККРН. В начале октября 1913 г. члены клуба направили поддерживавшему обвинение прокурору Г.Г. Чаплинскому приветственную телеграмму, в которой высказали признательность за проявленное мужество перед лицом «еврейского кагала». Приветственные телеграммы получили также член Государственной Думы Г.Г. Замысловский и присяжный поверенный А.С. Шмаков, активно поддерживавшие сторону обвинения в своих публичных выступлениях¹⁹⁹.

Савенко, признавая Шульгина «кристально чистым человеком», назвал его позицию ошибочной. «Позицию, занятую им (Шульгиным – А.Г.) по отношению к делу Бейлиса, я считаю совершенно ошибочной. Но для меня не подлежит ни малейшему сомнению, что он действовал в этом случае по искреннему и чистому убеждению. Шульгин и «заведомая ложь» – это представления, для меня абсолютно несовместимые», - говорилось в телеграмме Савенко в редакцию «Киевлянина»²⁰⁰.

21 марта 1914 г. фракция националистов и умеренно правых приняла резолюцию, в которой линия Шульгина признавалась ложной. «В.В. Шульгин и газета «Киевлянин» ошибочно держались других взглядов, чем фракция, на это дело, каковые взгляды высказывали весьма категорично; но <...> в этом заблуждении В.В. Шульгин руководствовался исключительно своими внутренними убеждениями и совестью, и ошибался вполне добросовестно», - сообщалось в резолюции²⁰¹.

---

¹⁹⁸ Киевлянин. 1913. 24 декабря.

¹⁹⁹ Кальченко Т.В. Указ. Соч. С. 21.

²⁰⁰ Киевлянин. 1914. 26 января.

²⁰¹ Киевлянин. 1914. 23 марта.

Между тем, еще до окончания процесса над Бейлисом в Киевском клубе русских националистов возник новый конфликт. В начале ноября 1913 г. состоялось очередное собрание членов фракции, на котором председательствовал П.Н. Балашев. Как сообщал «Киевлянин», большинство присутствующих высказались за желательность «тесного единения с партией центра», а также «соглашения с октябристами для проведения отдельных важных законопроектов»²⁰². На том же заседании ряд выступающих высказался за сохранение хороших отношений с правыми. В итоге было принято решение заявить, «что газетные известия о возможности раскола во фракции лишены всякого основания и что националисты будут по-прежнему выступать в Государственной Думе вполне сплоченной группой»²⁰³. При этом присутствовавшему на собрании корреспонденту «Киевлянина» показалось, что фракция, сохранив единство, сдвинется к политическому центру. «Общее впечатление таково, что раскола во фракции не будет, но произойдет передвижение всей фракции в сторону центра»²⁰⁴.

Выборов нового состава Совета фракции националистов «Киевлянин» ждал «с большим интересом», поскольку они являлись «фактической проверкой действительного соотношения двух противоположных фракционных течений»²⁰⁵. Выборы председателя фракции и фракционного совета состоялись 7 ноября 1913 г. и «были очень мучительны»²⁰⁶. Из 68 участвовавших в голосовании 47 проголосовали за Балашева: таким образом, треть участников голосования отвергла его кандидатуру²⁰⁷.

Было решено создать совет фракции из двенадцати членов, однако только семь из них получили во время голосования большинство. Левое крыло на выборах совета представляли только В.А. Бобринский и В.Я.

---

²⁰² Киевлянин. 1913. 4 ноября.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Киевлянин. 1913. 9 ноября.

²⁰⁷ Историки уже обращали внимание на это обстоятельство. См., например: Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Revolution. The Nationalist Party, 1907-1917. New Brunswick. P. 180.

Демченко, причем последний от избрания отказался²⁰⁸. Таким образом, выборы продемонстрировали преобладание правых элементов в думской фракции²⁰⁹.

Настаивая на независимости от политической конъюнктуры, Савенко в конце ноября 1913 г. заявил о том, что «ортодоксальные националисты, националисты-столыпинцы не полевели, не поправились, а остались на прежних позициях». «Необходима борьба с революцией, и в этом... власть всегда сможет рассчитывать на нашу поддержку», - писал он. Но необходимо «отмежеваться от реакции, высоко держать знамя национальных идей, идти вперед, а не назад». По его мнению, националисты должны были искать союзников не справа, а слева: «...Реальная работа возможна лишь в союзе с октябристами»²¹⁰.

За аутентичных националистов принимались сторонники соглашения с октябристами, а вовсе не с правыми. О происходящей в это время внутри фракции борьбе писали мало, однако информация о ней все-таки просачивалась на страницы газеты. Так, в конце ноября 1913 г. «Киевлянин» сообщил о том, что часть националистов, перешедших из фракции правых, внесла предложение об исключении из фракции «ортодоксальных националистов» - сторонников диалога с октябристами. «Немедленно выяснилось, что такое предложение немислимо, ибо ортодоксальные националисты составляют большинство фракции», - заявлял «Киевлянин»²¹¹.

Между тем 25 ноября 1913 г. представители киевского духовенства и профессуры обратились с коллективной телеграммой к члену Государственного совета Ф.Н. Безаку, в которой осудили стремление киевских националистов отмежеваться от правых. Под телеграммой подписался ряд киевских епископов, архимандритов, протоиереев, священников и 13 профессоров. По их мнению, «только в единении с

---

²⁰⁸ Киевлянин. 1913. 9 ноября.

²⁰⁹ Санькова С.М. Русская партия в России. С. 252.

²¹⁰ Киевлянин. 1913. 27 ноября.

²¹¹ Киевлянин. 1913. 28 ноября.

правыми русская национальная фракция может быть самостоятельной и сильной. «До боли грустно, что в русской национальной фракции появились какие-то национал-либералы; было бы лучше, если бы они прямо объявили себя октябристами»²¹².

В ответной телеграмме Ф.Н. Безак заявил, что «скорбит об ошибках, сделанных некоторыми националистами». «Левых националистов мы никогда не знали до сих пор среди киевлян, и во всяком случае не таковых мы избирали в прошлом году в Государственную Думу. Только крепкий союз националистов с правыми и правых с националистами может создать ту силу, с которой будут считаться октябристы... Не теряю надежды, что некоторые заблуждения и увлечения (курсив мой — А.Г.) скоро пройдут, и дружное единение всех националистов будет способствовать плодотворной работе Государственной Думы», - заверил Безак в ответной телеграмме²¹³.

В.В. Шульгин выразил свое недоумение в связи с этой перепиской, заявив, что национальная фракция будет самостоятельной только тогда, когда она будет в «в единении со своими принципами». Что же касается политических партнеров, то редактору «Киевлянина», октябристы в этом качестве казались более подходящими, чем правые. «От правых национальная фракция отличается столько же, сколько и от октябристов. С последними у националистов есть программное разномыслие. А с правыми у националистов разномыслие «по способу действий»... Если с октябристами националисты не всегда могут идти вместе ради того, что октябристы *говорят*, то с правыми часто нельзя идти вместе из-за того, что они *делают*»²¹⁴.

27 ноября 1913 г. в передовой «Киевлянина» впервые прозвучало слово «раскол». Шульгин обвинил противников сотрудничества с октябристами в том, что они препятствуют заниматься «государственным творчеством». «Люди, желающие трудиться, видят в октябристах поддержку своим

---

²¹² Киевлянин. 1913. 26 ноября.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

стремлениям, а в правых — препону», - заявил редактор «Киевлянина». Шульгин констатировал, что завет Столыпина «сначала успокоение — затем реформы» был в значительной степени утрачен, однако считал, что «не у правых можно его опять обрести»²¹⁵.

28 ноября, спустя три недели после выборов президиума фракции националистов, продемонстрировавших наличие внутреннего конфликта, было опубликовано коллективное заявление А.И. Савенко, В.Я. Демченко и Н.Н. Чихачева. Говоря о происходящих фракционных «трениях», авторы «разъяснения», как оно было озаглавлено, признавали существование двух флангов русской национальной фракции — правого и левого. Согласно авторам, «разномыслие» между ними состояло в разных ответах на вопрос о том, как наладить работу Государственной Думы²¹⁶.

Настаивая, что они пришли в Думу «не для политиканства и бесконечного повторения никому не нужных общих фраз», а для «реальной работы на пользу народа и государства», будущие прогрессивные националисты подчеркивали, что эта работа невозможна без создания рабочего большинства. А поскольку с правыми это рабочее большинство невозможно, они вынуждены думать о «чисто деловом» соглашении с октябристами. Впрочем, даже признавая целесообразность ориентации на сотрудничество с октябристами, левые националисты не отрицали необходимости поддерживать контакт с правыми. «Мы никогда не предлагали разрывать с правыми, - объясняли Савенко, Демченко и Чихачев. - Но, к сожалению, националисты и правые не составляют в Думе большинства. Собственными своими силами эти две фракции не могут провести ни одного законопроекта, ни одного думского постановления. Приходится поэтому искать других путей»²¹⁷.

Авторы «разъяснения» упирали на то, что отказ националистов от сотрудничества с октябристами фактически означал бы отказ от возможности

---

²¹⁵ Киевлянин. 1913. 27 ноября.

²¹⁶ Киевлянин. 1913. 28 ноября.

²¹⁷ Там же.

образования думского большинства. «Киевлянин», разделяя эту точку зрения, заметно подогревал конфликт. 1 декабря 1913 г. в газете было опубликовано письмо в газету за подписью «Выборщик», автор которого выражал поддержку Савенко и Демченко. «При нынешних условиях русской жизни нам нельзя топтаться на месте и ловить «ручку» по правому шаблону. Если во фракции националистов раскол, то это доказывает только то, что некоторые «националисты» пробрались в Думу не под своим флагом»²¹⁸.

1 декабря состоялось очередное заседание русской национальной фракции под председательством Балашева. Принятая на нем резолюция гласила, что фракция признавала необходимым, во-первых, «сохранение полной самостоятельности», во-вторых, «деловое соглашение с другими фракциями, но не левее октябристов, в целях образования работоспособного большинства для проведения важнейших законопроектов», в-третьих, «энергичную поддержку... правительства в комиссиях и общих собраниях Государственной Думы во всех случаях, когда действия правительства являются закономерными»²¹⁹.

Резолюция должна была продемонстрировать фракционное единство. «Фракция полагает, - говорилось в ней, - что единогласное ее постановление по вопросу, предрешающему ее будущую деятельность, служит лучшим опровержением всех слухов и толков о якобы существующем разладе среди ее членов...»²²⁰. Правда, намерение представить положение во фракции безоблачным перечеркивала последняя фраза, сообщавшая, что «представители правого крыла в заседании отсутствовали»²²¹. Но это еще не означало их разрыва с большинством. В передовице «Киевлянина» от 6 декабря подчеркивалось, что слухи о выходе из фракции ряда ее членов, в

---

²¹⁸ Киевлянин. 1913. 1 декабря.

²¹⁹ Киевлянин. 1913. 2 декабря.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же.

частности, Савенко и Демченко, и образование новой группы «национал-либералов», не имеют под собой основания²²².

Между тем в декабре усилились трения между двумя видными киевскими националистами - А.И. Савенко и С.М. Богдановым. Богданов утверждал, что левое крыло фракции попало под либеральное влияние. Трения во фракции он объяснял вовсе не отказом правого крыла националистов от создания работоспособного думского большинства, а тем, что Савенко и его единомышленники стремились создать большинство не с правыми и октябристами, а с левыми октябристами и прогрессистами, с которыми национальной фракции было не по пути²²³.

«Среди членов фракции проявилось два течения, - писал Богданов. - Часть их готова была подчиниться призыву так называемых левых октябристов стремиться создать в нынешней Гос. Думе левый центр — из националистов, центральных партий с октябристами во главе и из прогрессистов, при отстранении правых; другие же находили, что к соглашению нужно привлечь правых, допуская соглашения влево не далее октябристов... Но прогрессисты находятся в таком тесном общении с кадетами, что... с ними идти, по мнению большинства национальной фракции, не по пути»²²⁴. Богданов утверждал, что принятие резолюции фракции от 1 декабря означало фактическое завершение конфликта.

11 декабря «Киевлянин» опубликовал ответ Савенко на утверждения Богданова. По его мнению, тот «дал совершенно неверное освещение причин, разделивших национальную фракцию на два крыла». Савенко категорически отверг утверждение Богданова о том, что левое крыло фракции выступало за необходимость «порвать с правыми», равно как и за соглашение с прогрессистами и левыми октябристами²²⁵.

---

²²² Киевлянин. 1913. 6 декабря.

²²³ Киевлянин. 1913. 7 декабря.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Киевлянин. 1913. 11 декабря.

«Весь спор левого и правого крыльев национальной фракции возник из-за того, что левое крыло все время стояло за необходимость установления дружественных отношений с октябристами (правыми и центральными), а правое крыло было настроено по отношению к октябристам очень враждебно», - объяснял Савенко. Он утверждал, что дружественные отношения с октябристами установились у левого крыла национальной фракции после поддержки последними кандидатуры М.В. Родзянко на посту председателя Думы, в то время как правое крыло доказывало необходимость его провалить²²⁶.

К Савенко и Демченко присоединился Шульгин, упрекнувший правое крыло в развертывании персональной кампании против сторонников ориентации налево. По его мнению, работа в Думе не имела смысла без рабочего большинства. А поскольку это большинство без октябристов было немыслимо, выступать против контактов с ними означало выступать против активной работы Думы.

Таким образом, еще до начала Первой мировой войны вслед за признанием существования в русском политическом национализме левого и правого крыльев будущие прогрессивные националисты заговорили о необходимости формирования дееспособного парламентского большинства²²⁷. При этом подчеркивалось, что ни о каком «слиянии» с октябристами не могло быть и речи, а «единение» с правыми или с октябристами привело бы национальную фракцию «к полной утрате самостоятельности»²²⁸.

---

²²⁶ Киевлянин. 1913. 11 декабря.

²²⁷ Киевлянин. 1913. 27 ноября.

²²⁸ Киевлянин. 1913. 28 ноября.

1.2 Левые националисты и начало Первой мировой войны (июль 1914 г. – июль 1915 г.)

Обострение конфликта между правыми и левыми националистами привело к тому, что зимой 1913-1914 гг. собрания Киевского клуба русских националистов приобрели характер встреч двух откровенно враждебных лагерей. Одна из таких встреч состоялась 13 декабря и была посвящена докладу киевских думцев А.И. Савенко, В.Я. Демченко и Н.Н. Чихачева на тему «Государственная Дума и ее партии. Наша фракция и программа».

В.Я. Демченко отмечал, что «сама идея блокирования с октябристами — правильная, и нисколько не идет в разрез с идеями национального кодекса»²²⁹. Выступивший следом Н.Н. Чихачев сетовал, что соглашение националистов с октябристами не состоялось ранее, поскольку его коллеги по фракции подчинялись «больше чувству, чем рассудку»²³⁰. А.И. Савенко упирал на то, что без образования думского большинства деятельность нижней палаты была бы бесплодной. По его словам, «вступая в блок (с октябристами — А.Г.) националисты не только не идут в услужение к октябристам, но заставляют их служить национальной идее». Савенко заявил, что правые, в отличие от октябристов, «идут скорее на разрушение представительного строя и русских законов»²³¹.

Эти выступления вызвали бурные протесты представителей правого крыла. С.М. Богданов заявил, что наибольшая продуктивность думского большинства была бы достигнута в том случае, если бы в его состав вошли правые. За включение правых в состав такого правоцентристского блока высказался также К.П. Григорович-Барский²³².

Богданов обвинял своих коллег в намерении остаться «в услужении октябристам». Он указывал на непостоянство А.И. Савенко, «что сначала

---

²²⁹ Киевлянин. 1913. 15 декабря.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² Там же.

заставляло его быть большим другом правых и с необыкновенным воодушевлением возражать против возможности даже для крайних правых быть врагами народного представительства, а позже признавать тех же правых решительными противниками реформы 17 октября»²³³.

Григорович-Барский также старался изобличить Савенко и Демченко в политической беспринципности. Он указывал, что те, «неоднократно выступавшие в Думе и во фракции с осуждением главы правительства В.Н. Коковцова... в последнее время по неизвестным причинам стали ездить к тому же В.Н. Коковцову, которого недавно всемерно осуждали»²³⁴.

В ответ Савенко отметил, что перепалка представителей двух течений фракции националистов давно потеряла «даже видимость идейного спора», превратилась в «личную ссору, сопровождаемую дразгмами, личными выпадами и т.д.»²³⁵. Он убеждал, что спор касался исключительно думской тактики, и левые националисты не изменили ни одному пункту программы национальной фракции. «Думская политика — это борьба, - заявил Савенко. - А во всякой борьбе, как и на войне, нет и не может быть шаблонных тактических рецептов»²³⁶.

Что касается обвинений Григоровича-Барского в беспринципности, Савенко отвечал, что действительно осуждал политику В.Н. Коковцова, «пока он относился неприязненно к нашей партии». Но, по его словам, за год «многое до неузнаваемости изменилось». «Когда для нас стало ясно, что В.Н. Коковцов - друг народного представительства... мы, отбросив в сторону свои личные симпатии и антипатии, изменили свое отношение... ибо мы служим только делу. В.Н. Коковцов, как и мы, стремится к тому, чтобы в Думе образовалось большинство и наладилась работа. В этом мы полные союзники»²³⁷.

---

²³³ Киевлянин. 1913. 17 декабря.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Киевлянин. 1913. 18 декабря.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же.

В редакционной статье от 19 декабря 1913 г. «Киевлянин» указывал, что «киевская ссора», если она не будет ликвидирована, чревата серьезными последствиями. «Если после праздников фракция националистов расколется и часть ее пойдет с октябристами, а часть к правым, то в Государственной Думе не будет большинства, а следовательно, не будет работы», - писал Шульгин. Он добавлял, что признание неизменности союза националистов с правыми означало бы ориентацию на роспуск Думы, поскольку ее продуктивная работа в условиях отсутствия стабильного большинства была бы невозможной²³⁸.

В начале 1914 г. Савенко констатировал, что в то время, как центр Государственной Думы стремится наладить думскую работу и установить необходимые для этого отношения с правительством, оба фланга нижней палаты, «движимые страстностью и нетерпимостью, всячески тормозят эти усилия»²³⁹. Те националисты, которые желают работать, объявлены справа «изменниками». Октябристы, которым надоело постыдное топтание на месте, тоже объявлены «изменниками», только слева, писал Савенко, подчеркивая, что соглашение с октябристами даст националистам отойти от крайних правых. «Без дружественных отношений и без делового соглашения между октябристами и националистами думская работа невозможна», - снова подчеркивал он²⁴⁰.

В начале января 1914 г. Савенко был переизбран председателем Киевского клуба русских националистов. В ответ на это Богданов и его сторонники покинули клуб, создав Киевское отделение Национального Союза. В него вошли П.Н. Балашев, К.П. Григорович-Барский, Ф.Н. Безак, С.Э. Штеглер и другие правые националисты. В то время как новообразовавшаяся группа стала организационным центром правого крыла националистов в Киеве, ККРН остался под влиянием левого крыла.

---

²³⁸ Киевлянин. 1913. 20 декабря.

²³⁹ Киевлянин. 1914. 16 января.

²⁴⁰ Там же.

Савенко объяснял произошедший раскол позицией правых элементов ККРН, которые стремились сделать клуб «крайне правой и резко партийной» организацией, что противоречило самой его идее. «Перетягивания крайне правого крыла клуба казались его основателям тем более безосновательными, что для партийной деятельности в резко правом духе в распоряжении партийных правых имеется «Русское собрание», организация старая и очень почтенная», - разъяснял Савенко²⁴¹.

Столкновения между правыми и левыми националистами сказывались и на работе думской фракции. В конце апреля 1914 г. во время прений по бюджету с декларацией от лица националистов выступил В.Я. Демченко. Заявление о том, что правительство тормозит работу народного представительства, поддержали все фракции, кроме правой. Однако на следующий день выяснилось, что 12 депутатов-националистов солидарны не с Демченко, а с правыми. «Дым отечества» так откликнулся на случившееся: «Если националисты хотят сохранить хоть тень своей независимости и последовательности, то они должны... выбросить вон из своей среды затесавшихся «паршивых овец»²⁴².

Таким образом, накануне Первой мировой войны во фракции националистов и умерено-правых происходил процесс поляризации: с одной стороны, активизировалось ее левое крыло, с другой – началась консолидация правого фланга русского политического национализма. Вместе с тем, несмотря на обострение конфликта в националистической среде в конце 1913 – начале 1914 г. окончательного раскола во ФНУП и ККРН удалось избежать.

Во-первых, киевские националисты, несмотря на значительное влияние в русской национальной фракции, оставались лишь одной из группировок внутри единой пока политической группы. Во-вторых, указанный конфликт во многом объяснялся личным соперничеством, с одной стороны, Савенко и

---

²⁴¹ Киевлянин. 1914. 9 января.

²⁴² Дым отечества. 1914. №18. 1 мая. С. 14.

Демченко, с другой - Богданова и Балашева²⁴³. В-третьих, даже после ухода сторонников Богданова в Киевском клубе оставалось довольно значительное число тех, кто предпочитал союзу с либералами союз с правыми.

Вместе с тем уход из Киевского клуба части его членов оказался важным шагом в направлении окончательного раскола националистического движения. Расхождения по вопросам думской тактики коррелировали с социальными различиями между сторонниками разных точек зрения. Вышедшие из Клуба в январе 1914 г. были по преимуществу связаны с привилегированными социальными группами – дворянством и чиновничеством. Оставшиеся, напротив, ориентировались на более демократические слои населения. Например, Савенко, ведя кампанию по выборам председателя клуба, стремился, привлечь на свою сторону не столько дворян-помещиков, сколько работавших на железной дороге²⁴⁴. Позднее именно эти элементы во главе с инженером-железнодорожником Демченко составили одну из своеобразных «ячеек» фракции прогрессивных националистов.

Считается, что известную роль в размежевании фракции сыграл фактор социальных различий. Как отмечал еще до выхода прогрессивных националистов из фракции Савенко, последняя состояла из весьма разнородных элементов, как в социальном, так и в политическом отношении. С одной стороны, здесь имелись «богачи-аристократы, которые умильно и восторженно посматривают на Маркова 2-го и действуют по указке его, и 18 крестьян, которые, разумеется, смотрят совсем в другую сторону, не имея решительно ничего общего с националистами. С другой стороны, во фракции националистов одновременно сидят самые чистокровные крайние правые и люди умеренных и даже либеральных воззрений»²⁴⁵.

В то же время отношения между националистами и кадетами оставались весьма напряженными. Правда, позиция Савенко по отношению к кадетам

---

²⁴³ Санькова С.М. Русская партия в России. С. 55.

²⁴⁴ Edelman R. Ibid. P.182.

²⁴⁵ Цит. по: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 69.

изменялась. В начале апреля 1914 г. он обвинял П.Н. Милюкова в «революционном походе» против власти в союзе с крайними левыми. «И кадеты, и крайние левые – космополиты. Кадетская партия, подобно крайним левым, является партией революционной, а не оппозиционной», - утверждал он²⁴⁶.

Однако спустя всего несколько дней кадеты и их лидер оценивались более лояльно. Основанием для перемены стала публичная лекция Милюкова в Киеве, в ходе которой тот, по выражению Савенко, «признал за национализмом право на существование». «Еще недавно я на этих страницах писал, что волна национализма уже начинает хлестать через борта кадетской ладьи. И вдруг, о чудо: сам лидер кадетской партии является в Киев и здесь признает, что национализм – не выдумка, не искусственное создание «кучки карьеристов», а начало естественное, вытекающее из природы человеческой»²⁴⁷. Впрочем, несмотря на такого рода высказывания, незадолго до начала войны будущие прогрессивные националисты продолжали упрекать кадетов в отсутствии заслуживающих уважения убеждений. «У кадетов, - писал Савенко, - всегда существует несколько мерок, которые и прилагаются в зависимости от тех или иных тактических соображений»²⁴⁸.

Так, пестрота социального облика националистических объединений, серьезные тактико–стратегические расхождения и личные конфликты среди лидеров русского национализма подготовили почву для его раскола. Однако, несмотря на обнаружившиеся разногласия, националистическая фракция вплоть до августа 1915 г. сохраняла организационное единство.

С самого начала Первой мировой войны лидеры будущих прогрессивных националистов восприняли ее как тяжелое испытание для России и ее союзников, которым предстояло решать тяжелейшую геополитическую задачу. Уже в начале августа 1914 г. А.И. Савенко выразил

---

²⁴⁶ Киевлянин. 1914. 6 апреля.

²⁴⁷ Киевлянин. 1914. 17 апреля.

²⁴⁸ Киевлянин. 1914. 29 мая.

уверенность в том, что война «будет упорна и продолжительна»²⁴⁹. Ее окончательным результатом, полагал он, должна стать полная победа над Германией и ликвидация ее как государства. Иначе через какое-то время с Германией снова придется воевать. «Если мы не доведем войны до конца, то заключенный мир будет не мир, а перемирие, притом вооруженное, тягостное перемирие. После такого мира обе стороны будут продолжать стоять друг против друга вооруженные с ног до головы. Потерпевшая поражение, но не добитая, Германия будет пылать жаждой реванша и лихорадочно продолжать свои вооружения, держа по-прежнему и всю Европу в лихорадке милитаризма», - предостерегал Савенко²⁵⁰.

Он был уверен в том, что ради победы потребуется напряжение всех сил. «Германия – противник сильный. А так как она имеет крупное преимущество в быстроте мобилизации и концентрации, то не будем смущаться, если в первый период войны нам придется несколько податься назад», - писал Савенко, полагая, что на стороне России «время и пространство»²⁵¹.

26 июля 1914 г. состоялись знаменитые заседания Государственного Совета и Государственной Думы. Патриотические заявления в обеих палатах произвели на будущих прогрессивных националистов сильное впечатление. А.И. Савенко писал о «крушении партийных перегородок», «чудесном» и «великом преображении»²⁵². В.В. Шульгин в своих мемуарах вспоминал, что 26 июля на кафедре Государственной Думы один за другим поднимались представители «еще недавно пораженческих групп» и в патетических словах обещали всеми силами поддержать русскую государственную власть в борьбе с Германией²⁵³. О твердом намерении устранить межпартийные разногласия на время войны писал и Б.А. Энгельгардт²⁵⁴.

---

²⁴⁹ Киевлянин. 1914. 22 июля.

²⁵⁰ Киевлянин. 1914. 10 августа.

²⁵¹ Киевлянин. 1914. 22 июля.

²⁵² Киевлянин. 1914. 3 августа.

²⁵³ Шульгин В.В. Дни. 1920. С. 113.

²⁵⁴ ОР РНБ. Энгельгардт Б.А., Ф. 1052 Оп. 1. Д. 23. Л. 7.

Под впечатлением патриотического подъема в стране Савенко восклицал: «Разве в России ныне не перестали существовать партии? Да, партий в России больше нет: есть только русские люди, есть великий русский народ, единодушно исполненный героической решимостью дать отпор врагу»²⁵⁵.

Важнейшую роль в достижении необходимого для победы общественного согласия отводилась представительным учреждениям. «Киевлянин» предлагал созвать Думу уже осенью 1914 г. и использовать ее работу для патриотической мобилизации населения и превращения войны в дело всего народа²⁵⁶. Достичь победы в современной войне без опоры на народ, общество казалось в принципе невозможным. «...Борьба с ними (врагами. – А.Г.) приобретает не характер обыкновенных военных действий, а народной войны, борьбы не на жизнь, а на смерть», - говорилось в редакционной статье «Киевлянина» в начале октября 1914 г.²⁵⁷. Такая борьба требовала сохранения патриотического подъема, ставшего непосредственным результатом войны. «В этом подъеме и одушевлении объединились все населяющие Россию народности, все слои русского общества и все политические партии, на которые разделяется это общество»²⁵⁸.

Временные неудачи не должны были разрушить патриотический энтузиазм. Несмотря на поражения французов в Эльзасе и Лотарингии, Савенко призывал не терять уверенности в конечном успехе. В разгар боев в Пруссии и Галиции он был убежден в том, что Германия «бороться одновременно на два фронта абсолютно не может». Поэтому, как только русская армия прорвет германский заслон на восточной границе, «путь для

---

²⁵⁵ Киевлянин. 1914. 20 июля.

²⁵⁶ Киевлянин. 1914. 31 Августа.

²⁵⁷ Киевлянин. 1914. 10 октября. С. 2. Несколько месяцев спустя А.И. Савенко сформулировал ту же мысль еще жестче. «Современные войны – это не былые войны профессиональных армий: нынешние войны – это борьба вооруженных народов» (Киевлянин. 1915. 21 мая).

²⁵⁸ Киевлянин. 1914. 9 ноября.

русской армии на Берлин... будет открыт»²⁵⁹. Известия о том, что немцы начали перебрасывать часть своих корпусов с западного на восточный фронт Савенко интерпретировал как свидетельства крушения планов немецкого генерального штаба²⁶⁰.

Особенно сильное впечатление на него произвели успехи российской армии в Галиции в начале осени 1914 г., затмившие неудачи в Восточной Пруссии. Савенко с пафосом говорил о «собрании русских земель»; «Объединение Руси» - так была озаглавлена статья в «Киевлянине», в которой описывались успехи русского оружия. «Страдания наших братьев у Карпат отходят в область прошлого», - писал он, подчеркивая, что устройство Прикарпатья «должно быть основано на русских началах», и «никакому «украинскому языку» в освобожденных русских землях места нет»²⁶¹.

Савенко с удовлетворением отмечал позитивные сдвиги среди либералов, происходившие в условиях войны. С первых дней войны либеральная оппозиция демонстрировала свой патриотизм. «...Теперь в Москве все газеты – патриотические. И радикально-купеческое «Утро России» и бульварно-оппозиционное «Русское слово» и ортодоксально кадетские «Русские ведомости» - все они в один голос говорят: России брошен вызов, и нам необходимо подняться на защиту нашего великодержавного достоинства»²⁶².

В январе 1915 г. в статье с красноречивым названием «Кадетское просветление» Савенко отмечал, что с начала войны «кадеты поумнели», пересмотрели свои позиции и продемонстрировали понимание государственных интересов²⁶³. «Не подлежит сомнению, что у большинства кадетов в годину великих исторических испытаний для нашей родины пробудилось русское чувство... Г. Милуков стремится взобраться наверх на

---

²⁵⁹ Киевлянин. 1914. 16 августа.

²⁶⁰ Киевлянин. 1914. 18 августа.

²⁶¹ Киевлянин. 1914. 18 сентября.

²⁶² Киевлянин. 1914. 20 июля.

²⁶³ Киевлянин. 1915. 22 января.

гребне могучей патриотической борьбы. То же самое делают и другие кадетские вожди...», - писал Савенко несколько дней спустя²⁶⁴.

В декларации русской национальной фракции 27 января 1915 г. говорилось о единении всех политических сил на патриотической платформе: «Жестоко ошиблись наши враги, когда они строили свои расчеты и надежды на нашем внутреннем разъединении... В дни войны, в дни кровавой борьбы с внешним врагом в России нет партий, нет национальностей, а есть единый, неделимый русский монолит»²⁶⁵. Левые националисты с оптимизмом смотрели на перспективы сотрудничества между представительными учреждениями и властью. Савенко прямо заявлял о том, что русское общество выдержало экзамен политической зрелости, так как народное представительство служит могучей опорой для правительства²⁶⁶.

Предлагаемая левыми националистами линия соответствовала политической стратегии ключевого деятеля Совета Министров А.В. Кривошеина²⁶⁷. Он был готов идти на уступки и ориентировался на создание лояльного правительству большинства в стране и Думе, стремясь ради этого заручиться поддержкой либеральных общественных деятелей²⁶⁸. По сути дела, речь шла о разработке российского варианта политики «Священного единения», подобного тому, который проводился в условиях войны в других странах.

Важнейшим условием его успешной реализации выступал диалог, с одной стороны, между консервативными и либеральными политическими силами, а с другой – между государственными органами и общественными организациями.

На необходимости такого диалога на январской сессии Государственного Совета настаивал представитель группы центра В.И. Гурко. Основой взаимопонимания между властью и обществом, по его мнению, должно было

---

²⁶⁴ Киевлянин. 1915. 25 января.

²⁶⁵ Киевлянин. 1915. 1 февраля.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи. С. 86.

²⁶⁸ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 115.

стать «взаимное доверие инакомыслящих»²⁶⁹. «Пусть существующее ныне всеобщее единомыслие по вопросам государственной жизни навеки разрушит взаимное недоверие, нередко обнаруживавшееся различными политическими партиями», - призвал Гурко²⁷⁰. Он отмечал, что взаимное доверие и уважение необходимы «не только для правильного разрешения бесчисленных внутренних вопросов, но и для обеспечения должного положения среди других славянских народов»²⁷¹.

Термин «доверие» широко использовал в своей лексике и А.И. Савенко. Оценивая итоги январской сессии Думы, он заявил, что «вести великую войну правительство не может в одиночестве, не опираясь на народ, на страну»²⁷². «В дни грозных испытаний... народное представительство послужило могучей опорой для правительства. - писал Савенко. - Это, разумеется, не могло не повлиять на взаимные отношения Думы и правительства. *Доверие* (курсив мой — А.Г.) — вот чем ныне характеризуются эти отношения»²⁷³.

Делая реверансы в адрес либералов, Савенко одновременно призывал тех к лояльности в отношении к действующей власти. Он предлагал оставить на время войны критику правительства и прийти к «полному единодушию и дружной работе, направленной к единой цели» – победе в войне²⁷⁴.

Тем не менее, искомого единодушия пока не было, его еще только предстояло достичь, поэтому попытки образовать работоспособное большинство в законодательных учреждениях не увенчались успехом²⁷⁵. «Думского большинства нет, нет поэтому и никакого плана работы. А раз нет ответственного большинства и нет плана работы, то каждый из 442 членов

---

²⁶⁹ Государственный Совет: Стенографические отчеты. Сессия X. Пг., 1915. Стб. 116.

²⁷⁰ Киевлянин. 1915. 31 января.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Киевлянин. 1915. 1 февраля.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Киевлянин. 1915. 8 января.

²⁷⁵ Киевлянин. 1915. 19 января.

Думы чувствует себя безответственным», - утверждал Савенко²⁷⁶. Вина за это возлагалась, главным образом, на октябристов, которым оказалась не по плечу роль руководителей Думы²⁷⁷. Впрочем, свою долю вины несло и правительство, руководитель которого И.Л. Горемыкин вместо того, чтобы вести с постоянной Думой диалог с Думой, вознамерился превратить ее в «безгласное учреждение»²⁷⁸.

Еще более жесткой критике подвергался министр внутренних дел Н.А. Маклаков. В течение первого года войны именно в нем левые националисты видели главного оппонента курса на общественное согласие. Подводя итоги деятельности Маклакова на министерском посту «Киевлянин» ставил ему в вину разъединение общественных сил, в то время как стране, напротив, требовалось их объединение, и называл такую политику «государственно опасной». «Управление г. Маклакова – это сплошная борьба с законодательными учреждениями, с земством, с городским самоуправлением, со всем русским обществом... Это был самый неудачный министр внутренних дел, какого когда-либо знала Россия»²⁷⁹.

Левые националисты приветствовали обновление правительства в июне 1915 г., когда наряду с Маклаковым его покинули обер-прокурор Синода В.К. Саблер и министр юстиции И.Г. Щегловитов, имевшие репутацию противников «Священного единения». Занявшие их места Н.Б. Щербатов, А.Д. Самарин и А.А. Хвостов, хотя и считались носителями весьма консервативных воззрений, но рассматривались как более склонные к диалогу с обществом, чем их предшественники²⁸⁰.

Изменения в политике кадетов отмечал и В.В. Шульгин. Накануне открытия июльской сессии Думы он в разговоре с Милюковым отметил патриотизм кадетской партии. «С Милюковым мы были ни в каких личных отношениях, - вспоминал Шульгин. – Между нами лежала долголетняя

---

²⁷⁶ Киевлянин. 1915. 19 января.

²⁷⁷ Киевлянин. 1915. 30 января.

²⁷⁸ Киевлянин. 1915. 3 апреля.

²⁷⁹ Киевлянин. 1915. 11 июня.

²⁸⁰ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи. С. 51.

политическая вражда. Но 26 июля (1914 г. – А.Г.) как бы все стерло...»²⁸¹. Свою беседу с кадетским лидером Шульгин назвал «прологом» к Прогрессивному блоку²⁸².

Примерно это же время произошло еще одно незаурядное событие. Кадет А.И. Шингарев стал председателем думской комиссии государственной обороны. Сначала большинством голосов на эту должность был избран Шульгин, однако он отказался возглавить комиссию, предложив свое место Шингареву. Савенко назвал избрание Шингарева «симптомом произошедшего сдвига», а кадетского политика – одним из «виднейших представителей думской оппозиции». «Когда мы голосовали за Шингарева, мы имели в виду этим... сильнее привлечь кадетскую партию к делу организации победы над врагом и этим самым сделать и ее ответственной за дальнейший ход войны», - пояснял Савенко в письме киевскому журналисту и литератору А.И. Филиппову²⁸³. В другом письме – к своей жене Н.К. Савенко – националист утверждал, что это он «провел» Шингарева в комиссию государственной обороны. Шульгин также отдал свой голос за кадета. Стоит подчеркнуть, что это решение не было поддержано большинством уже расходящейся по швам фракции. «Балашевские гробокопатели распинаят меня. – писал Савенко. – Чем это кончится, я не знаю. Я потерял надежду образумить фракцию и держусь от нее в стороне»²⁸⁴.

О важности политической гибкости и поиска новых политических партнеров летом 1915 г. Савенко рассуждал не только в частных письмах, но и публично. В конце июня 1915 г. он подробно объяснял на страницах «Киевлянина», почему его взгляды за 11 месяцев войны сильно изменились. Он указывал, что «лишь самые тупые доктринеры» могут во время войны укрываться политическими программами, в то время как война демонстрирует ложность многих утверждений. Савенко подчеркивал, что ни

---

²⁸¹ Шульгин В.В. Указ. Соч. С. 114.

²⁸² Там же. С. 116.

²⁸³ А.И. Савенко – А.И. Филиппову, 22 июля 1915 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1025. Л. 399.

²⁸⁴ Там же.

он, ни его единомышленники не отрекаются от своих идеалов, однако «одно дело – отречение от идеалов, а другое дело – признание своих ошибок и заблуждений». «Я сказал бы, что в эти дни великой войны нам нужны не программы, а победа над внешним врагом. К тому же многие программы решительно опрокинуты войной»²⁸⁵.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что сближение части националистов с либералами начиналось с диалога с кадетами. Казалось бы, более подходящей силой для этого были октябристы или даже фракция центра, являвшаяся как бы связующим звеном между октябристами и фракцией националистов и умеренно-правых²⁸⁶. Очевидно, обращение к кадетам объяснялось тем впечатлением, которое политическая эволюция руководства партии произвела на левых националистов.

Изменение тактики кадетов, сблизившее их с партиями и группами, правее их стоящими, отмечали и другие современники. Руководитель думской канцелярии Я.В. Глинка писал в своих мемуарах, что «поведение кадет круто изменилось, Милюков стал пользоваться всеобщим уважением, к нему прислушиваются, с ним считаются»²⁸⁷. Б.А. Энгельгардт отмечал, что по сравнению с 1-й Думой в 1915 г. кадеты «поправились» до такой степени, что уже не требовали «ответственного министерства», а ограничивались словом «приемлемое»²⁸⁸.

В отличие от «просветлевших» либералов, социалисты доверия у левых националистов не вызывали. Очевидно, намекая на арест участников большевистской конференции в Озерках в ноябре 1914 г., Савенко писал: «Увы, в дни великих испытаний и великого подъема народного духа нашлись и у нас нравственные уроды, без которых, по народной пословице, не обходится никакая семья. Начата небольшими кружками «пацифистов» и

---

²⁸⁵ Киевлянин. 1915. 28 июня.

²⁸⁶ Подробнее о думском Центре см.: Дорошенко А.А. Консервативно-Конституционная фракция центра в IV Государственной Думе Российской империи // Самарский земский сборник. 2008 №1 (17). С. 46.

²⁸⁷ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. С. 139.

²⁸⁸ ОР РНБ. Энгельгардт Б.А., Ф. 1052 Оп. 1. Д. 21. Л.8.

социалистов агитация против войны вообще, и наконец, наметился целый заговор, жалкий по существу и по тем силам, какие имелись в его распоряжении»²⁸⁹. Социалистов, выступавших за заключение мира, Савенко характеризовал как «нравственных уродов» и «социал-идиотов», а в их антивоенной агитации обнаруживал «руку Германии»²⁹⁰. По его мнению, ставка на революцию в России доказывала, что «дела Германии очень плохи, и что германское правительство считает войну проигранной»²⁹¹.

Обвинения в отсутствии патриотизма звучали не только в адрес крайних левых, но и крайних правых. «Киевлянин» видел в А.И. Дубровине и его последователях сторонников заключения мира с Германией: «Он (Дубровин. – А.Г.) выступает в защиту мира. Он недоумеваает, из-за чего мы воюем с германцами и австрийцами, решительно требует прекращения войны и заключения мира»²⁹². Подозрительное отношение к радикалам с обеих флангов распространялось и на более умеренные элементы из числа левых и правых. Во время сессии Государственной Думы в январе 1915 г. одновременно с патриотическим подъемом в ее центре, среди крайних фракций царили «растерянность и уныние»; правый Замысловский, и трудовик Керенский были «одинаково мрачны»²⁹³.

Обвиняя правых в прогерманских симпатиях, левые националисты подчеркивали свое позитивное отношение к союзникам, прежде всего к Великобритании. Савенко напоминал критикам Англии, что Британия «не дала разгромить Францию, обеспечила нейтралитет Италии» и «дает всей коалиции нестигаемый англо-саксонский дух»²⁹⁴.

Британия была важна не только как партнер по коалиции, военный союзник. В ее политической культуре и институтах левые националисты находили гораздо больше полезного, чем в Германии. Савенко уверял, что

---

²⁸⁹ Киевлянин. 1914. 13 ноября.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же

²⁹² Киевлянин. 1914. 9 октября.

²⁹³ Киевлянин. 1915. 29 января.

²⁹⁴ Киевлянин. 1914. 28 декабря.

русский национализм не имеет ничего общего с национализмом немецким. «Русскому народу совершенно несвойственно стремление к угнетению других народностей. Поэтому и природа русского национализма резко отличается, например, от национализма германского». Немцы, отмечал Савенко, это «народ угнетатель, народ поработитель, жестокий, бессердечный», в то время как англичане «всегда очень бережно относились к тому, что составляет национальную самобытность других народов». Война застала русский национализм в процессе трансформации и сближения с его британской моделью²⁹⁵.

Говоря о широкой автономии, которую британцы предоставляют отдельным частям своего государства, автор прозрачно намекал на Польшу. В самом начале войны – 1 августа 1914 г. – верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич издал манифест, в котором обещал после войны восстановление исторической Польши в составе Российской империи с предоставлением ей широчайшей автономии. Отмечая, что русский народ должен быть хозяином в своем государстве, Савенко подчеркивал, что «он должен быть хозяином добрым, великодушным и разумным. Душить и угнетать мы никого не должны»²⁹⁶.

Взятие в начале марта 1915 г. Перемышля стало последним значительным успехом русской армии в течение первого года войны, за которым последовали крупные неудачи. 18 апреля 1915 г. началось массированное наступление австрийских и германских войск на галицийском фронте, и к концу июня почти вся Галиция оказалась в руках врага.

Левые националисты, еще недавно с восторгом рассуждавшие о «собирации русских земель», в этих обстоятельствах предпочитали отмалчиваться или подчеркивать объективную неизбежность военных неудач. «Киевлянин» объяснял поражения русских войск тем, что против них

---

²⁹⁵ Киевлянин. 1915. 5 февраля.

²⁹⁶ Киевлянин. 1915. 28 июня.

действовали «более половины всех германских сил и все австро-венгерские силы»²⁹⁷.

Савенко связывал массированное наступление немцев с изменением немецкого плана ведения войны: переходом к чисто оборонительным действиям на Западном фронте и активизации на Востоке. «Германцы хорошо понимают, что в непродолжительном времени им придется перейти к чистой обороне и на восточном фронте, и вот они стремятся захватить, пока есть возможность, как можно больше территории, чтобы потом вести оборонительную борьбу подальше от своих собственных пределов»²⁹⁸.

Ухудшение положения дел на фронте стало для левых националистов веским аргументом в пользу созыва очередной думской сессии. Они утверждали, что законодательные учреждения, как часть механизма управления, не должны бездействовать. «Весь правительственный механизм должен безостановочно, не покладая рук, разрабатывать и осуществлять меры, обеспечивающие достижения армией ее высокой и трудной задачи — одоления сильнейшего, до совершенства вооруженного врага». Трений и пререканий между народным представительством и правительством опасаться не стоило, так как члены Думы «в огромном большинстве своем» осознавали «важность и требования переживаемых дней»²⁹⁹.

Отношение к вопросу о возобновлении работы Думы вызвало серьезные разногласия среди националистов. Вопрос о желательности возобновлении работы Думы не был разрешен; в Совете ВНС мнения по этому поводу разделились поровну³⁰⁰. Уже после этого П.Н. Балашев собрал секретное совещание членов Совета, на которое левых националистов не пригласили³⁰¹. В результате совещания была принята резолюция об опасности созыва Думы, поданная И.Л. Горемыкину. Левые националисты были обеспокоены сложившейся ситуацией. Вызванный на собранное ими Совещание фракции

---

²⁹⁷ Киевлянин. 1915. 28 мая.

²⁹⁸ Киевлянин. 1915. 28 мая.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Санькова С.М. Русская партия в России. С. 278.

³⁰¹ Там же. С. 278.

Балашев опроверг высказанные обвинения³⁰². По другой версии, уехав из столицы, на Совещании он так и не появился³⁰³.

В конце концов, Балашеву пришлось смириться с возобновлением работы Думы, и ситуация в стане националистов внешне стабилизировалась. Однако внутренняя борьба продолжалась, и, по мнению С.М. Саньковой, к началу августа 1915 г. многие лидеры националистов считали раскол фракции предрешенным³⁰⁴.

В источниках и исследовательской литературе представлены различные, иногда противоположные мнения о мотивах присоединения к Прогрессивному блоку левых националистов. Б.А. Энгельгардт причинами создания Прогрессивного блока и вступление в него части националистов называл «осложнения внутри страны», которые несла с собой война «и главное угроза Революции»³⁰⁵.

Современная исследовательница С.М. Санькова связывает причины раскола со стремлением левых националистов сохранить для себя возможность цивилизованной критики правительства, что давало возможность «сохранять лицо» как министрам, так и их оппонентам из думского центра. Эти соображения, наряду с отсутствием у лидеров националистов четкой программы, привели левую часть фракции в Прогрессивный блок³⁰⁶.

А.А. Иванов видит истоки раскола среди националистов и шире – российских консерваторов в целом, в сфере идеологии, политических ценностей. Так, по его мнению, А.И. Савенко, в отличие от правых, воспринимал царскую власть не как богоустановленную и по определению лучшую форму правления, а лишь как наиболее подходящую на данный момент. «Как только Савенко... пришел к выводу, что верность

---

³⁰² ГАРФ. Ф. 102. Д. 307 «А». Л. 82.

³⁰³ Edelman R. Op. cit. P. 209.

³⁰⁴ Санькова С.М. Русская партия в России. С. 281.

³⁰⁵ ОР РНБ. Энгельгардт Б.А., Ф. 1052 Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

³⁰⁶ Санькова С.М. Указ. Соч. С. 278.

монархическим принципам не отвечает интересам Родины – он стал стремительно леветь»³⁰⁷.

Представляется, что истоки раскола среди националистов складывались в течение длительного времени. Он имел серьезные социальные и идейно-политические предпосылки, несводимые к политической конъюнктуре, в чем прогрессивных националистов часто упрекали справа. В конечном итоге, этот раскол был предопределен разношерстным составом Всероссийского национального союза и парламентской фракции националистов. Выступая за «господство русской народности» и «укрепление сознания русского народного единства» левые и правые националисты, по существу, являлись носителями различных вариантов консерватизма. Если первые тяготели к сотрудничеству с либералами, высказываясь в пользу реформ и адаптации российской консервативной идеи к модернизации, то последние видели своими стратегическими союзниками правых, считавших реформу российской политической системы неудачной и настаивавших на усилении в ней авторитарного, монархического начала³⁰⁸.

Война обострила данное противоречие, превратив его в конфликт двух различных моделей патриотической мобилизации. В то время как левые националисты настаивали на идее компромисса и взаимодействия между различными политическими силами, диалоге между государством и обществом, правые националисты солидаризировались с установкой правых на приказ и указание сверху как главные инструменты достижения политического единства. Этот конфликт окончательно расколол националистическое движение и привел к вступлению в Прогрессивный блок левых националистов, не увидевших иной возможности реализовать собственное политическое кредо.

---

³⁰⁷ См.: Иванов А.А. А.И.Савенко: метаморфозы русского националиста // Русский исторический сборник. Т. 2. М., 2010. С.147 -167.

³⁰⁸ Лукьянов М.Н. Консервативные проекты реформы законодательных учреждений и избирательной системы в России, 1907-1914// Таврические чтения 2012. Спб., 2012. Ч. 1. С. 162.

Глава 2. Возникновение прогрессивного национализма.

2.1 Образование Прогрессивного блока и фракции прогрессивных националистов.

19 июля 1915 г. – в годовщину объявления Германией войны – после перерыва возобновилась работа обеих палат российского парламента. Заседания Государственного Совета и Государственной Думы продемонстрировали наличие разнонаправленных тенденций в среде российских консерваторов. Первая была связана со стремлением консолидировать правые силы с целью дать отпор либеральным тенденциям. Вторая, напротив, отражала готовность более умеренных консерваторов к политическому сотрудничеству с либералами.

Выражением первой тенденции стала речь лидера правой группы Госсовета Н.П. Дурново на заседании 19 июля. Дурново потребовал от правительства установить жесткий контроль над положением в стране. Он считал, что власть недостаточно «приказывает», хотя приказывать в России «можно и должно»³⁰⁹. По мнению оратора, с началом войны «мы не утратили ни одной из наших вредных привычек». Принципиально отказываясь от поиска конкретных виновных, Дурново утверждал: «...Корень зла... в том, что мы боимся приказывать. Боялись приказывать, и вместо того, чтобы распоряжаться, писались циркуляры, издавались бесчисленные законы, а власть, которая не любит слабых помещений, тем временем улетучивалась в поисках более крепких оболочек, которые и находила там, где ей совсем не место»³¹⁰.

Он подчеркивал, что в России власть строится сверху, поэтому здесь «еще можно и должно приказывать», и нет человека, который дерзнет ослушаться повеления царя, или лиц, им уполномоченных. «Нужно бросить

---

³⁰⁹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. Пг., 1915. Стб. 35.

³¹⁰ Киевлянин. 1915. 21 июля.

перья и чернила, молодых чиновников полезно послать на войну; молодых начальников учить приказывать и повиноваться...», - предлагал лидер правой группы Государственного Совета³¹¹.

Анализируя речь Дурново, Савенко отмечал, что в результате «skonфуженными» почувствовали себя даже правые члены Государственного Совета и Государственной Думы. Правда проистекало это чувство не от несогласия с оратором, а от того, что тот «слишком распоясался и брякнул на всю Россию то, о чем реакционеры привыкли шептаться потихоньку, организуя свои заговоры и интриги в тиши кабинетов»³¹².

В тот же день – 19 июля – с кафедры зала заседаний Таврического дворца прозвучала речь националиста графа В.А. Бобринского, содержащая, помимо патриотического призыва к войне до победного конца, знаменитую формулу перехода. Бобринский заявил, что, хотя он выступает от имени националистов, ничего партийного говорить не будет, так как «вся наша фракция, вся государственная Дума, так же, как и вся страна, мы беспартийны и все мы национальны, ибо перед нами одна великая национальная цель... отразить жестокого, неумолимого, сильного врага, очистить территорию нашу от него и этого врага навсегда окончательно сокрушить»³¹³.

Выражая готовность поддержать усилия правительства, Бобринский выставил условием этой поддержки его готовность к эффективной работе и диалогу с обществом. «...Если не на словах только, а на деле мы, при наших совещаниях, при нашем общении с правительством убедимся, что оно отвечает этим требованиям, что обновленное правительство действительно есть правительство обновленное, правительство, достойное России, оно найдет полную с нашей стороны поддержку и полное радостное

---

³¹¹ Киевлянин. 1915. 21 июля.

³¹² Киевлянин. 1915. 16 августа.

³¹³ Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 64.

сотрудничество»³¹⁴. «...Привести к скорой победе может лишь тесное единение со всей страной правительства, пользующегося полным ее доверием...», - говорилось в формуле³¹⁵. По сути дела, формула Бобринского развивала идеи, высказанные В.И. Гурко 30 января 1915 г. в Государственном Совете.

Соратник В.А. Бобринского по фракции А.И. Савенко так охарактеризовал речь своего коллеги: «Эта формула сказала главное, на чем ныне объединилась Государственная Дума. Это и есть тот голос русской земли, которого ждал царь, ждала вся страна, ждала армия... В речи графа Бобринского русская национальная фракция поднялась на высоту государственной партии, на высоту величия переживаемого момента»³¹⁶.

В вышедшей в «Киевлянине» спустя несколько дней после речи Бобринского статье «Отечество в опасности» Савенко уверенно заявлял, что «без больших усилий все думские фракции, от националистов до кадетов включительно, быстро сговорились о том, что надо делать для спасения отечества»³¹⁷. В редакционной статье «Киевлянина» Шульгин обращал особое внимание на тот факт, что Бобринский выступил со своей формулой от лица сразу трех умеренных думских фракций — националистов, Центра и земцев-октябристов. Он также подчеркивал, что даже кадеты сочли возможным присоединиться к формуле, отвергнув поправку прогрессистов об ответственности правительства перед Государственной Думой «как несоответствующую требованиям военного времени»³¹⁸.

Стоить заметить, что Шульгин, указав на поддержку формулы кадетами, оставил без особого внимания тот факт, что за нее голосовали и правые, включая Н.Е. Маркова. Впоследствии один из лидеров фракции

---

³¹⁴ Там же. Стб. 70.

³¹⁵ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия 4, заседание 1. Стб. 72.

³¹⁶ Киевлянин. 1915. 23 июля.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Киевлянин. 1915. 22 июля.

правых в Думе оправдывался, что вместе со своими коллегами по фракции просто «не понял сути дела»³¹⁹.

Впрочем, поддержка формулы перехода Марковым не спасла его от критического выпада со стороны Савенко, поставившего известного правого в один ряд с левыми – Чхеидзе и Керенским. По его разумению, оба крайние крыла Государственной Думы оставались на старых позициях «партийной узости и непримиримости»³²⁰. «Речи Маркова 2-го, Керенского и Чхеидзе были одинаково убоги, бестактны, жалки, - писал Савенко. - Около часа Марков 2-й ругал русское общество и Гос. Думу и защищал правительство. Дума даже не негодовала: она просто недоумевала»³²¹. Правда, несколько месяцев спустя журналист уже упирал на то, что формула перехода была поддержана в том числе и правыми, а «блок национальной обороны» не заключал в своем соглашении ничего, «кроме того, что единогласно было принято 19 июля»³²².

Уже на первом заседании после перерыва большинство Государственной Думы поддержало идею «доверия». Однако, как отмечал Савенко, важно было «раскрыть скобки» этой общей формулы и ее конкретизировать³²³. Сам он истолковывал поддержку Думой формулы Бобринского не как выражение намерения надавить на правительство, а как свидетельство стремления думцев к «золотой середине»: «Правый центр смотрит влево, левый смотрит вправо»³²⁴.

7 августа 1915 г. состоялись выборы бюро фракции националистов. Председателем был избран П.Н. Балашев, товарищами председателя — В.А. Бобринский и В.Г. Ветчинин. При этом из 88 членов фракции на выборах присутствовала ровно половина — 44. Либеральная газета «Биржевые ведомости» писала по этому поводу следующее: «Так называемые левые

---

³¹⁹ Цит. по: Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. С. 57.

³²⁰ Киевлянин. 1915. 23 июля.

³²¹ Там же.

³²² Киевлянин. 1915. 19 ноября.

³²³ Киевлянин. 1915. 23 августа.

³²⁴ Киевлянин. 1915. 2 августа.

националисты отказались от всякого участия в выборах и предоставили поле сражения без боя сторонникам П.Н. Балашева»³²⁵.

Впоследствии вышедшие из фракции левые националисты часто объясняли свой шаг намерением их оппонентов справа создать так называемый «Черный блок» - союз правых сил, в который должны были войти правые и часть националистов, поддерживавшая П.Н. Балашева.

10 августа 1915 г. Савенко, рассказывая в письме к своей жене Н.К. Савенко о положении дел в Думе, жаловался, что сторонники Балашева «устроили тесный блок» с представителями крайних правых. «Одно скажу: моя совесть и честь больше не позволяет мне оставаться в рядах балашевцев и быть в одной компании с Дурново и Марковым», - писал Савенко³²⁶. В другом письме в Киев, датированным этим же днем, он упоминал о «тесном блоке, почти слиянии» националистов-балашевцев с крайними правыми³²⁷.

Действительно, еще до образования Прогрессивного блока и оглашения его декларации наблюдалась значительная активность на правом фланге российской политики³²⁸. Уже в начале июля 1915 г. появилось объявление о готовящемся совещании правых деятелей в Саратове, за которым должен был последовать более представительный монархический съезд³²⁹. На совещании Уполномоченных монархических организаций в Саратове, прошедшем с 27 по 29 августа, помимо всего прочего было высказано пожелание как можно скорее распустить Государственную Думу, так как программа думского большинства недопустима «не только в военное, но и в мирное время»³³⁰.

В своей колонке в «Киевлянине» Савенко заявил, что в противовес «Черному блоку» в Думе было решено создать центральное большинство, которое могло бы дать прочную опору власти и, вместе с тем, «парализовать

---

³²⁵ Биржевые ведомости. 1915. 8 августа.

³²⁶ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 10 августа 1915 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1031 Л. 632.

³²⁷ А.И. Савенко – Д.Ф. Подоляку, 10 августа 1915 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1031 Л. 632.

³²⁸ См.: Иванов А.А. «Черный блок»: неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 году // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. № 99. С. 9-17.

³²⁹ Степанов С.А. Указ. Соч. С. 518.

³³⁰ Правые партии. Документы и материалы. Том 2. 1911-1917. М., 1998. С. 456.

вредные и опасные усилия обоих флангов – крайне правого и крайне левого»³³¹.

Савенко утверждал, что работа по созданию «Черного блока» началась вскоре после речи лидера правой группы Госсовета Дурново, который напомнил о необходимости «приказывать». «После речей лидеров крайних правых (Дурново и Маркова 2-го — А.Г.) началась работа «подлидеров» - гг. Щегловитова и Замысловского», - уверял Савенко³³². Их действия, считал он, были направлены на подавление «того мощного движения, которое направлено к обновлению и возрождению России и основным центром которого является Г. Дума»³³³.

Савенко считал, что правые боятся усиления авторитета Думы в условиях войны, что «даст известное направление всей дальнейшей политической жизни нашего отечества». Чтобы соорудить «плотину» против общественно-политических течений, правые и создают «Черный блок», писал он³³⁴. По словам Савенко, идея «Черного блока» родилась в стенах Мариинского дворца, однако не нашла серьезного отклика в Таврическом. Умеренные и прогрессивные круги верхней и нижней палат усмотрели в создании «Черного блока» заговор против России» и противопоставили ему свой блок³³⁵.

Он утверждал, что работа по созданию «Черного блока» фактически началась уже тогда, когда решались вопросы об уходе из правительства Маклакова и Щегловитова и созыве Думы³³⁶. Согласно ему получалось, что политическое перемирие, установившееся с началом войны, нарушили правые, взявшись за создание «Черного блока», призванного стать «органом воинствующей реакции»³³⁷. Савенко отмечал, что это событие стало не

---

³³¹ Киевлянин. 1915. 16 августа.

³³² Там же.

³³³ Там же.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Киевлянин. 1915. 16 августа.

³³⁶ Киевлянин. 1915. 17 августа.

³³⁷ Там же.

столько причиной, сколько последним толчком к уходу из фракции националистов левого крыла³³⁸.

Позднее тот же тезис он воспроизводил в своей колонке в «Киевлянине», указывая, что «националисты-балашевцы во время летней сессии пребывали в «тесном и нежном единении с крайними правыми» и этим вызвали уход из фракции прогрессивных националистов³³⁹. Возвращаясь к истории о создании «Черного блока» полгода спустя, Савенко оценивал себя как главного виновника массового исхода из фракции³⁴⁰.

По другой версии, наоборот, попытка сплочения правых сил стала ответом на создание Прогрессивного блока и вхождение в него части националистов³⁴¹. На этом, по вполне понятным причинам, настаивали его противники, стремившиеся объяснить попытки консолидации правых ответной реакцией на создание блока. В любом случае, «Черному блоку», в отличие от Прогрессивного, так и не суждено было появиться. Правым не удалось создать коалицию с консервативными националистами в Думе. И в Государственном Совете близкая к националистам группа правого центра А.Б. Нейдгарта идею объединения правых сил не поддержала.

На наш взгляд, процессы объединения правых и сближения части националистов с либералами происходили параллельно, причем обе эти тенденции наметились с самого начала войны. В их формировании и развитии отражался процесс поляризации российского консерватизма и самоопределения в нем сторонников консервативно-либерального консенсуса и слома существующего статус-кво справа. Вполне естественно, что обе

---

³³⁸ Киевлянин. 1915. 20 августа.

³³⁹ Киевлянин. 1915. 13 декабря.

³⁴⁰ А.И. Савенко – А.А. Сидорову, 21 февраля 1916 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1053. Л. 511.

³⁴¹ См., например: Иванов А.А. «Черный блок» // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 567-569. Этой же точки зрения придерживается С.А. Степанов, который пишет о вторичности «Черного блока» по отношению к Прогрессивному блоку. См., например: Степанов С.А. Черная сотня. С. 515.

стороны стремились представить свои действия как ответ на нарушение оппонентами «политического перемирия» первого года войны.

В то время как будущие представители Прогрессивного блока вели переговоры с П.Н. Крупенским, группа правых Государственного Совета и Думы совещалась на квартире П.Н. Дурново. Как сообщало 12 августа «Утро России», сторонники создания «Черного блока» провели у лидера правой группы Госсовета не менее трех заседаний, «на которых присутствовали все 4 совета фракций – правых и нейдгардтовцев верхней палаты и правых и националистов Гос. Думы»³⁴². На этих заседаниях был сделан вывод, что «Гос. Дума катится в сторону революции, а правительство не только не борется с ней, а как будто ищет контакта». Правые считали, что с таким положением «нужно бороться и для этого нужно создать правый блок, являющийся оплотом против революции». На совещании также указывалось, что для противодействия «развивающемуся движению» необходима перемена курса, которую способен провести только кабинет, состоящий исключительно из правых деятелей. Во главе такого кабинета должен был встать И.Г. Щегловитов³⁴³.

«Утро России» указывало, что в связи с планируемым объединением правых лидер фракции националистов П.Н. Балашев обратился к группе земцев-октябристов, пытаясь привлечь их на свою сторону. Однако последние ответили отказом, заявив, «что они пойдут вместе с прогрессивным течением Гос. Думы»³⁴⁴. Издание подчеркивало, что точку зрения Балашева «разделяют не все националисты», и «левые националисты решили противодействовать затее вплоть до выхода из фракции»³⁴⁵. Говоря о враждебном по отношению ко всем «прогрессивным» силам характере

---

³⁴² Утро России. 1915. 12 августа.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же

³⁴⁵ Там же.

«Черного блока», газета назвала объединение правых «четверным согласием групп Дурново, Нейдгарта, Маркова и Балашева»³⁴⁶.

П.Н. Балашев, судя по всему, колебался в этом вопросе больше других. Как сообщала газета «Биржевые ведомости», лидер националистов, поддержав идею создания «осведомительного бюро» правых сил в ходе совещаний у П.Н. Дурново, обратился к группе центра и октябристам с вопросом о возможности создания второго, «левого бюро». Лидер националистов заявил земцам-октябристам, что они «занимают очень выгодное промежуточное положение между правой частью Думы и оппозицией». Однако октябристы ответили отказом, а лидер думской группы Центра П.Н. Крупенский издевательски заметил, что «только немцы могут пребывать одновременно в двойном подданстве»³⁴⁷.

13 августа 1915 г. раскол в русском националистическом лагере оформился де-юре. Думская фракция прогрессивных националистов (ФПН) стала организационной формой объединения депутатов, вышедших из Фракции националистов и умеренно-правых.

Их вступление в блок было вызвано не только соображениями стратегического, но и тактического порядка. С одной стороны, прогрессивные националисты предпочли порвать с прежним сотрудничеством с правыми, поскольку сочли необходимым продолжить линию на адаптацию к новым политическим нормам, начавшим утверждаться в российской политике в условиях революции 1905-1907 гг. С другой – уступки либералам, корректировка некоторых политических установок происходили и по соображениям чисто прагматическим. Прогрессивные националисты сами по себе были слишком малочисленны и лишь в составе большой коалиции получали возможность добиваться своих целей.

В официальном заявлении выходящих из фракции националистов говорилось о том, что разногласия в ее составе появились практически с

---

³⁴⁶ Утро России. 1915. 12 августа.

³⁴⁷ Биржевые ведомости. 1915. 12 августа.

самого начала работы 4-й Государственной Думы, поскольку «в состав русской национальной фракции вошли люди, хотя и исповедующие приблизительно те же политические убеждения, но разнящиеся друг от друга в понимании ближайших задач времени»³⁴⁸. По словам авторов заявления, их товарищи «не проявляли достаточно энергии и инициативы в деле удовлетворения новых требований, постоянно выдвигаемых жизнью»³⁴⁹. Покидающие фракцию националисты считали, что стремление сохранить существующий порядок затемняло перед их бывшими соратниками опасность поражения России в войне.

«Разразившаяся над Россией война, к нашему великому сожалению, подчеркнула разницу в наших взглядах. Болея всей душой за Россию и тревожась осложнениями, вызванными войной, наши товарищи искали уврачевания не там, по нашему мнению, где его искать надо было», - пояснялось в заявлении. «По-видимому, они недостаточно прониклись мыслью, что для... победы России, вместе с жизнью наших сыновей и братьев в случае необходимости должно принести в жертву и часть наших требований и желаний, и даже жертву, быть может самую трудную, именно сознание того, что некоторые из этих политических требований не являются чем-то неизменным и вечным, но в значительной степени зависят от обстоятельств»³⁵⁰.

В заявлении делался особый акцент на отношение националистов к другим политическим группам, которое «особенно огорчило» покидавших фракцию депутатов³⁵¹. «В то время, как мы видим спасение России во внутреннем мире и единении возможно большего числа русских граждан, - объясняли они, - совет фракции в согласии с некоторыми нашими товарищами сделал шаг, который был истолкован, как желание идти рука об руку только с известными политическими группами, именно с группами

---

³⁴⁸ Киевлянин. 1915. 17 августа.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Полный текст заявления о выходе из фракции см. в Приложении №1.

правее нас стоящими. Мы считаем этот шаг вредным и опасным. Мы думаем, что ценой потоков крови, совместно пролитой для защиты отечества, потоплено горькое и ядовитое сомнение, выросшее во время японской войны, сомнение в патриотизме людей, исповедующих либеральные политические убеждения. В настоящее время мы не делаем в обороне страны никакой разницы между ними и собой и полагаем, что только в одном большом союзе «непораженческих» течений лежит путь к победе», - так объясняли сторонники Савенко и Шульгина свой выход из фракции. Они подчеркивали, что делают это исключительно ради того, чтобы «сохранить и укрепить связь с широкой русской общественностью»³⁵².

Первоначально свои подписи под заявлением поставили В.В. Шульгин, В.Я. Демченко, А.И. Савенко, К.Е. Сувчинский, Н.Н. Чихачев 2-й, И.Ф. Половцев 2-й, Д.И. Шаховской и гр. В.А. Бобринский. В этот же день с заявлением о выходе из фракции к П.Н. Балашеву обратились и другие националисты — И.А. Рындовский, З.М. Благонравов, А.Ф. Альбицкий, Ф.И. Ольховский, В.И. Немерцалов, А.И. Будрин, И.Ф. Борзаковский, П.В. Тарутин, М.Г. Воробьев, С.Е. Евдокимов и В.Ф. Тарасевич. Они заявили о своем желании создать группу «на основе чистой программы национального союза», во главе которой должен встать В.А. Бобринский³⁵³. Стоит отметить, что один из подписавшихся – С.Е. Евдокимов – так и не покинул русскую национальную фракцию.

Обращает на себя внимание тот факт, что вторую группу подписавшихся составили, в основном, представители крестьянского сословия и лица духовных званий. «Биржевые ведомости» по этому поводу радостно замечали: «Определенно выяснилось, что ни священники, ни крестьяне в заговоре правых участвовать не будут»³⁵⁴. «Новое время» указывало, что к вышедшим из фракции пожелали присоединиться еще 11 человек, на момент подачи заявлений отсутствовавших в Петрограде. «Кроме

---

³⁵² Киевлянин. 1915. 17 августа.

³⁵³ Утро России. 1915. 14 августа.

³⁵⁴ Биржевые ведомости. 1915. 12 августа.

того, уже в настоящее время, после подачи заявлений о выходе из фракции, к представителям ушедших поступают заявления о желании войти во вновь образуемую фракцию», - писало «Новое время»³⁵⁵.

Стоит отметить, что провинциальная пресса отреагировала на произошедший раскол довольно сухо, лишь констатировав факт выхода из фракции националистов части ее членов. «Пермские губернские ведомости», к примеру, так отреагировали на произошедшее: «В Совет национальной русской фракции поступили заявления о выходе из ее состава: первое за подписью членов Государственной Думы Шульгина, Демченко, Савенко, Сувчинского, графа Бобринского, генерала Чихачева, Шаховского, Ивана Половцева, Киха, второе за подписью Рындовского, Благоданова, священников Альбицкого, Ольховского, Немерцалова, Будрина, Борзаковского, крестьян Шмякова, Киселева, Тарутина, Воробьева, Евдокимова, Тарасевича»³⁵⁶. Тот факт, что среди решивших разорвать с фракцией депутатов были представители Пермской губернии, главное местное издание, кажется, нисколько не заинтересовало.

Первое заседание фракции прогрессивных националистов состоялось в этот же день — 13 августа 1915 г. Председателем ФПН стал В.А. Бобринский, товарищем председателя – В.В. Шульгин, секретарем – И.Ф. Половцов 2-й, товарищем секретаря – П.М. Шмяков³⁵⁷. «Радовались мы как дети, что наконец вышли из тесной балашевской тюрьмы, где все мы задыхались от трупного запаха», - с изрядной долей патетики рассказывал о первом заседании новой фракции Савенко. По его свидетельству, совещания с «цветом политического мира» - представителями различных партий и умеренными кругами Госсовета - продолжалось два дня. «Этим совещаниям принадлежит громадное политическое значение», - полагал он³⁵⁸.

---

³⁵⁵ Новое время. 1915. 14 августа.

³⁵⁶ Пермские губернские ведомости. 1915. 16 августа.

³⁵⁷ Утро России. 1915. 14 августа.

³⁵⁸ А.И. Савенко – Д.Ф. Подоляку, 10 августа 1915 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1031 Л. 676.

В интервью думским журналистам Савенко заявил: «Наша программа в основе своей остается неизменной. Это — программа Всероссийского национального союза, которую мы понимаем и толкуем иначе, чем наши бывшие товарищи по фракции. Они эту программу толкуют с уклоном вправо, что и привело их к блоку с Дурново и Марковым 2-м. Мы же толкуем с уклоном влево»³⁵⁹. Савенко указывал, что уклон сторонников П.Н. Балашева вправо начался задолго до войны, после смерти П.А. Столыпина, «вследствие чего партия утратила значение в стране и ныне нашла тихую пристань в объятиях гг. Дурново, Щегловитова, Маркова 2-го и Замысловского»³⁶⁰.

«Разумеется партийные программы не есть нечто абсолютное и неизменное. - замечал Савенко сразу после раскола. - Политические партии не могут жить вне времени и пространства. Программы всех наших партий создавались под впечатлением потрясений, пережитых нашим отечеством после японской войны. Ныне Россия переживает более великие события, которые будут иметь огромное влияние на дальнейшую нашу жизнь. Партийное перестроение и пересмотры программ неизбежны. Мы будем беречь и охранять все хорошее, что Россия получила от прошлого, и в этом смысле деятельность наша будет консервативна. Но в то же время мы будем помогать нашей родине идти вперед по пути всяческих улучшений и уврачевания тех язв, которые вскрыты войной, и в этом смысле деятельность наша будет прогрессивной», - пояснял Савенко³⁶¹.

Вину за раскол фракции прогрессивные националисты возлагали на тех, кто в ней остался, считая, что нежелание идти на переговоры с либеральными фракциями противоречило требованиям времени.

Первоначально из фракции националистов вышло 23 человека, но к перерыву в заседаниях Думы, начавшемуся 3 сентября 1915 г., к ФПН

---

³⁵⁹ Утро России. 1915. 16 августа.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Биржевые ведомости. 1915. 16 августа.

присоединились еще пятеро депутатов³⁶². Впоследствии количество прогрессивных националистов увеличилось до 36³⁶³, в то время как в рядах правых националистов во главе с П.Н. Балашевым осталось 52 думца³⁶⁴.

Ряды прогрессивных националистов пополнялись не только за счет «балашевцев»: в конце августа 1915 г. к отколовшимся националистам примкнули бывшие правые – протоиереи И.М. Караваев и С.В. Сырнев. Еще восемь правых националистов примкнули к ФПН позднее. Среди них выделялась группа минских националистов – С.Д. Вербило, М.П. Воронцов-Вельяминов, К.А. Смян и А.П. Фотинский, а также депутат от Гродненской губернии П.Д. Песляк³⁶⁵. Присоединились к прогрессивным националистам и беспартийные: М.О. Молчанов (Тамбовская губерния) и А.И. Мухин-2-й (Витебская губерния)³⁶⁶.

Чем отличались друг от друга те, кто вышел из национальной фракции и присоединился к Прогрессивному блоку от тех, кто в ней остался? Попытка проанализировать, как социальные характеристики депутатов-националистов повлияли на выбор дальнейшего политического пути в августе 1915 г., была впервые предпринята американским историком Р. Эделманом в монографии «Политика дворянства накануне русской революции: партия националистов, 1905-1917».

Основываясь на данных о социальном положении и происхождении националистов, Эделман сделал вывод о том, что оставшиеся в составе

---

³⁶² Согласно данным стенографических отчетов, к 16-му заседанию четвертой сессии Государственной Думы 4-го созыва, «группа националистов-прогрессистов» насчитывала 28 человек: А.Г. Альбицкий, З.М. Благодоров, В.А. Бобринский, И.В. Борзаковский, А.И. Будрин, Г.А. Вишневецкий, М.Г. Воробьев, В.Я. Демченко, П.М. Зверев, И.М. Караваев, Д.В. Киселев, А.А. Ких, В.И. Немерцалов, Ф.И. Ольховский, П.А. Покровский, И.Ф. Половцов, Л.И. Пущин, И.А. Рындовский, А.И. Савенко, К.Е. Сувчинский, С.В. Сырнев, Т.Я. Тарасевич, П.В. Тарутин, Н.Н. Чихачев, Д.И. Шаховской, В.П. Шеин, П.М. Шмяков, В.В. Шульгин.

³⁶³ См. Приложение №2.

³⁶⁴ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1915. С. 78-189.

³⁶⁵ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1915. С. 78-189.

³⁶⁶ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1915. С. 141-142.

фракции депутаты обладали более высоким социальным статусом: 66% из них составляли дворяне, тогда как среди вышедших из фракции их было лишь 44%. Значительно выше среди вышедших была и доля крестьян: 32% - против 9% - среди оставшихся. Кроме того, по данным Эделмана, несколько большее число националистов-балашевцев были представителями Западного края (57% против 41)³⁶⁷.

По Эделману, правые националисты в целом были более состоятельны и теснее связаны с сельским хозяйством. Многие из них имели опыт государственной службы (53 процента против 38). Это также объясняет их большую лояльность правительству, чем вышедших из фракции.

Для уточнения расчетов Р. Эделмана и детализации социального облика двух групп националистов нами также был проведен анализ сведений о депутатах. Источниками для него стали биографические данные, содержащиеся в указателях к стенографическим отчетам Государственной Думы IV созыва и в справочнике М. Боиовича. Оговоримся, что для соблюдения максимальной корректности в расчетах в них учитывались исключительно те депутаты, которые изначально входили в националистическую фракцию. Это важно подчеркнуть, поскольку к прогрессивным националистам, как уже было указано выше, позднее присоединились некоторые беспартийные, а также бывшие правые и октябристы.

Анализ проводился по следующим критериям – возраст депутатов, их образование, сословная принадлежность и территория, которую они представляли³⁶⁸.

Возраст. При анализе возрастных характеристик депутатов были выделены следующие категории:

- родившиеся до 1861 г.

---

³⁶⁷ В своих расчетах Эделман оперировал сведениями о 36 балашевцах и 31 прогрессивном националисте. См.: Edelman R. Op. cit. P. 280.

³⁶⁸ См. Приложение №3.

- родившиеся в 1861-1870 гг.

- родившиеся в 1871-1880 гг.

- родившиеся после 1880 г.

К первой группе принадлежали депутаты, процесс личностного становления которых в основном совпадал с эпохой реформ, ко второй группе – эпохой контрреформ, к третьей – с периодом промышленного роста и активизации общественного движения в стране в начале XX в. Наконец, последнюю группу составляли самые молодые депутаты, социализация которых пришлась на период бурных политических потрясений начала XX в.

Опираясь на данные о 65 сторонниках П.Н. Балашева и 23 соратниках В.А. Бобринского, В.В. Шульгина и А.И. Савенко, мы выяснили, что к первой возрастной группе относилось 15 правых националистов и 6 прогрессивных, что в процентном соотношении составляет 23% и 26% соответственно. Таким образом, можно говорить о незначительном перевесе в составе левого крыла националистов тех депутатов, социализация которых происходила в эпоху Великих реформ.

Ко второй возрастной группе относилось 46% (или 30 человек) правых националистов и 35% левых. 39% прогрессивных националистов родились в период с 1871 по 1880 гг., в период подъема общественного движения в России. Среди правых националистов, таких было несколько меньше – 26%. Наконец, к самой молодой категории принадлежало 6% (4 человека) из числа депутатов, не вступивших в Прогрессивный блок. А среди 23 отколовшихся от партии националистов к этой возрастной категории не относился никто.

Анализ возрастных характеристик депутатов позволяет сделать вывод о несколько большем удельном весе среди националистов-балашевцев депутатов, взрослевших в эпоху контрреформ и, возможно, воспринимавших отказ от реформ как естественную форму реакции государственной власти на

«распоясавшееся» общество. Напротив, среди прогрессивных националистов было относительно больше тех, кто формировался в период быстрого экономического роста и активизации общественного движения.

Представляемая территория. Принадлежность к тому или иному региону Российской империи влияла на политический выбор националистов в августе 1915 г. В начале первой сессии IV созыва Государственной думы члены фракции представляли 25 губерний. Пять из них – Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилевская – относились к Северо-Западному краю, из которого в Государственную Думу попало большое число националистов. В эту же группу мы отнесли избранного в нижнюю палату парламента от русского населения Царства Польского – редактора газеты «Варшавский вестник» С.Н. Алексеева.

Позиции националистов также были сильны в Юго-Западном крае, к которому относились, в частности, Волынская и Киевская губернии. Похожим образом обстояли дела в Екатеринославской, Подольской, Полтавской и Черниговской губерниях.

Казанская, Самарская и Симбирская губернии были выделены нами в группу «Поволжье». Группой «Урал и Сибирь» была представлена лишь одна губерния – Пермская, от которой, в IV Думу прошло сразу четыре депутата-националиста.

Остальные губернии – Владимирская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская – образовали условную группу «Центр». Для упрощения расчетов к этой группе мы решили добавить Псковскую и Новгородскую губернии.

К первой группе – представителей Северо-Западного края – относились 18 правых националистов и 5 прогрессивных, что в процентном соотношении составляет соответственно 27% против 22% из числа депутатов.

К Юго-Западным губерниям относилось большинство депутатов как у националистов-балашевцев, так и у прогрессивных – 25 человек (40%) у первых и 8 (35%) у вторых.

К группе «центральная Россия» относилось 23,5% правых националистов и 26% сторонников коалиции с либералами. Среди депутатов Поволжья также существовал небольшой перевес в пользу прогрессивных националистов – 8,5% против 6%. Наконец, по два депутата с каждой стороны, что составляло 3% и 8,5% соответственно, представляли Пермскую губернию. Указанный регион среди националистов представляли А.В. Перевошиков, З.М. Благодоров, А.И. Будрин и Д.И. Шаховской. Трое последних в августе 1915 г. примкнули к Прогрессивному блоку. При этом пермские депутаты – сторонники официального руководства фракции националистов относились к самой возрастной категории депутатов, а вышедшие из фракции оказались несколько моложе.

Таким образом, депутаты из Юго-Западного края и малороссийских губерний составляли ядро как той, так и другой стороны, однако среди сторонников Балашева в процентном соотношении их было несколько больше.

Принято считать, что раскол националистов во многом был вызван соперничеством Санкт-Петербурга и Киева как двух центров русского национализма. Действительно, первоначально костяк фракции прогрессивных националистов составили киевляне - Савенко, Шульгин и Демченко. Однако среди правого крыла русских националистов депутатов от Киевской губернии и г. Киева было даже больше – девять против пяти. Поэтому противостояние Петербурга и Киева не может рассматриваться как определяющий фактор в принятии решения о выходе из фракции и вступлении в Прогрессивный блок, во всяком случае, для большинства прогрессивных националистов.

На втором месте по количественному показателю среди депутатов-националистов следуют представители Северо-Западного края, по большей части из Белоруссии. Как и в случае с Юго-Западным краем, доля правых националистов здесь была выше, чем прогрессивных.

Что касается в целом более либерально настроенной Центральной России и Поволжья, то здесь перевес предсказуемо оказался на стороне прогрессивных националистов. В целом «география» членов ФПН, несмотря на ее малочисленность, была намного более широкой, чем у правых. Во фракции прогрессивных националистов можно выделить лишь три условных региональных «блока» – киевский (пять депутатов), витебский и орловский (по три депутата). Среди более консервативно настроенных националистов таких блоков было пять – подольский (двенадцать депутатов или почти 19% от их общего количества), киевский (девять депутатов), минский (семь депутатов) гродненский и псковский (по пять депутатов).

Одним из наиболее важных социокультурных признаков является **образование**. Наименьшее число депутатов-националистов имели низшее, начальное образование или домашнее образование. Среди тех националистов, кто остался верен фракционному руководству, таких депутатов было пятеро, или 8% от общего числа. Что касается прогрессивных националистов, таковых в их составе было двое (или 9% от общего первоначального количества) – в графе «Образование» у П.М. Шмякова из Витебской губернии значилось «низшее», а у П.В. Тарутина из Владимирской губернии – «начальная школа».

В следующую категорию попали депутаты, получившие образование, аналогичное сегодняшнему среднему. Из 65 «балашевцев» к этой категории относились 16 человек (или 25 % от общего числа). Из 23 человек, отколовшихся от фракции, среднее образование имели восемь депутатов (35%).

Традиционно сильны были среди националистов позиции духовенства. Правые националисты имели в своих рядах 14 человек с духовным образованием, левые – 5, что в процентном отношении составляло чуть больше 20% обеих сторон. Стоит, правда, уточнить, что все прогрессивные националисты-священники, за исключением одного депутата, закончили лишь духовные семинарии, в то время как их бывшие коллеги по фракции

могли похвастаться сразу четырьмя депутатами, закончившими духовную академию.

Если процент духовенства с обеих сторон был равен, то иная картина складывалась с депутатами, получившими военное образование. Количество тех, кто закончил пажеский или кадетский корпус, военное, юнкерское либо кавалерийское училище у правого крыла националистов составляло 14 человек (или 21,5% от общего количества депутатов). Среди «ренегатов» таковых было лишь двое (9% от общего числа депутатов).

Самой многочисленной группой у противников либерально-консервативного консенсуса были лица с высшим гражданским (университетским или институтским) образованием – 15 человек от общего числа депутатов. У прогрессивных националистов таких депутатов было всего шесть, но в процентном соотношении они выигрывали – 26% против 23% у «балашевцев». Стоит оговориться, что при анализе этой характеристики мы оперировали данными о 64 националистах-балашевцах, так как информация об образовании одного из депутатов – С.Д. Вербило – в справочнике М. Боиовича отсутствует.

Сравнительный анализ уровня образования двух сторон демонстрирует практически одинаковый уровень образования у обеих групп националистов. Среди прогрессивных националистов преобладали люди со средним образованием – 34%, а также с высшим гражданским – 26%. У сторонников Балашева наблюдается более равномерное распределение по категориям. Единственное заметное отличие заключается в существенно большем количестве людей с военным образованием среди правых националистов – 22% против 9%.

Нельзя не отметить тот факт, что подавляющее большинство обеих групп националистов с высшим образованием имели диплом юриста. Среди «балашевцев», учившихся в университете, юридический факультет закончили 53% депутатов, из них 75% - Санкт-Петербургский университет. Прогрессивные националисты имели в своих рядах шесть депутатов с

юридическим образованием, что составляло 100% от числа лиц, получивших в этой группе высшее образование. Половина из них закончила Киевский университет, что, подтверждает тезис о некоем противостоянии Санкт-Петербургской и киевской групп. С другой стороны, в составе правых националистов также были юристы, учившиеся в Киеве, а в составе их оппонентов – те, кто учился в Санкт-Петербурге.

Одной из особенностей прогрессивных националистов была низкая активность большинства членов фракции. На этом фоне явно выделялось несколько наиболее ярких деятелей, прежде всего, Савенко, Шульгин, Бобринский, в то время как остальные депутаты оставались в их тени. В связи с этим естественно возникает вопрос, насколько правомерно судить о взглядах всей фракции по выступлениям ее лидеров? Как представляется, на этот вопрос можно дать утвердительный ответ. Во-первых, в Таврическом дворце указанные депутаты выступали от лица фракции и содержание многих из выступлений обсуждалось заранее. Во-вторых, фракция прогрессивных националистов была одной из самых немногочисленных, что объективно уменьшало внутренние разногласия. В-третьих, в отличие от большинства фракций Государственной Думы Российской Империи, прогрессивные националисты не имели ярко выраженного лидера. Формально им являлся граф В.А. Бобринский, однако в разное время эту роль фактически брали на себя А.И. Савенко и В.В. Шульгин.

Несмотря на то, что большинство членов фракции редко выступали с трибуны Таврического дворца, в своей деятельности до избрания в Думу они демонстрировали весьма высокий уровень общественной активности и обладали солидным опытом участия в работе органов местного управления и самоуправления. Характерным примером в этом отношении могут служить прогрессивные националисты из Пермской губернии, где, по утверждению И.В. Нарского, наблюдалась самая оживленная на Урале политическая

жизнь³⁶⁹. В Государственной Думе четвертого созыва губерния была представлена девятью депутатами. Четверо из них были националистами, причем трое после распада фракции вошли в ФНП.

Старший из них – Захарий Михайлович Благодрагов – был неперменным членом Пермской губернии по земским делам и городским делам присутствия. Закончив сначала Самарскую духовную семинарию, а затем Казанскую духовную академию, он получил звание кандидата богословия и в 1890 г. был принят в качестве преподавателя в Пермскую духовную семинарию. Благодрагов преподавал всеобщую гражданскую историю, церковную историю, русский и латинский язык.

Будущий депутат имел опыт работы в печати – редактировал неофициальную часть «Пермских епархиальных ведомостей», а с 1905 по 1908 гг. возглавлял Пермские губернские ведомости. С 1892 г. начал карьеру в канцелярии губернатора, получив в итоге чин Статского советника.

20 октября 1912 г. Благодрагов был избран в Государственную Думу 4-го созыва Пермским губернским избирательным собранием. Ввиду необходимости уехать в Петроград он сложил с себя полномочия неперменного члена Пермского губернского по земским и городским делам присутствия³⁷⁰.

В справочнике М.М. Боиовича говорится, что Благодрагов был одним из организаторов и лидеров «Пермского национального союза»³⁷¹. К сожалению, никаких документов, проливающих свет на этот аспект биографии Благодрагова, в личном фонде депутата не сохранилось.

Другой пермский депутат – Дмитрий Иванович Шаховской – был председателем Соликамского уездного съезда, служил земским начальником в

---

³⁶⁹ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 60.

³⁷⁰ ГАПК. Ф/ф 62п. Д. 65. Благодрагов З.М.

³⁷¹ Кирьянов И.К. Пермские депутаты Государственной Думы. Пермь, 2006. С. 47.

Камышловском уезде, и несколько лет кряду назначался председателем губернских земских собраний и был хорошо известен в своем регионе³⁷².

Несколько меньше был заметен как общественный деятель Алексей Иванович Будрин – настоятель собора в Красноуфимске, работавший также законоучителем в средних учебных заведениях, являвшийся членом уездного училищного совета, попечительского и педагогического советов женской гимназии и промышленного училища³⁷³.

Анализ **сословной принадлежности** представителей обеих групп также не показывает существенных различий между ними. Среди 65 правых националистов дворянское происхождение имели 22 человека, или 33%. Традиционно считается, что прогрессивные националисты сблизились с либералами, так как в их среде было меньше людей с высоким социальным, в том числе и сословным, статусом. Однако доля дворян среди левых националистов был даже чуть выше, чем среди балашевцев – из 23 человек к ним относились 34%.

К мещанам среди националистов-балашевцев относились 25% депутатов, и это была самая крупная среди них сословная группа после дворян. В ФПН мещане составляли 22% фракции.

Доля лиц духовных званий в обеих фракциях была одинаковой и составляла 22%. Наконец, довольно значительную в процентном отношении часть обеих депутатских групп составляли крестьяне. У балашевцев они составляли 20%, а у прогрессивных националистов – 22%.

Таким образом, кардинальных различий в социальных характеристиках двух депутатских групп, на которые распалась фракция националистов и умеренно-правых, проведенное исследование не выявило. Очевидно, истоки расхождений между ними лежали в идейно-политической плоскости, в различных представлениях о путях решения ключевых проблем, стоявших перед Россией.

---

³⁷² Боиович М.М. Члены Государственной Думы. С. 235.

³⁷³ Там же. С. 231.

Обвинив своих соратников по фракции в нарушении политического «перемирия» и гибкости, столь необходимых во время войны, левые националисты уверенно взяли курс на адаптацию своих идейных установок к новым политическим реалиям. Путь к победе они видели в тесном союзе всех «непораженческих» течений, призывая оппонентов справа забыть про возникшее во время русско-японской войны предубеждение в отношении либералов как «не патриотов».

2.2 Идеология прогрессивного национализма.

Традиционно считается, что принятие декларации Прогрессивного блока означало серьезные уступки либералам со стороны прогрессивных националистов, которые не только отказались от многих традиционных для русского национализма идеологических постулатов, но и стали проявлять гораздо меньше рвения в защите специфических интересов Западного края³⁷⁴.

Действительно, вступление в Прогрессивный блок потребовало от левых националистов определенных изменений в подходе к национальному вопросу. До войны они заслужили репутацию последовательных антисемитов и полонофобов, считавших поляков и евреев главными врагами русского населения Западного края.

Особую сложность с этой точки зрения представляли евреи. До войны сама мысль об отмене ограничительных мер против них казалась недопустимой. Как позднее вспоминал Шульгин, возможность отказаться от жесткого антисемитизма даже в чрезвычайной ситуации, в условиях войны, вызывала большие сомнения³⁷⁵. «Для моих друзей это – центральный вопрос, - соглашался Савенко, - В настоящее время черта оседлости переживает парадокс антисемитизма, особенно в армии»³⁷⁶.

Тем не менее, вступая в Прогрессивный блок, левые националисты приняли его программу, предусматривавшую «вступление на путь отмены ограничительных в отношении евреев законов». Согласие прогрессивных националистов на такую формулу мотивировалось обстоятельствами как стратегического, так и ситуационного характера.

С одной стороны, возможность снятия ограничений для евреев обосновывалась тем, что их существование означало признание слабости русских по сравнению с евреями. Между тем, главной задачей являлось

---

³⁷⁴ См. например: Edelman R. Op. Cit. P. 213.

³⁷⁵ Шульгин В.В. Годы. Дни. С. 117.

³⁷⁶ Лапин Н.Дневник П.Н. Милюкова // Красный архив. М.-Л. 1932. Т. 3. С. 129.

преодоление этой слабости, а не ее консервация при сохранении ограничений³⁷⁷. С другой – к изменению взгляда на вопрос подтолкнули боевые действия в пределах черты оседлости и рост числа еврейских беженцев, вынужденных покинуть территории традиционного проживания. Это также делало необходимым изменение позиции в еврейском вопросе, ибо в собственном тылу «нельзя иметь восемь миллионов врагов»³⁷⁸. Прогрессивные националисты подчеркивали, что об одномоментной ликвидации всех ограничений речи не было. Здесь требовалась крайняя осторожность, и действовать надлежало не торопясь, «на ощупь»³⁷⁹. По тем же основаниям изменилось отношение прогрессивных националистов и к полякам: летом 1915 г. русским войскам пришлось оставить территорию Польши³⁸⁰.

Объясняя отказ от некоторых ключевых для националистов позиций, Савенко подчеркивал, что блок образовался на основе взаимных уступок и жертв³⁸¹. Вступая в Прогрессивный блок, кадеты жертвовали одним из ключевых пунктов своей программы, требовавшего создания правительства, ответственного перед представительным учреждением, и соглашались на гораздо более скромное «министерство доверия».

Лидеры прогрессивного национализма настаивали, что уступки кадетов оказались, в конечном итоге, не меньшими, чем их собственные. Шульгин доказывал задним числом, что вступление националистов в Прогрессивный блок сделало кадетов гораздо более умеренными. «Мы приковали кадетов к минимальной программе... оторвали их от революционной идеологии, свели дело к пустякам»³⁸².

---

³⁷⁷ Государственная Дума. IV созыв. Стенографические отчеты. – Сессия IV. Стб. 1164-1165.

³⁷⁸ Лапин Н. Дневник П.Н. Милюкова // Красный архив. М.-Л.1932. Т. 3. С. 129.

³⁷⁹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия IV, заседание 15. Стб. 1162.

³⁸⁰ Шульгин В.В. Указ. Соч. С. 117.

³⁸¹ Киевлянин. 1915. 17 августа.

³⁸² Шульгин В.В. Указ. Соч. С. 162.

По его утверждению, большая часть программы блока никоим образом не противоречила политическим установкам националистов и не создавала для них никаких проблем. «Уравнение крестьян в правах - вопрос, предрешенный еще Столыпиным; вполне вегетарианское “волостное земство”; прекращение репрессий против “малороссийской печати”, которую никто не преследовал; “автономия Польши” - нечто совершенно уже академическое в то время ввиду того, что Польшу заняла Германия»³⁸³. К тому же наиболее спорные вопросы были сформулированы в декларации нарочито неопределенно. В ином случае вокруг них могли возникнуть конфликты, которые воспрепятствовали бы образованию думского большинства.

Вместе с тем, декларация Прогрессивного блока не содержала в себе ничего собственно националистического. Хотя упоминаемые в ней уравнение крестьян в правах и волостное земство («наискорейшее развитие местного самоуправления без лишней правительственной опеки») присутствовали и в первоначальной программе Всероссийского национального союза, едва ли эти пункты определяли существо русского национализма того времени.

Присоединение левых националистов к блоку стало, прежде всего, свидетельством сдвига наиболее умеренных российских консерваторов в либеральном направлении, усвоении ими новых, либеральных по происхождению политических установок. Они подчеркивали, что в условиях войны заметно выросло значение представительных институтов, которые были призваны способствовать патриотической мобилизации населения. Война трактовалась как дополнительный аргумент в пользу народного представительства и продолжения политического курса, провозглашенного Манифестом 17 октября.

В статье, посвященной десятилетию Манифеста, Савенко отмечал: «Нынешняя великая война всем воочию показала, что так жить, как мы жили,

---

³⁸³ Шульгин В.В. Указ. Соч. С. 117.

нельзя»³⁸⁴. Создание либерально-консервативного большинства в думе выступало как непосредственное продолжение начатого 17 октября 1905 г. процесса трансформации политического строя России. «Прогрессивный блок, - уверял Савенко, - это великое знамение времени. Это союз борьбы во имя того, что было провозглашено 10 лет назад. Этот патриотический союз показывает, что в грядущей борьбе за свободу и обновление России попутчиками и союзниками будут все, кому дорога родина, а не казенные субсидии и разные другие блага»³⁸⁵.

Как и до войны, представительные учреждения должны были обеспечивать выражение интересов населения, разработку законов, постоянную связь между монархом и народом. В свою очередь, правительство должно было оставаться инструментом управления империей от имени государя. Однако отношения между ними должны были существенным образом измениться. Теперь ключевой характеристикой отношений между правительством и Государственной Думой должно было стать *доверие*.

Этот термин понимался как словесное выражение единения государства и общества, без которого победа в глобальном военно-политическом конфликте представлялась невыполнимой. Государству и обществу надлежало распределить полномочия и ответственность, чтобы довести войну до победного конца. Это предполагало готовность обеих сторон к компромиссу, взаимную лояльность и доверие.

О том, что указанная установка носила для прогрессивных националистов принципиальный, стратегический характер свидетельствовали и их высказывания еще до вступления в блок. «Теперь нам более, чем когда бы то ни было, необходимо внутреннее единение, полный мир и согласие внутри государства - писал за неделю до открытия думской сессии в июле 1915 г. Савенко. – Ныне, перед лицом грозной внешней

---

³⁸⁴ Киевлянин. 1915. 22 октября.

³⁸⁵ Там же.

опасности правительство наше, наконец, объединилось. А объединившись, оно, надо думать, найдет язык, понятный и приемлемый для Государственной думы»³⁸⁶.

Со своей стороны прогрессивные националисты всячески демонстрировали готовность взаимодействовать с правительством и добиваться согласованной деятельности государственных и общественных учреждений. В создании «министерства доверия» они видели важнейший инструмент поиска «третьего пути», мирной эволюции, противостоящей как революции, так и реакции.

Обвиняя в нежелании взаимодействовать с общественными деятелями Н.А. Маклакова, И.Г. Щегловитова и В.К. Саблера (Десятовского), прогрессивные националисты противопоставляли им министров, которые, по их мнению, проявляли надлежащий уровень готовности к взаимодействию с обществом - А.В. Кривошеина, С.В. Рухлова, А.Д. Самарина, Н.Б. Щербатова, С.Д. Сазонова.

Среди членов правительства они выделяли А.В. Кривошеина. Особенное к нему отношение националисты объясняли тем, что он «стоял за необходимость для власти координировать свои действия с запросами страны и общества»³⁸⁷. По утверждениям прогрессивных националистов, он был чужд «бюрократизма и формализма»³⁸⁸. Шульгин называл Кривошеина «определенным политическим символом, воплотившим в себе лучшие традиции того государственного служения, ярким выразителем которого был безвременно погибший П.А. Столыпин»³⁸⁹.

Были у прогрессивных националистов и другие фавориты среди министров. К их числу относился министр путей сообщения С.В. Рухлов, в 1908-1909 гг. возглавлявший совет Всероссийского национального союза. Еще до войны Савенко объявлял его заслугой значительное увеличение

---

³⁸⁶ Киевлянин. 1915. 12 июля.

³⁸⁷ Киевлянин. 1915. 26 октября.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Киевлянин. 1915. 28 октября.

скорости движения поездов в России. В этом киевский националист увидел важнейшую предпосылку для установления тесного контакта между населением и его представителями в органах власти. Благодаря лучшей организации работы железной дороги члены Государственной Думы могли чаще бывать дома и поддерживать более тесную связь со своими избирателями. Савенко именовал министра человеком «свободным от путейских предрассудков» и не «сдавленным путейским консерватизмом»³⁹⁰.

Высокая оценка Рухлова сохранялась и после раскола националистической фракции и образования блока. Теперь в качестве его главного достоинства выступали готовность и умение работать совместно с народными представителями. Исходя из этого, «Киевлянин» называл Кривошеина и Рухлова наиболее «вхожими» в Думу и наиболее «приемлемыми» для Думы министрами³⁹¹.

Еще одним фаворитом прогрессивных националистов был министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Особенно щедр на похвалы в адрес Сазонова оказался Савенко. Для него Сазонов был человеком, «чей глубокий патриотизм равен его ясному уму»³⁹². «Такого министра иностранных дел – умного, выдержанного, прямодушно-благородного и проникнутого глубоким национально-патриотическим чувством – Россия давно не имела», – утверждал он³⁹³.

И даже совсем недолго пробывшие на своих постах Н.Б. Щербатов и А.Д. Самарин и не успевшие зарекомендовать себя ничем особенным, как министры, удостоились похвал прогрессивных националистов за свою принадлежность к «независимым общественным деятелям»³⁹⁴.

---

³⁹⁰ Киевлянин. 1914. 30 апреля.

³⁹¹ Киевлянин. 1915. 1 ноября.

³⁹² Киевлянин. 1914. 3 августа.

³⁹³ Киевлянин. 1914. 17 декабря. Можно предположить, что дополнительной причиной столь почтительного отношения к Сазонову были родственные связи его супруги – родной сестры жены Столыпина.

³⁹⁴ Киевлянин. 1915. 29 октября.

Отмечая особое значение создания консервативно-либеральной коалиции и «министерства доверия» с точки зрения политической эволюции российской государственности, прогрессивные националисты постоянно подчеркивали, что их непосредственной задачей является успех в войне. Савенко отмечал, что, несмотря на существенные различия в своих программных документах, все вошедшие в блок фракции сошлись на том, что власть – в лице правительства и общество – в лице Государственной Думы должны, доверившись друг другу, объединиться ради победы над Германией³⁹⁵.

Ему вторил Шульгин, доказывавший, что для победы, в первую очередь, необходим внутренний мир, мир между народами, населяющими Россию и мир между партиями³⁹⁶. Для победы в войне были необходимы не только снаряды и вооружение, но и согласие в обществе. Поскольку война приняла затяжной характер, на борьбу с врагом было необходимо мобилизовать все общественные силы³⁹⁷. «Думское большинство создано для борьбы с Германией – и ни для чего другого», - утверждал Савенко³⁹⁸.

Ему казалось, что с образованием «блока национальной обороны» страна успокоилась и видит, что теперь есть, кому позаботиться о государственном благе³⁹⁹. «Прогрессивный блок – великое знамение времени», - писал он два месяца спустя⁴⁰⁰. Шульгин в своих воспоминаниях замечал, что блок «был трехцветный, бело-сине-красный, он был национальный, он был русский!»⁴⁰¹.

Прогрессивные националисты утверждали, что главным мотивом их вступления в блок был глубокий патриотизм; они были готовы забыть о прежних политических распрях во имя блага государства. Судя по всему,

---

³⁹⁵ Киевлянин. 1915. 22 октября.

³⁹⁶ Киевлянин. 1915. 7 декабря.

³⁹⁷ Киевлянин. 1915. 23 августа.

³⁹⁸ Киевлянин. 1915. 3 сентября.

³⁹⁹ Киевлянин. 1915. 20 августа.

⁴⁰⁰ Киевлянин. 1915. 22 октября.

⁴⁰¹ Шульгин В.В. Указ. Соч. С. 296.

лидеры прогрессивного национализма искренне в это верили. Во всяком случае, Савенко рассуждал подобным образом не только в газете и в Думе, но и в частных письмах. «Надо жертвовать всем ради спасения отечества – и жизнью наших братьев, и средствами, и землей, и даже той печатной бумагой, которая называется программами... Пусть погибнут наши партийные программы, лишь бы жива была наша великая Россия. На все уступки, на все жертвы надо идти, лишь бы победить, ибо если мы будем разбиты, то всё равно всё потеряем», - писал он в Киев⁴⁰².

Вместе с тем, блок, критикующий власть, выступал для прогрессивных националистов как предохранительный клапан, защищающий страну от последствий массового недовольства положением дел на фронте и в тылу. Шульгин называл выступления в Государственной Думе «отдушиной» для страны и армии. В своих мемуарах он уверял, что вступление в Прогрессивный блок было попыткой трансформировать недовольство масс правительством, которое могло перейти в революцию, в гораздо менее опасное недовольство им со стороны Думы. «В 1915 году во время великого отступления... для нас, правого крыла, стал вопрос: или стать на сторону правительства, конечно, виноватого в непредусмотрительности и бездарности, или же, признав справедливым нарастающее неудовольствие, попытаться ввести его в наименее резкие, в самые приемлемые формы... Наша цель была, чтобы массы оставались покойными, так как за них говорит Дума», - объяснял Шульгин свою позицию⁴⁰³.

В своих воспоминаниях Шульгин подчеркивал, что блок никогда не брал на себя обязательство воздерживаться от критики правительства. Между Думой и армией, писал он, словно было заключено немое соглашение: Дума ругает правительство, а армия в это время терпит и воюет⁴⁰⁴. По мнению Т.

---

⁴⁰² А.И. Савенко – З.П. Миронову, 20 августа 1915 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1041. Л. 323.

⁴⁰³ Шульгин В.В. Указ. Соч. С. 162.

⁴⁰⁴ Там же.

Рихи, вступление прогрессивных националистов в блок было равнозначно присоединению к движению против И.Л. Горемыкина в интересах войны⁴⁰⁵.

Среди прогрессивных националистов длительное время сохранялась надежда на установление постоянного диалога с правительством в духе «доверия». Савенко обещал, что блок будет вести политическую борьбу со всеми теми силами, которые могут помешать победе над Германией. Сил этих, по мнению Савенко, две – «революция и реакция». Он утверждал, что прогрессивным националистам была совершенно чуждо стремление бороться как с властью, так и за власть. «Блок определенно сказал только одно: для достижения победы над врагом необходимо правительство твердое, сильное и деятельное»⁴⁰⁶.

После образования блока число политических оппонентов прогрессивных националистов слева значительно уменьшилось. По сути дела, теперь в этом качестве выступали только социал-демократы и трудовики. Отношение к ним было скорее скептическим и может быть охарактеризовано риторическим восклицанием А.И. Савенко «неужели страшнее кошки зверя нет?»⁴⁰⁷. Однако, не опасаясь левых в Думе, лидеры ФПН опасались сторонников думской левой вне ее и боялись, что «потoki недовольства... начинают искать путей в обход Думы»⁴⁰⁸.

Значительно более резко прогрессивные националисты высказывались в адрес правых. На страницах «Киевлянина» Савенко с Шульгиным критиковали их за недалёковидность и политическую негибкость. Савенко продолжая не только критиковать воззрения правых, обвинял их в измене интересам России. Он утверждал, что идти против патриотического блока значило идти против самой страны. В ответ на укоры в адрес блока со стороны правых, обвинивших думское большинство в отсутствии патриотизма, Савенко с думской трибуны обрушился на «Земщину», обвинив

---

⁴⁰⁵ Riha T. Milukov and the Progressive Bloc in 1915. : A Study in Last-Chance Politics // Journal of Modern History. 1960. Vol. 32. №1. P. 19.

⁴⁰⁶ Киевлянин. 1915. 23 августа.

⁴⁰⁷ Киевлянин. 1915. 10 сентября.

⁴⁰⁸ Киевлянин. 1915. 26 августа.

ее в организации похода против Государственной Думы при попустительстве цензуры⁴⁰⁹.

Не остался в стороне от ожесточенной полемики и Шульгин. Критикуя правых, он не скрывал своего сожаления, очевидно, помня, что начинал свою думскую деятельность в составе фракции правых. «Как приятно было бы, если бы глупые правые были так же умны, как кадеты и старались восстановить свое первородство работой для войны. И было бы справедливо, что тот был бы «вознесен», кто больше всего сделал для победы. Но они не могут этого понять и портят общее дело», - сетовал он в письме к Е.Г. Шульгиной⁴¹⁰.

Чаще всего правых обвиняли в отсутствии конструктивных предложений. «Вся политика крайне правых состоит из двух букв – «не»⁴¹¹. Они всё отрицают, но ничего своего не предлагают взамен. Обвиняли их и в партийном эгоизме, нежелании и неумении договариваться с носителями иных взглядов. Ярким проявлением этого объявлялись совещания (съезды) правых в ноябре 1915 г. в Петрограде и Нижнем Новгороде.

Савенко писал, что правые, выступая против всяческой политики и против созыва Государственной Думы, «ищут какой-то опоры и устраивают для этого съезды, то есть сами занимаются политической борьбой». По его мнению, «все различие между сторонниками блока и его противниками заключается в том, что блок требует хорошей политики..., а противники блока непримиримо отстаивают прежнюю плохую политику»⁴¹².

Отвечая на обвинения правых в измене своим убеждениям, Савенко подчеркивал, что лично он «никогда не был крайним правым»⁴¹³. «Разумеется, я не раз ошибался, - писал он. - Не ошибается ведь только тот,

---

⁴⁰⁹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия 4, заседание 14. Стб. 1076.

⁴¹⁰ В.В. Шульгин – Е.Г. Шульгиной, 11 декабря 1915 // ГАРФ. Ф. 102 Оп. 265 Д. 1040 Л. 2209.

⁴¹¹ Киевлянин. 1915. 17 сентября.

⁴¹² Киевлянин. 1915. 28 декабря.

⁴¹³ Киевлянин. 1915. 13 сентября.

кто ничего не делает. Но упорствуют в своих ошибках только безнадежные глупцы. Война — великий экзамен и великая встряска. Она вскрыла многое и многих заставила прозреть. Все мы за последние 10 лет выросли, достигли большей политической зрелости (кроме тупых, одеревенелых обскурантов)»⁴¹⁴. Тем самым политическая гибкость, с которыми ассоциировал себя и своих коллег Савенко, противопоставлялась избыточной жесткости и неспособности к переменам, которую он обнаруживал у правых.

Полемика между прогрессивными националистами и правыми велась в августе – начале сентября 1915 г. и в стенах Государственной Думы, хотя за короткий промежуток времени между созданием блока и прекращением работы нижней палаты прогрессивные националисты успели лишь несколько раз коснуться этой проблематики в ходе думских заседаний.

Так, 25 августа 1915 г. Савенко выступил с большой речью относительно законопроекта о военной цензуре. Он утверждал, что плох не сам закон о цензуре, а то, как он исполняется. Военная цензура сама по себе была необходима, но под ее видом не должен был твориться произвол⁴¹⁵. Рассказывая истории из жизни военных цензоров Киева, Савенко вызвал гнев Н.Е. Маркова, раскритиковавшего его выступление. Тогда Савенко вновь взял слово и обвинил Маркова и газету «Земщина» в отсутствии патриотизма и «уничтожении единства» в стране⁴¹⁶.

Вскоре после этого ему пришлось объясняться по личному вопросу с правым националистом П.А. Сафоновым. Говоря о программе Прогрессивного блока, Савенко заявил, что образование в Думе большинства есть политическое объединение и победа участников блока над самими собой. «Мы победили самих себя, прежде всего потому, что сумели стать

---

⁴¹⁴ Киевлянин. 1915. 13 сентября.

⁴¹⁵ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV, заседание 14. Стб. 1014-1024.

⁴¹⁶ Там же.

выше узкой партийности»⁴¹⁷. Предупреждая упреки в том, что, вступив в блок, прогрессивные националисты перестали быть консерваторами, он трактовал коалицию с либералами как способ с помощью превентивных мер предотвратить катастрофическое обрушение существующего политического порядка. Он объяснял, что «лучше теперь малый крен влево, чем огромный, быть может, катастрофический крен влево после войны»⁴¹⁸.

Прогрессивные националисты утверждали, что, несмотря на присоединение к блоку, руководящая роль в котором принадлежала либералам, они продолжали оставаться сторонниками твердой власти, и все их действия диктовались стремлением помочь правительству навести порядок. На том же заседании Савенко убеждал присутствующих в том, что «...во время войны мы с властью, какой бы то ни было, вести борьбу не намерены и не будем»⁴¹⁹.

Показательно, что в период между возобновлением думской сессии в июле и приостановлением работы Думы в сентябре 1915 г. члены новой фракции ни до раскола, ни после его не позволяли себе прямых выпадов в адрес правительства. Единственный сколько-нибудь серьезный упрек, да и то лишь косвенно задевающий министерство, сделал В.А. Бобринский. Выступая в поддержку запроса о расстреле рабочих в Костроме в июне 1915 г., он заявил, что пришло время рассказать об этих событиях всю правду⁴²⁰.

Судя по всему, прогрессивные националисты надеялись на то, что блок сможет договориться с правительством и воспринимали «министерство доверия» не только и не столько как политический лозунг, сколько как реальную политическую перспективу. В их понимании «министерство доверия» должно было стать формой институционализации и продолжения политики «Священного единения», осуществлявшейся в течение первого года

---

⁴¹⁷ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV, заседание 15. Стб. 1178.

⁴¹⁸ Там же. Стб. 1179.

⁴¹⁹ Там же.

⁴²⁰ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV, заседание 6. Стб. 547.

войны. Взаимная поддержка Правительства и политического центра должна была помочь избежать революции и реакции и сохранить политическую стабильность.

Несмотря на жесткую полемику с правыми, прогрессивные националисты продолжали видеть себя консерваторами. Другое дело, что в отличие от правых, они являлись сторонниками либерально-консервативного консенсуса. Это, в частности, подчеркивал Шульгин, отмечавший во время одного из думских выступлений, что страна стоит «перед союзом одной части общества – консервативной, с другой – либеральной»⁴²¹.

---

⁴²¹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV, заседание 6. Стб. 1162.

Глава 3. Эволюция идейных установок и политических практик прогрессивного национализма

3.1 Прогрессивные националисты и «осада власти» (сентябрь 1915 - октябрь 1916 гг.)

Прекращение работы Думы вскоре после создания Прогрессивного блока стало для прогрессивных националистов наиболее актуальной политической темой осени 1915 г. Милюков позднее утверждал, что, прекращая работу Думы, власть отталкивала протянутую ей Прогрессивным блоком руку и превращала конфликт с народным представительством и с обществом в «открытый разрыв»⁴²². «Момент был решительный. Если бы власть сумела воспользоваться предоставленным ей шансом, то дальнейшего разъединения между правительством и обществом можно было бы надолго избежать», - писал Милюков⁴²³.

Лидеры прогрессивных националистов разделяли мысль о том, что решение о прекращении думской сессии разрушило перспективы согласия между государством и обществом. Савенко писал, что прекращение работы Думы «ставит наше отечество перед пучиной новой неизвестности»⁴²⁴. Он считал, что она была необходима и обществу, и правительству. «Сама наличность Думы действовала на страну успокоительно и одобряюще, так как она смотрела на Думу как на орган народного контроля, который за всем присмотрит и укажет на все промахи», - писал он⁴²⁵.

Савенко был убежден, что основной причиной роспуска Думы стало образование в ней «блока национальной обороны», которого правительство опасалось совершенно напрасно. Наоборот, организованное думское большинство могло служить исполнительной власти своего рода щитом, оно было готово разделить с ней ответственность, даже не располагая

---

⁴²² Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 30.

⁴²³ Там же. С. 29.

⁴²⁴ Киевлянин. 1915. 9 сентября.

⁴²⁵ Там же.

надлежащими для этого правами. Распуская Думу, власть отбрасывала этот щит.

В резких высказываниях левых членов Думы А.Ф. Керенского и Н.С. Чхеидзе, называвшихся в качестве одной из причин роспуска представительного учреждения, Савенко видел исключительно повод для этого. «Если в кипящем котле предохранительный клапан закрыт, то последует взрыв», - предупреждал он⁴²⁶.

В.В. Шульгин в своих высказываниях был более сдержан. Не отрицая важности Думы для сохранения спокойствия в стране, он, тем не менее, не видел смысла торопиться с возобновлением ее работы. По мнению Шульгина, это имело бы смысл только тогда, «когда будет выношенная, разработанная и принятая большинством мысль. Для жалоб же, причитаний и голой критики Думу преждевременно созывать не стоит – это делу не поможет»⁴²⁷.

Шульгин считал, что в «общей программе соглашения» участники блока напрасно обошли вниманием экономические вопросы. «Прежде чем созывать Государственную Думу, необходимо достигнуть такого же соглашения по экономическим вопросам, каким ознаменовалась осень 1915 года в отношении вопросов политических. Иначе страна увидит ту же картину раздора, что и прежде», - писал он в «Киевлянине»⁴²⁸. Не хотел торопиться с созывом Думы и В.А. Бобринский, заявивший на одном из совещаний бюро Блока в конце октября, что это «его страшит»⁴²⁹.

Выражая сомнения по поводу разумности созыва Думы, прогрессивные националисты демонстрировали намерение договариваться с правительством. На начальном этапе существования фракции ее участники всячески подчеркивали свою лояльность министерству и готовность к сотрудничеству с ним. В августе 1915 г. они утверждали, что блок создан с единственной

---

⁴²⁶ Киевлянин. 1915. 9 сентября.

⁴²⁷ Киевлянин. 1915. 10 сентября.

⁴²⁸ Киевлянин. 1915. 14 сентября.

⁴²⁹ Прогрессивный блок в 1915 – 1917 гг. // Красный архив. 1933 Т.1. С. 156.

целью – помочь правительству довести войну до конца, и никакой борьбы с ним националисты вести не будут⁴³⁰. Демонстрируя готовность к компромиссам, «Киевлянин» предостерегал парламентариев от выхода из особых совещаний, несмотря на обиду на роспуск Думы⁴³¹.

Однако уже осенью 1915 г. ситуация стала меняться. И хотя в октябре 1915 г. Савенко говорил лишь о «деловой оппозиции», наметилась перспектива перехода прогрессивных националистов к конфронтации с правительством⁴³². Это было обусловлено отставками министров, с которыми связывались надежды на достижение договоренности между правительством и Думой - А.В. Кривошеина, С.В. Рухлова, А.Д. Самарина, Н.Б. Щербатова, покинувшими Совет Министров осенью 1915 г.

Их уход воспринимался прогрессивными националистами как «возвращение к старому, которое с уходом Н.А. Маклакова и других его товарищей по Совету министров... считалось... отходящим в область минувшего»⁴³³. «Общественные деятели оказались слишком независимыми и потому пришлись не ко двору», - замечал по поводу изменений в исполнительной власти Савенко⁴³⁴.

Тяжелее всего прогрессивные националисты восприняли уход А.В. Кривошеина. Называя его «выдающимся государственным деятелем», Шульгин отмечал, что именно этот министр ассоциировался у общества с надеждами на политическую стабильность. «В сознании и общества и тех сфер, среди которых непосредственно протекала деятельность А.В. Кривошеина, облик главноуправляющего землеустройством и земледелием сложился в величину крупного государственного значения. Недаром... имя А.В. Кривошеина почти постоянно являлось тем средоточием, около которого

---

⁴³⁰ Киевлянин. 1915. 23 августа.

⁴³¹ Киевлянин. 1915. 9 сентября.

⁴³² Прогрессивный блок в 1915 – 1917 гг. // Красный архив. 1932. Т.1-2. С. 154.

⁴³³ Киевлянин. 1915. 30 сентября.

⁴³⁴ Киевлянин. 1915. 4 октября.

группировались надежды и стремления, знаменующие собой цели достижения определенного и прочного государственного порядка»⁴³⁵.

Для Шульгина Кривошеин был не просто сановником, но «определенным политическим символом, воплотившим в себе лучшие традиции того государственного служения, ярким выразителем которого был безвременно погибший П.А. Столыпин... А.В. Кривошеин оставался в нынешнем Совете министров последним соратником Столыпина, последним хранителем столыпинских традиций и государственных идей»⁴³⁶.

Столь же лестно характеризовал Кривошеина и А.И. Савенко. Значение главноуправляющего землеустройства и земледелия, по его мнению, далеко выходило за рамки этого ведомства. «Он имел большое, часто решающее влияние на многие стороны государственной жизни», - писал Савенко. «Он глубоко проникнут столыпинской идеей единения власти с обществом. Когда гг. Маклаков, Сухомлинов и Щегловитов ушли, и власть решила было опереться на страну в лице народного представительства, А.В. был, казалось, господином положения: в тот момент он был на верху могущества и фактически руководил всей правительственной деятельностью»⁴³⁷. Однако вскоре в стране начали брать верх противоположные веяния, с которыми Кривошеин был вынужден бороться. Он, напоминал Савенко, «убежденно стоял за необходимость для власти координировать свои действия с запросами страны и общества... Он доказывал необходимость, ради достижения победы, больших жертв с обеих сторон — и со стороны власти, и со стороны общества»⁴³⁸.

Еще одним ощутимым ударом для прогрессивных националистов стала последовавшая на следующий день после ухода Кривошеина отставка С.В. Рухлова, бывшего председателя ВНС. Именно с Рухловым ассоциировалась идея возвращения к изначальной идеологии Союза, на что претендовали

---

⁴³⁵ Киевлянин. 1915. 28 октября.

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Киевлянин. 1915. 29 октября.

⁴³⁸ Там же.

прогрессивные националисты. Во время начавшейся осенью 1915 г. экономической разрухи С.В. Рухлов оказался одним из немногих членов правительства, которого прогрессивные националисты старались защитить от нападков. Савенко доказывал, что винить министра путей сообщения в нехватке вагонов нельзя, поскольку Рухлов еще в 1914 г. предупреждал о грядущем кризисе и просил у Думы кредиты для закупки поездов, на что получил отказ.

«Ведомство, руководимое С.В. Рухловым, в течение нескольких лет настойчиво указывало, что в случае войны нам не хватит ни вагонов, ни паровозов, и требовало кредитов для усиленной подготовки подвижного состава. Но министерство финансов и Государственная Дума упорно отказывали министерству путей сообщения в этих кредитах», - писал журналист⁴³⁹.

Вместе с тем, отдавая должное бывшему министру, Савенко не умалчивал о транспортной разрухе. Автор объяснял ее «утомленностью» Рухлова, считая, что на посту министра путей сообщения последний был не только отличным хозяином-администратором, но и большим государственным человеком, «чистым, благородным, беззаветно преданным родине и долгу»⁴⁴⁰. К тому же, отмечал Савенко, во время войны министр путей сообщения уже не являлся полноправным хозяином своего ведомства. В другой статье Савенко отмечал, что «ушедший Рухлов был деятелем выдающихся дарований и большой энергии»⁴⁴¹.

Высоко оценивал итоги работы Рухлова и В.В. Шульгин. Он отмечал, что на своем посту министр путей сообщения добился значительных успехов, хотя и не был инженером по профессии. «Получив в наследство путейское ведомство, в котором революционная эпоха произвела разгром и дезорганизацию..., С.В. Рухлов сумел очень быстро привести в порядок все расстроенное революцией, восстановить стройность железнодорожного

---

⁴³⁹ Киевлянин. 1915. 12 апреля.

⁴⁴⁰ Киевлянин. 1915. 1 ноября.

⁴⁴¹ Киевлянин. 1915. 15 ноября.

движения и добиться того, что железнодорожное хозяйство стало источником довольно солидных доходов для казны», - отмечал «Киевлянин» в редакционной статье⁴⁴².

По мнению прогрессивных националистов, почти одновременно ушедшие из кабинета Кривошеин и Рухлов были наиболее приемлемыми персонажами для участия в любом правительстве⁴⁴³. Сожалая об их уходе, который объяснялся болезнью обоих министров, но на самом деле имел более глубокие причины, «Киевлянин» саркастически замечал: «Даже присяжные любители сенсаций могут задуматься при виде тех быстрых успехов, какие делают болезни в среде нашего Совета министров... Да, жаль, что министры болеют и уходят»⁴⁴⁴.

Однако, высказывая сожаления по поводу отставок тех, в ком они видели наиболее подходящих политических партнеров для формирования «министерства доверия», прогрессивные националисты подчеркивали свое позитивное отношение к любым членам правительства, демонстрировавшим внимание к общественному мнению. Поэтому парадоксальным образом наименее болезненной для них оказалась замена А.Н. Хвостовым на посту министра внутренних дел ассоциировавшегося с «общественностью» кн. Н.Б. Щербатова. Хотя Хвостов был выходцем из фракции правых, занимавшим в течение двух первых сессий четвертой Думы пост ее председателя, его назначение прогрессивные националисты встретили вполне лояльно.

Даже всегда подчеркнуто неприязненно характеризовавший правых А.И. Савенко призывал не «рассуждать по трафарету» и не «оперировать партийными ярлыками»⁴⁴⁵. «Отрешившись от партийной нетерпимости, мы должны признать, что честные и умные граждане могут быть среди всех партий», - писал он и советовал не делать скоропалительных выводов по поводу назначения Хвостова. Более того, очевидно, желая вбить клин между

---

⁴⁴² Киевлянин. 1915. 29 октября.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Киевлянин. 1915. 1 октября.

Хвостовым и лидерами правых и демонстрируя готовность к сотрудничеству с правительством, он не скупился на комплименты новому министру. «Я могу сказать, - писал Савенко, - что между ним (А.Н. Хвостовым – А.Г.) и Марковым 2-м и Замысловским – дистанция огромного размера. И, прежде всего, потому, что г. Хвостов неизмеримо умнее их... Консерватор, но отнюдь не реакционер»⁴⁴⁶.

Другим показателем ориентации прогрессивных националистов на практическую законотворческую деятельность и сотрудничество с министрами было то, что основным видом их парламентской активности являлась работа в думских комиссиях. Прогрессивные националисты были представлены во всех из 24 постоянных комиссий, за исключением Комиссии Личного состава. Во время 4-й сессии в нижней палате также было создано 15 временных комиссий. Члены фракции работали в 12 из них⁴⁴⁷.

Наибольшее представительство – 7 человек – прогрессивные националисты имели в Земельной комиссии. Шесть депутатов работали в Бюджетной комиссии. Столько же прогрессивных националистов входило в Комиссию по военным и морским делам, причем В.В. Шульгин был товарищем председателя комиссии.

Большое значение прогрессивные националисты придавали Сельскохозяйственной комиссии, Комиссии по местному самоуправлению и Комиссии по народному образованию. В работе каждой из них принимали участие сразу по пять представителей фракции⁴⁴⁸. По четыре депутата от фракции работали в Комиссии по судебным реформам и в Финансовой комиссии, по три – в Комиссии по вероисповедным вопросам (З.М. Благодоров был ее председателем), Комиссии о путях сообщения (В.Я.

---

⁴⁴⁶ Киевлянин. 1915. 1 октября.

⁴⁴⁷ См.: Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. 1915-1916 гг.

⁴⁴⁸ Членами Комиссии по Сельскому хозяйству были Г.А. Вишневецкий 2-й, И.А. Рындовский, Л.И. Пушин, А.И. Мухин 2-й, П.Н. Ягодынский. Членами Комиссии по местному самоуправлению – З.М. Благодоров, К.Е. Сувчинский, В.П. Шеин, В.Ф. Тарасевич, А.А. Ких. В Комиссии по народному образованию работали В.А. Бобринский, Ф.И. Ольховский, П.Н. Ягодынский, Д.Ф. Киселев, П.А. Покровский.

Демченко – товарищ председателя), Комиссии о народном здравии, Комиссии по переселенческому делу (К.Е. Сувчинский – председатель) и Комиссии по направлению законодательных предположений. В.П. Шеин был товарищем председателя Комиссии по делам православной церкви.

Из временных комиссий наибольшее число прогрессивных националистов работали в Комиссии для рассмотрения законопроекта о замене сервитутов, в работе которой принимали участие С.Д. Вербило, Г.А. Вишневский 2-й, М.П. Воронцов-Вельяминов и И.Ф. Половцов 2-й. В Комиссиях о мерах к прекращению ненормального вздорожания предметов первой необходимости, для выработки законопроектов о печати и для рассмотрения законопроекта о шлюзовании порожистой части Днепра работало по три депутата от фракции прогрессивных националистов.

Некоторые из депутатов оказались во временных комиссиях на первых ролях. В.П. Шеин был товарищем председателя Комиссии по старообрядческим делам, а Г.А. Вишневский 2-й – товарищем председателя Комиссии для рассмотрения законопроекта об обязательном праве. Только трое из 36 прогрессивных националистов – И.М. Караваев, К.А. Смяян и С.В. Сырнев – не принимали участие в работе думских комиссий. Впрочем, такая позиция меньшинства депутатов с лихвой окупалась активностью в работе в комиссиях других членов фракции.

М.П. Воронцов-Вельяминов работал сразу в пяти постоянных и одной временной комиссии. Г.А. Вишневский 2-й был членом трех постоянных и четырех временных комиссий, являясь товарищем председателя в Комиссии для рассмотрения законопроекта об обязательном праве и секретарем Комиссии для рассмотрения законопроекта о вотчинном уставе. А.И. Савенко работал в четырех постоянных и двух временных комиссиях, И.А. Рындовский – в четырех постоянных и одной временной. В.Ф. Тарасевич и В.П. Шеин входили в состав трех постоянных и одной временной комиссий, (последний был товарищем председателя в двух из них – постоянной

комиссии по делам православной церкви и временной – по старообрядческим делам).

К.Е. Сувчинский был председателем Комиссии по переселенческим вопросам, но помимо этого также работал в трех других постоянных комиссиях. В четырех комиссиях работал и Демченко, а в одной из них – о путях сообщения – он занимал пост товарища председателя. З.М. Благонравов работал сразу в пяти комиссиях – двух постоянных и трех временных, возглавляя в качестве председателя постоянную Комиссию по вероисповедным вопросам.

В трех постоянных и одной временной комиссиях работал А.А. Ких. В.А. Бобринский, А.И. Будрин, М.Г. Воробьев, Ф.И. Ольховский и П.Н. Ягодинский работали одновременно в трех постоянных комиссиях, большинство остальных прогрессивных националистов – в двух. Один из лидеров фракции – В.В. Шульгин работал в одной постоянной комиссии (по военным и морским делам) и в одной временной (по наказу), будучи в первой товарищем председателя.

Высокий уровень участия в работе комиссий отчасти компенсировал сравнительно небольшое число выступлений с думской трибуны. Из числа членов фракции в 1915-16 гг. чаще всего (16 раз за сессию) слово брал А.И. Савенко⁴⁴⁹. При этом трижды его выступления были ответами на выступления правых депутатов – Сафонова и Маркова⁴⁵⁰. Другие участники фракции выступали значительно меньше. В.В. Шульгин и П.Н. Ягодинский выступали по 6 раз, П.М. Шмяков – пять раз, П.В. Тарутин – три раза, П.А. Покровский и К.Е. Сувчинский – по 2 раза, Г.А. Вишневский 2-й, Мухин 2-й, И.Ф. Половцов 2-й, С.Ф. Сырнев, Н.Н. Чихачев 2-й, Д.И. Шаховской и В.П. Шеин выступили по одному разу, остальные – И.В. Борзаковский, А.И. Будрин, М.Г. Воробьев, Д.В. Киселев, А.А. Ких, И.М. Караваев, Немерцалов,

---

⁴⁴⁹ По данным последнего вышедшего Указателя к стенографическим отчетам заседаний Государственной Думы, в 1915-1916 гг. Савенко выступал в Думе 16 раз.

⁴⁵⁰ См.: Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. заседания 1-60. Спб., 1916.

Ф.И. Ольховский, Пуцин, И.А. Рындовский, В.Ф. Тарасевич и А.П. Фотинский – так ни разу и не выступали с кафедры зала заседаний Таврического дворца. Обращает на себя внимание тот факт, что среди «молчунов» превалировали крестьяне и лица духовных званий.

Изменения в составе правительства и уход из него тех, в ком видели потенциальных участников «министерства доверия», способствовали усилению критических настроений в отношении Совета Министров. В вину правительству ставились и военные неудачи, и тяжелое экономическое положение. Уже в ноябре 1915 г., прогрессивные националисты были готовы подвергнуть правительство критике от лица всей Думы.

Готовилась резолюция, обсуждение которой проходило у Меллер-Закомельского. Предполагаемый проект резолюции состоял из целых двенадцати пунктов, которые сформулировал Шульгин. В сжатом виде их представляли так: «1) война до конца, нет мира; 2) привет армии – нашей и союзникам; 3) все для армии, её снабжения и нужд – забота об армии; 4) война будет длительная, нельзя убаюкиваться временными успехами; 5) «внутренний мир»; 6) осуждение правительства, которое не понимает этого»⁴⁵¹.

Как видно из проекта резолюции, ее основные вопросы были связаны с войной. Главным аргументом в пользу необходимости довести войну до победного конца по-прежнему оставалась опасность получить в случае преждевременного заключения мира новую войну. «Когда мы съехались в 1915 году в Петрограде, - писал в своих воспоминаниях по этому поводу Шульгин, - выхода не было. Все были так накалены, что «заклеймить виновников национальной катастрофы» было необходимо Государственной Думе, если она желала, чтобы её призыв – новых жертв и нового подъема – был воспринят армией и страной». «Если правительство не внемлет - мы пойдем своей дорогой», - заявлял Савенко, переходя к открытым угрозам⁴⁵². В

---

⁴⁵¹ Дневник П.Н. Милюкова // Красный архив. 1932. Т. 3. С. 168.

⁴⁵² Прогрессивный блок в 1915 – 1917 гг. // Красный архив. 1932. Т.1-2. С. 154.

декабре 1915 г. Савенко писал: «Утверждение о том, что война и политика несовместимы – совершенно неверное»⁴⁵³.

Более грозный тон по отношению к правительству, появившийся в ноябре 1915 г., был не единственным новым явлением. Если раньше прогрессивные националисты старались избегать любых обсуждений действий правительства и отдельных министров, с этого момента они начинают активно высказывать свои соображения по поводу того, что в плане экономической политики было сделано не так и что стоит сделать, чтобы улучшить ситуацию.

В этом отношении показательны суждения прогрессивных националистов по поводу экономической разрухи и снабжения армии. Савенко считал, что в расстройстве железнодорожного транспорта была виновата не только и даже не столько война, сколько бюрократический строй. Одной из главных причин расстройства «путейного ведомства» являлся тот факт, что оно с первых дней войны не являлось хозяином и распорядителем в деле перевозок, отмечал националист, считавший, что для восстановления данной отрасли необходимо планомерное и жесткое регулирование.

Деятельность четырех особых совещаний – по обороне, по перевозкам, по топливу и по продовольствию – должна быть объединена таким образом, чтобы над ними стоял единый распорядительный орган. Ошибка Думы была в том, что именно она настояла на разделении военных вопросов в совещаниях. По правительственному проекту всеми вопросами должен был вестись военный министр, однако такой вариант Савенко считал неприемлемым, так как заботы о перевозках отвлекали бы министра от важных дел по снабжению армии.

По мнению Савенко, лицом, объединяющим в себе функции по обслуживанию тыла, должен был стать министр внутренних дел⁴⁵⁴. Говоря о всеобщей разрухе, он указывал на парадоксальные факты из киевской жизни,

---

⁴⁵³ Киевлянин. 1915. 28 декабря.

⁴⁵⁴ Киевлянин. 1915. 25 октября.

когда город испытывает нужду в предметах первой необходимости, и в то же время центральные магазины исправно получают из Парижа через Архангельск «разные дамско-галантерейные» предметы мод⁴⁵⁵.

Подвергая критике политику правительства и предлагая альтернативные решения, прогрессивные националисты в это же самое время видели своего главного политического противника не в бюрократах, а в правых. Важнейшим поводом для критических выступлений в их адрес стали два совещания (съезда) правых, состоявшихся в конце ноября 1915 г. в Петрограде и Нижнем Новгороде.

В решениях обоих совещаний правые критиковали программу блока, особенно ту ее часть, которая касалась национальной политики – вступление на путь отмены некоторых ограничений в правах евреев и примирительную политику по отношению к Финляндии⁴⁵⁶. В резолюции Петроградского совещания утверждалось, что эти требования «явно направлены против самого бытия России, как самобытного русского государства»⁴⁵⁷. Содержащееся в программе блока требование «создать правительство из лиц, пользующихся доверием страны» рассматривалось как нарушающее Основные законы и «права Верховной Самодержавной власти»⁴⁵⁸.

Участники нижегородского совещания в своих нападках на либеральную оппозицию пошли еще дальше, заявив, что оппозиционные члены Госдумы и Госсовета, «являясь орудием международного заговора против России, задумали изменить существующий в России государственный строй, пользуясь переживаемыми... военными затруднениями»⁴⁵⁹. Правые считали, что все лица, стремящиеся осуществить программу Прогрессивного блока, должны «подлежать уголовному преследованию»⁴⁶⁰.

---

⁴⁵⁵ Киевлянин. 1915. 25 октября.

⁴⁵⁶ Степанов С.А. Черная сотня. С. 521.

⁴⁵⁷ Правые партии. Документы и материалы. Том 2. 1911-1917. М., 1998. С. 488.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Там же. С. 513.

⁴⁶⁰ Там же. С. 514.

Прогрессивные националисты крайне негативно оценили оба совещания. Их называли «слетами черных птиц», попытками «остановить неумолимый ход истории», «путь прогресса, права и свободы»⁴⁶¹. Обвиняя правых в намерении обмануть народ, Савенко выражал уверенность в том, что эти попытки обречены на неудачу. «На этих съездах будут инструктировать людей по вопросу о том, как, в каком направлении и при помощи каких приемов обманывать народную массу, дабы отвлечь ее внимание от истинных причин постигших наше отечество бед и направить народное негодование совсем в другую сторону... Но им (правым — А.Г.) не удастся обмануть народ, как не удастся остановить неумолимый ход истории»⁴⁶².

Упрекая участников совещания в Петрограде в дискредитации монархической идеи, Шульгин писал: «То, что говорилось и происходило на этом съезде, вызовет глубокое огорчение у каждого, кто уважает титул «монархист», кто предан Монарху и любит Россию»⁴⁶³. Редактор «Киевлянина» отмечал, что в то самое время, когда общество «спаялось» для отпора врагу, «кучка людей... позволяет себе заподозривать широкие слои коренного русского общества»⁴⁶⁴. «Нет у вас сердца в груди, - обращался Шульгин к крайне правым. - Не родина вам дорога, не о ней вы думаете. Не верны вы, наконец, монарху, если вы после всего пережитого за эту войну... нашли у себя силы плясать хлыстовскую пляску, расшатывающую сплотившиеся силы страны»⁴⁶⁵.

Савенко подчеркивал реакционный характер решений, принятых правыми: «Это партия даже не застоя, а определенного движения назад, партия не созидания, а разрушения, словом, партия черного нигилизма»⁴⁶⁶. Шульгин, очевидно, памятуя о былой принадлежности к правым, в частном

---

⁴⁶¹ Киевлянин. 1915. 19 ноября.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Киевлянин. 1915. 25 ноября.

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Киевлянин. 1915. 6 декабря.

письме сожалел, что они «портят общее дело»: «Как приятно было бы, если бы глупые правые были бы так же умны, как кадеты и старались бы восстановить свое первородство работой для войны. И было бы справедливо, что тот был бы «вознесен», кто больше всего сделал для победы»⁴⁶⁷.

Правых по-прежнему обвиняли в стремлении заключить сепаратный мир с Германией⁴⁶⁸. Их упрекали в противодействии созыву представительных учреждений, при том что от проведения собственных съездов они не отказывались. «Правые свои требования отказа от политической борьбы предпочитают подкреплять... политической борьбой», - иронизировал Савенко. Осуждая съезды, он говорил о том, что, если разрешен съезд правых, значит должны быть разрешены другие съезды, как и свобода собраний вообще⁴⁶⁹.

Автор подчеркивал, что в числе критиков монархических съездов оказался и В.М. Пуришкевич, «чуткая душа» которого «с самого начала войны увлекла его на работу вместе со своими недавними политическими противниками»⁴⁷⁰. Савенко замечал, что «то исключение, которое представляет собой г. Пуришкевич, еще более ярко отражает убожество крайних правых»⁴⁷¹. С уважением относился к деятельности В.М. Пуришкевича на фронте и В.В. Шульгин, который отмечал, что тот «получает живые свежие впечатления не от бумажного «союза русского народа», а «от подлинного, настоящего союза, выковавшегося... у роковой черты»⁴⁷².

Принципиальные расхождения политических установок правых и прогрессивных националистов ярко проявились в полемике В.В. Шульгина с Н.А. Павловым в конце ноября – начале декабря 1915 г. Павлов статье «Не мешайте...», опубликованной в «Московских ведомостях», называл

---

⁴⁶⁷ В.В. Шульгин – Е.Г. Шульгиной, 11 декабря 1915 // ГАРФ. Ф.102. Оп. 265 Д. 1040. Л. 2209.

⁴⁶⁸ Киевлянин. 1915. 31 декабря.

⁴⁶⁹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV, заседание 29. Стб. 2582.

⁴⁷⁰ Киевлянин. 1915. 6 декабря.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Киевлянин. 1915. 8 декабря.

«предателями» тех, кто во время войны роняет авторитет власти и волнует народ. Затеянная обществом борьба против власти «есть неслыханное преступление», «циничная измена долгу», - возмущался Н.А. Павлов⁴⁷³. Он считал, что Россия не может сравняться по военной мощи с Германией до тех пор, пока ее военный бюджет не сравняется с военным бюджетом врага.

Основную проблему страны Павлов видел в «засилии лени», из-за которой Россия не могла похвастаться успехами ни в одной из отраслей хозяйства. Программу Прогрессивного блока он считал «классическим подбором бессвязных, невыясненных пожеланий, а требование правительства «заслуживающего доверия страны» - бессодержательной формой. По его мнению, победы в войне можно достичь только в том случае, если общество «не будет мешать власти и армии»⁴⁷⁴.

В ответ Шульгин опубликовал в «Киевлянине» статью «Дворянин фон Павлов». Ее заголовок, с одной стороны, напоминал о псевдониме «дворянин Павлов», под которым автор «Не мешайте...» был хорошо известен читающей публике, а с другой, указывал на то, что рассуждения Павлова соответствовали германской, а не русской политической традиции. Отвергая обвинения в адрес российского общества, националист подчеркивал: если общество и виновато, то власть виновата в значительно большей степени, так как вместо подготовки к войне настоящей она занималась «внутренней войной».

Шульгин напомнил Павлову, что в начале войны Государственная Дума объявила о прекращении борьбы с правительством, и так продолжалось до тех пор, пока общество не увидело, что поддерживавшие крайне правых министры, в частности, И.Г. Щегловитов и Н.А. Маклаков, сомневаются в необходимости вести войну с Германией. «...первой нашей заботой было и будет сохранение мира внутреннего, мира между народами, населяющими Россию, и политическими партиями», - заявил Шульгин. Вторая задача,

---

⁴⁷³ Московские ведомости. 1915. 24 ноября.

⁴⁷⁴ Там же.

продолжал он, - приготовить для армии всё необходимое и указывать на все недостатки, «которые мешают правильному ходу дела»⁴⁷⁵. И это, обещал он, общественность в лице блока будет делать и впредь.

Похожим образом рассуждал и А.И. Савенко. Еще осенью 1915 г. он доказывал, что участники Прогрессивного блока не хотят заниматься политикой; их задача - победа России в войне⁴⁷⁶. Однако уже в декабре он изменил свою позицию, объяснив на страницах «Киевлянина», что политика есть служение государству, поэтому отказ от нее во время войны равнозначен отказу от служения государству⁴⁷⁷. «Прогрессивный блок — это явление, без сомнения, политическое, - заявил Савенко. - Отрицание политики во время войны равносильно отрицанию жизни государства и всякого участия граждан в этой жизни. Это глубокое недоразумение, полный nonsense», - утверждал он. А на призывы правых к отказу от политической борьбы Савенко отвечал: «Начните первые»⁴⁷⁸.

Ключевым событием начала 1916 г. стала смена Председателя Совета Министров. 20 января И.Л. Горемыкин оставил этот пост, а на его место был назначен член правой группы Государственного Совета Б.В. Штюмер, который «за последние пять лет не произнес почти ни одного слова с кафедры»⁴⁷⁹.

Подводя итоги пребывания Горемыкина на посту главы правительства, прогрессивные националисты не видели в них ничего позитивного. «Не думаем, что в кругах думского большинства этот уход вызвал большое сожаление, - писал «Киевлянин». - И.Л. Горемыкин определенно сохранил все приемы старой дореформенной практики государственного управления; занятая им в этом вопросе позиция так далеко разошлась с позицией большинства Государственной Думы, что встреча престарелого премьера с народными представителями на поприще общей государственной работы,

---

⁴⁷⁵ Киевлянин. 1915. 7 декабря.

⁴⁷⁶ Киевлянин. 1915. 10 сентября.

⁴⁷⁷ Киевлянин. 1915. 28 декабря.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Киевлянин. 1915. 21 января.

очевидно, ни той, ни другой стороне не сулила ни радости, ни удовлетворения».

Шульгин обвинял Горемыкина в том, что председатель Совета Министров не способствовал объединению общественных сил страны, столь необходимому во время войны. «Мысль о том, что войну ведет весь народ, кажущаяся нам такой простой и неоспоримой, вовсе не является таковой для тех, кто не хочет или не может заметить происходящих вокруг изменений», - замечал Шульгин, намекая на ушедшего Горемыкина⁴⁸⁰.

При этом «Киевлянин» изначально не высказывал никаких надежд на изменение положения дел при Штюмере. «Б.В. Штюмер принадлежит к той же школе государственных деятелей, что и его предшественник. Весь его административный опыт, все его государственное служение всецело принадлежат дореформенной эпохе»⁴⁸¹. Шульгин отмечал, что «последнее десятилетие обновленной государственной жизни России нынешний председатель Совета министров провел в тихих недрах Государственного Совета», при этом он так редко выступал в верхней палате, что сделать какие-то выводы относительно его суждений на государственный порядок было невозможно⁴⁸².

9 февраля 1916 г. возобновились сессии обеих палат российского парламента, и у прогрессивных националистов снова появилась возможность «выпускать пар» не на газетных страницах, а с кафедры Таврического дворца. В декларации Блока, принятой и прогрессивными националистами, говорилось, что Государственная Дума собирается после полугодового перерыва «с теми же настроениями и с теми же взглядами, как и в день неожиданной отсрочки ее занятий».

В декларации содержался укор правительству, которое «не осознало повелительной необходимости национального сплочения и отвергло единую мысль всей страны... Всеобщее желание, чтобы страна могла доверять своему

---

⁴⁸⁰ Киевлянин. 1916. 29 января.

⁴⁸¹ Киевлянин. 1916. 21 января.

⁴⁸² Там же.

правительству, было злостно истолковано, как лозунг борьбы за власть», - говорилось в заявлении Блока⁴⁸³. Участники блока продолжали высказываться за «создание правительства из лиц способных, знающих, сильных доверием страны, готовых решительно изменить применявшиеся доселе способы управления и могущих работать в согласии с народным представительством»⁴⁸⁴. Шульгин отмечал, что между декларацией Прогрессивного блока и Б.В. Штюрмером - «дистанция огромного размера»⁴⁸⁵.

Для характеристики настроения в Думе Савенко использовал термин «апатия», непосредственно связывая ее с поведением правительства⁴⁸⁶. «Никто ничему не верит, а правительству меньше всего. У всех опустились руки. Я нахожусь во власти апатии: ничему не верю, ничего хорошего не жду. Правительство не понимает, что мы стоим у края пропасти»⁴⁸⁷.

В течение всей четвертой думской сессии в среде прогрессивных националистов нарастали конфронтационные настроения. В феврале 1916 г. Савенко осуждал правительство за отказ сотрудничать с парламентским большинством, поскольку оно указывает на недостатки в действиях исполнительной власти. Дума, которая «не мешает», стране не нужна, заявил он⁴⁸⁸.

При Штюрмере критические настроения среди прогрессивных националистов постоянно усиливались. После ухода из правительства Сазонова в июле 1916 г. в правительстве уже не оставалось министров, которых лидеры прогрессивных националистов могли рассматривать как политических партнеров. Говоря об уходе Сазонова, «Киевлянин» замечал, что он, хотя и «не принадлежал к числу титанических натур», отличался

---

⁴⁸³ Киевлянин. 1916. 10 февраля.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Киевлянин. 1916. 12 февраля.

⁴⁸⁶ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 8 февраля 1916 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1051. Л. 1801.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия IV, заседание 28. Стб. 2424.

«недюжинными способностями государственного политика и дипломата»⁴⁸⁹.

Шульгин считал несомненной заслугой Сазонова укрепление дипломатических отношений с Англией, а также тот факт, что Германия первая объявила России войну. «Разоблачив истинную природу германских замыслов, русская дипломатия в значительной мере открыла глаза англичанам в том отношении, что было бы напрасно пытаться путем миролюбия и уступчивости уладить отношения с Германией»⁴⁹⁰.

Возлагая на правительство ответственность за экономический кризис, прогрессивные националисты, в то же самое время, не выдвигали сколько-нибудь внятной экономической программы, хотя ее значимость была очевидна. По мнению Шульгина, Дума должна была заниматься не только рассмотрением бюджета, но и обсуждением общего положения дел в стране, а также выработкой плана восстановления экономической жизни и организации тыла⁴⁹¹. Однако на страницах «Киевлянина» и в думских выступлениях членов фракции редко высказывались конкретные соображения по поводу решения крупных экономических проблем.

Одним из немногих исключений в этом отношении было выступление В.В. Шульгина в «Киевлянине» по поводу государственного контроля над ценами. Он объявил установление твердых цен на зерно «сотрясанием воздуха»⁴⁹². Шульгин опасался, что реквизиция хлеба по твердым ценам, в конце концов, приведет к падению производства, поскольку хлебопроизводители не будут заинтересованы в сбыте своего товара по низкой цене, установленной государством⁴⁹³.

При этом прогрессивные националисты в принципе не отрицали необходимости вмешательства государства в процесс обеспечения продовольствием, придавая снабжению армии приоритетное значение по

---

⁴⁸⁹ Киевлянин. 1916.12 июля.

⁴⁹⁰ Киевлянин. 1916. 15 июля.

⁴⁹¹ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 2000. №3. С. 7.

⁴⁹² Киевлянин. 1916. 27 сентября.

⁴⁹³ Там же.

сравнению с гражданским населением. Так, П.Д. Песляк, П.В. Тарутин и В.В. Шульгин высказались за принятие мер по ограничению потребления населением мяса. По их мнению, потребление мяса мирным населением следовало сократить ввиду его нехватки на фронте, где мясные продукты были нужнее⁴⁹⁴.

Прогрессивные националисты высказывались за демократизацию избирательного законодательства при выборах в органы местного самоуправления. Так, широко обсуждался законопроект об изменениях в правах сельских обывателей, предлагавший, чтобы крестьяне, имеющие землю на праве личной собственности или имущество в городе, вносились в списки избирателей наравне с другими землевладельцами и домовладельцами⁴⁹⁵.

Мнение большинства фракции прогрессивных националистов об этом законопроекте высказал А.И. Савенко. Он заявил, что всевозможные сословные ограничения лишь показывают отсталость государства. «Крестьянин с землей является таким же землевладельцем, и непонятно, почему он не может голосовать лишь в силу своего происхождения», - рассуждал он⁴⁹⁶. По мысли Савенко, крестьяне, имеющие землю на праве личной собственности или имущество в городе, должны быть вносимы в списки избирателей наравне с другими владельцами недвижимости⁴⁹⁷.

По поводу такого рода законопроектов, предлагавшихся Прогрессивным блоком, Л.К. Куманин отмечал, что в их «неприемлемости... не только для правительства, но и по существу убеждены сами же члены Думы»⁴⁹⁸. По его мнению, правительство, отвергавшее и куда более консервативные предложения, не могло воспринять подобные проекты иначе,

---

⁴⁹⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV, заседание 55. Стб. 5310.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Там же.

⁴⁹⁸ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы. // Вопросы истории. 2000. №3. С. 10.

как дерзость. Куманин считал, что расчет Прогрессивного блока заключался не столько в действительном проведении самих преобразований, сколько в создании правительству «возможных затруднений»⁴⁹⁹.

На этом этапе главным объектом критики ФПН продолжали оставаться правые. Если после монархических съездов их, в основном, критиковали на страницах «Киевлянина», то с началом новой думской сессии обличительные речи зазвучали и с думской трибуны.

На обвинение со стороны Маркова 2-го в том, что блок «не имеет идей», Савенко отвечал, что главной идеей думского большинства является победа над Австро-Германией»⁵⁰⁰. Он в очередной раз обвинил правых в поддержке идеи заключить мир с Германией, приведя цитату из записки председателя монархического съезда И.Г. Щегловитова⁵⁰¹. В записке говорилось, что «страна далека от мысли покорного согласия к выполнению немецких требований, но она и не отвергает возможности полюбовно прийти к соглашению, если таковое необходимо». «Мы верим в Россию, но не верим в искренность наших недавних внешних и внутренних врагов ее, сознаем опасность, исходящую от экономических тягот... если нет неоспоримых доказательств близости исчерпывающей победы, то долг государственных людей не подвергать дальнейшему испытанию народное терпение, а оно слишком напряжено», - говорилось в записке⁵⁰².

Новый обмен обвинениями в действиях на руку врагу между прогрессивными националистами и правыми произошел в августе 1916 г. в связи с т.н. «делом Булацеля». Редактор еженедельника «Российский гражданин» П.Ф. Булацель выступил против предложения британского премьера Г. Асквита предать Вильгельма II суду как военного преступника.

---

⁴⁹⁹ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 2000. №3. С. 7.

⁵⁰⁰ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия IV, заседание 29. Стб. 2584.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Там же. Справедливости ради стоит отметить, что требование правых назвать фамилии подписавших записку Савенко проигнорировал.

При этом Булацель называл Асквита «главой английских масонов», а немцев - «наши храбрые и смелые враги»⁵⁰³. Разразился дипломатический скандал, в ходе которого Булацелю пришлось извиняться перед британским послом. «Российский гражданин» был подвергнут дополнительным цензурным ограничениям⁵⁰⁴.

Статья Булацеля вызвала негодование у прогрессивных националистов. «Киевлянин» назвал суждения редактора «Российского гражданина» «безусловной ложью», «неуместным и скверным политиканством»⁵⁰⁵. Однако, по мнению редактора газеты, «во всей этой истории меньше всего значения имеет сам Булацель», за спиной которого якобы стояли влиятельные покровители. «Быть может, его (Булацеля — А.Г.) ссылка на каких-то «сильных и влиятельных» единомышленников является пустой похвальбой; но эта похвальба и создала ту обстановку, которая заставила английского посла потребовать удовлетворения за булацелевские инсинуации, а в русском обществе вызвала такой взрыв негодования и возмущения», - отмечал В.В. Шульгин⁵⁰⁶.

Обеспокоенность английского посла позицией не слишком популярного «Российского гражданина» Шульгин объяснял тем, что его редактор был выходцем из правых кругов. «Английскому послу, очевидно, известно, что присяжный поверенный Булацель, точно так же, как доктор Дубровин, называют себя принадлежащими к русской партии правых и этой партией не отвергаются... Английскому послу известно и то, что и нынешние министры, или по крайней мере некоторая часть их, вышли из этих же рядов, а следовательно из среды тех лиц, которые адвоката Булацеля и доктора

---

⁵⁰³ Российский гражданин. 1916. № 29. С. 13-14.

⁵⁰⁴ Подробнее о «деле Булацеля» см.: Алексеева И.В. Агония сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914-1917. Л., 1990. С. 217-218; Колоницкий Б.И. Занимательная англофобия: образы «Коварного Альбиона» в годы Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2000. №1 (41) С. 73-74; Лукьянов М.Н. Германия и немцы в представлениях российской правой, июль 1914 – февраль 1917 г. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 62-70; .

⁵⁰⁵ Киевлянин. 1916. 13 августа.

⁵⁰⁶ Там же.

Дубровина считают своими единомышленниками. При таких условиях «огорчение» английского посла и «жестокое разочарование» английского правительства становятся более понятными», - объяснял Шульгин⁵⁰⁷.

По его словам, тот факт, что Булацель и министры вышли из одних кругов, конечно, еще не свидетельствовал о симпатиях правительства к Германии и ненависти к Англии. «Однако такое предположение *может* возникнуть. И этого достаточно, чтобы многих англичан бросить в жар и в холод, а английскому правительству причинить «жестокое разочарование», - писал Шульгин⁵⁰⁸. Стоит отметить, что с началом Первой мировой войны известные своим германофильством правые не могли поступить иначе, кроме как поддержать внешнеполитический курс правительства, однако некоторые из них продолжали испытывать скрытую симпатию к Германии⁵⁰⁹. Прогрессивнее националисты, осведомленные об этом факте, использовали его в своих интересах.

Намного меньше внимания, чем оппонентам блока справа, прогрессивные националисты уделяли его критикам слева. Не придавая большого значения выступлениям депутатов-социалистов, Савенко признавал, что крайние левые находятся «ближе к народу», чем правые, и «действуют более бескорыстно и идейно». Главные отличия двух флангов, по его мнению, заключаются в том, что «крайние правые находятся во власти субсидий, а крайние левые – во власти теорий, не проверенных опытом жизни»⁵¹⁰. Правда же, по мнению Савенко, находится посередине и распределяется между «теми умеренными партиями, которые ныне объединены думским блоком»⁵¹¹.

Свою политическую умеренность прогрессивные националисты старались продемонстрировать и в национальном вопросе. На фоне войны национальная проблематика отошла на второй план. В частности, после

---

⁵⁰⁷ Киевлянин. 1916. 16 августа.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 268.

⁵¹⁰ Киевлянин. 1915. 3 декабря.

⁵¹¹ Там же.

августа 1915 г. «Киевлянин» практически не касался проблем отношений между русскими с одной стороны, евреями и финнами, с другой. Это же относилось и к проблемам отношений к немцам, являвшимся российскими гражданами. Декларация Прогрессивного блока также этого вопроса не затрагивала.

Несмотря на то, что в течение 1915 – 1916 гг. была принята целая серия законов, ограничивших имущественные права «русских немцев»⁵¹², прогрессивные националисты обычно избегали высказываний на эту тему. С одной стороны, к этому подталкивала лояльность Прогрессивному блоку, декларация которого также обходила стороной этот вопрос. С другой – ее детальное обсуждение было чревато острой полемикой в рядах прогрессивных националистов, далеких от единства в этом вопросе.

Голосование о постановке на повестку дня законопроекта о земледелии и землепользовании австрийских, венгерских, немецких и турецких подданных летом 1916 г. вызвало во фракции прогрессивных националистов наибольшие разногласия за все время ее существования. 15 человек высказалось «за» конфискацию земель колонистов, и лишь двое – К.Е. Сувчинский и В.В. Шульгин – «против». Последний в необычной для себя манере защищал немецких землевладельцев от нападков и обвинений в шпионаже, опубликовав в «Киевлянине» серию статей в защиту немцев, проживавших на территории Российской империи.

Объясняя нежелание обсуждать вопрос о конфискации земель немцев, Шульгин писал, что посылать их в ряды русской армии, но при этом отнимать у них землю – значит «чувствовать себя немножко по-немецки». Он считал, что реализация законопроекта может привести к тому, что

---

⁵¹² Подробнее об идеологической кампании против «немецкого засилья» и законодательных мерах в этой области см.: Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война 1914-1918 / Отв. ред. А.Л. Сидоров. М., 1968. С. 227-238; Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004; Андреева Н.С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 220-257; Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы первой мировой войны. М., 2012.

собственники земель, до этого занимавшиеся исключительно земледелием, действительно могут стать врагами государства. «Ведь закон составлен так удивительно, что обезземеленные колонисты...не выселяются из тех мест, где они живут, не лишаются свободного права передвижения и вообще всех остальных прав. Таким образом, выходит, что шпионство и земледелие – занятие неотделимые друг от друга...», - иронизировал Шульгин⁵¹³.

Он напоминал, что государство само в течение долгих лет привлекало немцев в Российскую империю. Если же их симпатии действительно на стороне императора Вильгельма II, а не России, тогда следует немедленно извлечь их из рядов русской армии, о чем речи не было. «А до той поры, пока эти люди... в рядах русской армии защищают русское государство, до тех пор руки прочь от их имущества. Ибо надо же, наконец, вспомнить о том, что эти люди... в настоящее время русские солдаты и офицеры, охраняемые теми знаменами, под которыми они служат», - писал автор⁵¹⁴.

Вместе с тем лидеры фракции продолжали активное обсуждение польского и украинского вопросов. Касаясь перспектив послевоенного переустройства Польши летом 1916 г., Шульгин опубликовал на страницах «Киевлянина» серию статей под общим названием «Польские дела». По его мнению, главной целью России в отношениях с Польшей должно было быть установление *дружественных отношений* (курсив мой – А.Г.) на основе признания взаимных прав и обязанностей⁵¹⁵. Для поляков, рассуждал Шульгин, необходимо сделать две вещи. Во-первых, «дать им все, что можно дать без ущерба для России». Во-вторых, «победить Германию и занять Варшаву, Краков, Познань»⁵¹⁶. Вместе с тем автор был убежден, что широкую автономию Польше давать опасно, поскольку это вызовет стремление получить «особые права» и у других народов. Так что от идеи полностью независимой Польши сразу нужно отказаться, писал Шульгин.

---

⁵¹³ Киевлянин. 1916. 25 июня.

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Киевлянин. 1916. 28 июля.

⁵¹⁶ Там же.

По его мнению, международному акту после войны подлежит установление только западной границы Польши, которая в то же время явится и границей Российской империи относительно Германии и других держав. Что до восточной границы, то она является внутренним делом России и «формальному международному одобрению подлежать не может». Польша должна вычерчиваться в ее этнографических пределах, то есть в пределах земель, занимаемых польским народом, писал Шульгин, считавший, что Польшу выгоднее строить так, «чтобы она могла жить наиболее полной жизнью»⁵¹⁷.

Первым шагом правительства в этом направлении, по мнению националиста, должно было стать внесение в Государственную Думу такого проекта по польским делам, который затрагивал бы только основные положения государственного устройства Польши, то есть только то, что в кодификационном порядке войдет в основные законы империи. Все остальное необходимо предоставить польскому сейму⁵¹⁸.

Савенко был настроен в отношении поляков более жестко. Польский вопрос, отмечал он, был весьма неоднозначен и вызвал немало споров еще на стадии обсуждения программы блока. Милюков отмечал, что Савенко был «особенно чувствителен» к этой проблеме⁵¹⁹. Савенко считал, что польский вопрос необходимо решать сразу и целиком - «списать с Галичины автономию», сделав Западный край полностью русским⁵²⁰. Он не возражал и против запрета здесь польского языка, так как считал каждое польское имение цитаделью полонизма.

Если обсуждение польского вопроса касалось, как правило, послевоенного времени, то «украинский» вопрос был актуален безотносительно происходившего на фронте. Шульгин вел активную

---

⁵¹⁷ Киевлянин. 1916. 28 июля.

⁵¹⁸ Киевлянин. 1916. 7 августа.

⁵¹⁹ Дневник П.Н. Милюкова. // Красный архив. 1932. Т. 1-2 С. 131.

⁵²⁰ Там же. С. 132.

полемику с известным украинским националистом, историком М.С. Грушевским, обвинявшим «Киевлянин» в «травле украинства».

Отвечая на статью Грушевского по поводу необходимости развития украинской культуры, Шульгин отвергал тезис о существовании особого украинского народа. Он замечал, что невыгодно и нецелесообразно разбивать силы русской интеллигенции для создания двух или нескольких культур⁵²¹. По мнению Шульгина, кружку интеллигенции, называющей себя украинцами, следовало предоставить полную свободу «печатать свои газеты, издавать журналы и устраивать свои частные общества». Однако в таком случае и их оппоненты должны были пользоваться полной свободой «критиковать сфабрикованные профессором Грушевским и его единомышленниками изделия»⁵²². Шульгин заявлял, что последователи Грушевского, отрешившиеся от своего славного тысячелетнего прошлого, отказывающиеся от имени русских и «перекрещивающиеся» в украинцев ничего, «кроме презрительного и насмешливого отношения к себе вызвать не могут»⁵²³.

Впрочем, стоит отметить, что на страницах «Киевлянина» «украинский вопрос» поднимался довольно редко. Очевидно, редакция старалась обходить эту тему стороной, чтобы лишней раз не задевать больное место, и лишь в случаях, которые считала из ряда вон выходящими, обращалась к ней. По-видимому, именно к этому разряду было отнесено известие об открытии в Киеве среднего учебного заведения с преподаванием на украинском языке. Эта информация вызвала возмущение «Киевлянина», который счел, что «колебать общерусские государственные начала в школьном деле – опасная и вредная затея»⁵²⁴.

---

⁵²¹ Киевлянин. 1915. 23 октября.

⁵²² Там же.

⁵²³ Там же. Еще раньше ту же позицию высказал Савенко. «По глубокому убеждению людей того лагеря, к которому я принадлежу, никакого «украинского» народа на земном шаре не существует», - писал он 26 февраля 1915 г. в «Киевлянине».

⁵²⁴ Киевлянин. 1916. 21 октября.

Общий подход прогрессивных националистов к национальному вопросу состоял в признании необходимости с одной стороны, предоставить автономию окраинам империи, а с другой – обеспечить интересы русского населения, к которому относили и тех, кто считал себя украинцами. В целом, их установки по национальному вопросу со вступлением в Прогрессивный блок заметно смягчились и эволюционировали в сторону признания принципа национального равенства в составе империи.

Аналогичным образом менялись и их представления об оптимальной форме государственного устройства. Продолжая считать себя монархистами, прогрессивные националисты постоянно подчеркивали усиление значения в политической жизни Государственной Думы, эволюционируя от поддержки дуалистической монархии к монархии конституционной. В сфере политической тактики эти идеологические подвижки привели к отказу от ставки на компромисс с правительством в пользу прямой конфронтации с ним. Первые признаки такого поворота наметились уже на рубеже 1915-1916 гг., а его апофеозом стало активное участие прогрессивных националистов в «штурме власти».

Можно констатировать, что осень 1915 г. стала своеобразной поворотной точкой, после которой отношение прогрессивных националистов к власти, а, следовательно, и их идейно-тактические установки стали меняться. Прекращение думской сессии разрушило перспективы согласия между государством и обществом, после чего наметилась перспектива перехода прогрессивных националистов к конфронтации с правительством, которая стала еще более очевидной после ухода из правительства приемлемых министров – А.В. Кривошеина, С.В. Рухлова, А.Д. Самарина, Н.Б. Щербатова.

В вину власти вменялись и военные неудачи, и тяжелое экономическое положение. Однако, подвергая критике политику правительства, прогрессивные националисты в это же самое время видели своего главного политического противника вовсе не в бюрократах, а в правых. Отвечая на

упреки правых в расшатывании политического положения в стране, прогрессивные националисты замечали, что отрицание политики во время войны равносильно отрицанию жизни государства и всякого участия граждан в этой жизни. Постепенно от «осады» власти они перешли к более решительным действиям, получившим название «штурм власти».

3.2 Прогрессивные националисты и «штурм власти» (октябрь 1916 – февраль 1917 гг.)

Ключевым событием в подготовке Прогрессивного блока к открытию сессии Государственной Думы и Государственного Совета стало заседание его бюро 3 октября 1916 г., на котором обсуждалось отношение блока к правительству. Выражая готовность поддержать прямую атаку на правительство, Шульгин настаивал на необходимости проявить сдержанность и полагал, что в критике следовало бы «быть не резкими, а убедительными». «Надо бить фактами. Наши предыдущие декларации мотивированы расплывчато. Я бы говорил, что мы вменяем Штюрмеру то-то и то-то. Но для этого должны быть твердо установленные факты»⁵²⁵. Тем самым он возразил Милюкову, который намеревался обнародовать в Думе компрометирующую Штюрмера информацию, полученную из-за границы. Высказался Шульгин и против включения в резолюцию содержавшегося в проекте слова «измена». Он также предлагал отказаться от внесения запроса о политике правительства по борьбе с «немецким засильем»⁵²⁶.

Однако, призывая своих политических союзников к осторожности, Шульгин проявлял готовность к компромиссам во имя сохранения единства блока. Отвергая выдвинутое на заседании бюро 31 октября 1916 г. требование прогрессистов заявить о необходимости ответственного министерства, Шульгин от имени фракции высказался за переговоры с ними ради продолжения совместной политической борьбы⁵²⁷. Однако кадеты настояли на своем варианте декларации, что и привело к уходу прогрессистов из блока за день до открытия думской сессии.

Несмотря на призывы Шульгина к необходимости избегать недостаточно обоснованных обвинений в адрес правительства, лидеры прогрессивных националистов активно поддержали знаменитую речь

---

⁵²⁵ Прогрессивный блок в 1915 – 1917 гг. // Красный архив. 1933 Т. 1. С. 90.

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 227.

Милюкова 1 ноября 1916 г., положившую начало «штурму власти». «Как жаль, что страна не узнает речи Милюкова, - писал А.Н. Савенко родственникам в Киев. – Одно скажу: после нее не стыдно за Думу, и теперь никто – ни современники, ни история – не скажут, что Дума молчала... и потворствовала *глупости* [курсив мой. – А.Г.]»⁵²⁸.

3 ноября слово взял В.В. Шульгин. Указывая на глубину политического кризиса в России, он начал свое думское выступление с признания в том, что борьба с властью является делом для него непривычным. «Я всегда думал, что дурная власть лучше безвластия, но терпеть уже дальше некуда. Выход один: «бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет»⁵²⁹.

От лица прогрессивных националистов оратор заметил, что фракция выступила с резкой критикой Совета Министров, поскольку ситуация «дошла до предела» и «произошли такие вещи, которые дальше переносить невозможно»⁵³⁰. При таком положении дел борьба с правительством «есть единственный способ... предотвратить анархию и безвластие».

Напоминая о речи Милюкова, произнесенной двумя днями ранее, Шульгин отмечал: «Произнесены очень тяжкие обвинения. Но ужас был не в них. Ужас был в том, как эти обвинения встретили»⁵³¹. «Киевлянин» позже подчеркивал, что, по мнению корреспондента кадетской «Речи», выступление прогрессивного националиста производило особенно сильное впечатление, так как принадлежало человеку «самых умеренных политических воззрений»⁵³². «Короткая, но сильная, она [речь Шульгина – А.Г.] приковала к себе внимание всего зала»⁵³³. Позднее сам оратор, вспоминая свою речь 3

---

⁵²⁸ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 1 ноября 1916 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1058. Л. 884.

⁵²⁹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия V, заседание 2. Стб. 68. Последнее уточнение весьма показательное: как и ранее Шульгин, Савенко предпочитал акцентировать не «*измену*», а именно «*глупость*».

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Там же.

⁵³² Киевлянин. 1916. 8 ноября.

⁵³³ Там же.

ноября 1916 г., задавался риторическим вопросом: каким образом он «природный киевлянин, а значит черносотенец, стал подпольщиком?»⁵³⁴.

Как и речь Милюкова, текст выступления Шульгина не прошел цензуру и был запрещен к публикации в газетах. «Киевлянин» отреагировал на думские события начала ноября короткой заметкой: «С обширной речью выступил Милюков, критикуя нашу внутреннюю и внешнюю политику»⁵³⁵. И лишь спустя месяц, 2 декабря, речи Милюкова и Шульгина были без купюр опубликованы в неофициальном печатном органе прогрессивных националистов. Впрочем, к этому времени тексты думских выступлений уже разошлись по стране огромными тиражами, так как «вместо типографского станка отчаянно работали печатные машинки»⁵³⁶.

Вслед за Шульгиным нападки на власть поддержал В.А. Бобринский. 19 ноября 1916 г. он также выступил в Думе с резкой речью. Бобринский отметил, что он и его соратники с самого начала войны стремились к совместной работе с правительством, так как законодательные учреждения без исполнительной власти могут сделать «весьма мало». Однако совместную почву можно найти только с тем правительством, которое внушает к себе уважение и доверие, а такого Дума «до сих пор не находила»⁵³⁷. «Государю нужны верные люди, а не холопы», - резюмировал Бобринский⁵³⁸.

Он резко отозвался как об уже ушедшем Председателе Совета Министров Б.В. Штюрмере, так и о сохранившем свой пост министре внутренних дел А.Д. Протопове. «Нет человека во всей России, - заявил оратор, - который за два месяца сумел бы вызвать к себе такое не доверие, а такую ненависть, как министр внутренних дел»⁵³⁹. Особую неприязнь блока к Протопову он связывал с тем, что тот, сам выйдя из думской среды,

---

⁵³⁴ Шульгин В.В. Указ. Соч. С. 371.

⁵³⁵ Киевлянин. 1916. 2 ноября.

⁵³⁶ Киевлянин. 1916. 21 ноября.

⁵³⁷ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия V, заседание 6. Стб. 290.

⁵³⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия V, заседание 6. Стб. 296.

⁵³⁹ Там же. Стб. 292.

воспринимался бывшими коллегами как ренегат⁵⁴⁰. В вину ему Бобринский ставил и назначение товарищем министра генерала П.Г. Курлова, которого многие винили в смерти П.А. Столыпина⁵⁴¹.

Протопопов рассматривался как важнейшее препятствие на пути сотрудничества правительства и Государственной Думы. Она была готова активно сотрудничать с правительством с момента создания блока, однако теперь, когда «на этих скамьях Александр Дмитриевич Протопопов, совместная работа Думы с правительством совершенно немыслима»⁵⁴².

Столь же категоричен в этом вопросе был и Савенко: «Вместе существовать Дума, Штюмер и Протопопов не могут. Этот вопрос поставлен ребром»⁵⁴³. Другой прогрессивный националист – З.М. Благодоров, в письме домой сетовал, что пока Протопопов сидит в министерском кресле, «какого-либо просвета в нашей политике не видно»⁵⁴⁴.

Однако главным объектом критики прогрессивных националистов был все же не Протопопов, а Штюмер. В.А. Бобринский заявил, что в лице Штюмера страна получила «бездарнейшего председателя Совета министров, без программы, без воли, без способностей»⁵⁴⁵. Вскоре после отставки Штюмера, состоявшейся 10 ноября 1916 г., Шульгин замечал, что «человек, вызывавший у общественности такое сильное чувство ненависти, не мог оставаться во главе власти. Вот почему Государственной Думе, при всем ее нежелании осложнять положение дел внутренними распрями, пришлось дать генеральное сражение»⁵⁴⁶. Штюмер, как отмечал «Киевлянин», «...жил в доме

---

⁵⁴⁰ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия V, заседание 6. Стб. 296. Стб. 293.

⁵⁴¹ Там же. Стб. 294.

⁵⁴² Шульгин В.В. Годы. Дни. С. 314.

⁵⁴³ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 16 ноября 1916 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1060. Л. 1044.

⁵⁴⁴ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 16 февраля 1917 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1070. Л. 80.

⁵⁴⁵ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия V, заседание 6. Стб. 294.

⁵⁴⁶ Киевлянин. 1916. 21 ноября.

с наглухо заколоченными ставнями, в котором неведомо что творилось и готовилось»⁵⁴⁷.

Характеризуя противостояние правительства и Думы, Савенко особое внимание обращал на то, что по некоторым вопросам думское большинство получало поддержку даже от сторонников Балашева. «Дума подавляющим большинством решила валить вон законы, изданные правительством по 87-й статье. С блоком в этом вопросе голосовало не только все левое крыло, но и часть националистов-балашевцев. Правительство оказывается ужасающе одиноко», - констатировал Савенко⁵⁴⁸.

Указывая на это, пусть и сугубо ситуационное сближение с правыми националистами, он, одновременно с этим, подчеркивал свое несогласие с думскими левыми. «К сожалению, наши парламентарии, опирающиеся на улицу, совершенно не обладают чувством меры», - отмечал он⁵⁴⁹.

В условиях усиления давления на власть со стороны прогрессивного блока обострились конфликты в среде правых. 18 ноября, недовольный реакцией коллег по фракции на конспективное изложение своей речи, с которой он намеревался выступить на следующем думском заседании, В.М. Пуришкевич заявил о выходе из фракции правых⁵⁵⁰. Выдержанное в крайне жестком тоне выступление Пуришкевича на следующий день положило начало расколу фракции. Как отмечает А.А. Иванов, «Предельно деятельный и экспрессивный В.М.Пуришкевич, окончательно разуверившись в способности существующей власти спасти положение, оказался в рядах оппозиции»⁵⁵¹.

Выступая 22 ноября в Думе, Н.Е. Марков 2-й, попытался парировать обвинения Пуришкевича. На этой почве возникла перепалка между двумя

---

⁵⁴⁷ Киевлянин. 1916. 21 ноября.

⁵⁴⁸ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 6 декабря 1916 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1065. Л. 1513.

⁵⁴⁹ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 10 ноября 1916 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1060. Л. 773.

⁵⁵⁰ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. СПб., 2011. С. 239-253.

⁵⁵¹ Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914-1917). М.; СПб, 2013. С. 346.

депутатами, в ходе которой Марков оскорбил председателя Думы М.В. Родзянко. Эта выходка стала причиной того, что вслед за Пуришкевичем из фракции вышли большинство ее членов, образовав группу «независимых правых», которая позже вошла в состав думского большинства⁵⁵².

В конце ноября – начале декабря 1916 г. состоялся XIII съезд Объединенного дворянства, организации, традиционно выступавшей одной из опор правого движения в России. Однако и дворянская организация оказалась под влиянием сторонников блока и вполне в духе его декларации. Резолюция съезда предложила создать правительство «пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе»⁵⁵³.

Ослабление поддерживавшей правительство правой и активизации оппозиционных настроений оказали разнонаправленное воздействие на прогрессивных националистов. С одной стороны, среди них усилились конфронтационные тенденции, что было особенно заметно по выступлениям Шульгина в прессе. В начале января 1917 г. он заметил, что признание необходимости Государственной Думы 3 июня и укрепление ее положения, достигнутое за последние годы, оказалось недостаточным. Шульгин утверждал, что Россия не только остро нуждалась в реформах, но и вполне для них созрела⁵⁵⁴. Резкий тон статей и речей Шульгина не остался незамеченным цензурой. Если осенью 1916 г. его статьи в «Киевлянине», как правило, печатались без купюр, то, начиная с декабря количество «белых пятен» в них резко возросло. А в номере за 31 января 1917 г. в материале за подписью «В. Шульгин» не было напечатано ни одного слова.

---

⁵⁵² См.: Протокол заседаний: Соповещения Государственной Думы с представителями фракций. Частного заседания членов Государственной Думы и Временного комитета Государственной Думы 27 февраля – 3 марта 1917 года // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2012. С. 235.

⁵⁵³ Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906-1916 гг. / сост. А.П. Корелин. Т. 3. М., 2002. С. 713.

⁵⁵⁴ Киевлянин. 1917. 8 января.

С другой стороны, отставка Штюмера и назначение на пост Председателя Совета Министров А.Ф. Трепова способствовали возрождению надежд на достижение договоренности с правительством. «С этой минуты Россия стоит на переломе», - приветствовал назначение Трепова «Киевлянин»⁵⁵⁵.

Весьма позитивно оценили лидеры прогрессивных националистов и назначение министром земледелия А.А. Риттиха. Савенко называл Риттиха и Трепова «здравомыслящими и деловыми людьми, которые в продовольственном вопросе взяли верный тон»⁵⁵⁶. Разногласия в оценке Риттиха с Милюковым, не разделявшего позитивного отношения к министру, позже даже привели к серьезному конфликту с кадетами. По словам Савенко, прогрессивные националисты «разругались с кадетской дрязгой»⁵⁵⁷. «Продовольственный вопрос сейчас – важнейший в жизни России, и мы должны его решать с государственной, с деловой точки зрения, а не с узко-политиканской», - писал он, явно намекая на кадетов⁵⁵⁸. Поддержал Риттиха и В.В. Шульгин⁵⁵⁹.

Стоит заметить, что эти разногласия были вызваны не столько расхождениями в оценке Риттиха как министра, сколько разногласиями относительно установления твердых цен на хлеб: Милюков эту идею поддерживал, тогда как Шульгин и Савенко – нет. «Если до введения твердых цен продукты на рынке, - все же были, хоть и по более дорогим ценам», - утверждал «Киевлянин», - то с введением твердых цен стали исчезать»⁵⁶⁰. «Кадеты в прошлом году посадили нас и всю Россию в лужу твердыми ценами. Теперь они стремятся в своем политиканском ослеплении затянуть на шею России петлю твердых цен», - писал в феврале 1917 г. Савенко⁵⁶¹.

---

⁵⁵⁵ Киевлянин. 1916. 21 ноября.

⁵⁵⁶ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 6 декабря 1916 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1065. Л. 151.

⁵⁵⁷ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 16 февраля 1917 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1070. Л. 80.

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ Ольденбург С.С. Указ. Соч. С. 544.

⁵⁶⁰ Киевлянин. 1916. 21 ноября.

⁵⁶¹ Там же.

Зимой 1916-1917 гг. усилились внутрифракционные разногласия. Савенко стало казаться, что Шульгин «сильно подпал под влияние Милюкова»⁵⁶². Он полагал, что среди прогрессивных националистов «появились интриги»⁵⁶³. Мнение о существовании серьезных проблем во фракции разделяли и его коллеги. «Сегодня был на заседании фракции, и там говорили такие пошлости, что Н.Н. Чихачев сказал мне: хоть убейте, больше не приду на заседание фракции», - писал Савенко своей жене⁵⁶⁴. В середине февраля он даже стал задумываться о выходе из фракции, поскольку считал, что его коллеги «глупят и малодушничают»⁵⁶⁵.

Как дополнительное свидетельство неблагополучия внутри фракции можно рассматривать и неожиданное решение одного из ее лидеров В.А. Бобринского сложить с себя полномочия товарища председателя Государственной Думы. И хотя свое решение он мотивировал состоянием здоровья (обострением астмы), можно предположить, что истинной причиной его отказа от полномочий стало то, что Д.А. Коцюбинский назвал «психологической аллергией» на сложившуюся в Думе и в стране в целом ситуацию»⁵⁶⁶.

Представляется, что дело было не только и не столько в резком ухудшении положения дел, но и в отсутствии у лидеров фракции внятной программы действий. Шульгин, отстаивая необходимость реформ, вместо изложения их программы ограничивался повторением своего старого предложения о превращении четырех особых совещаний, между собой не связанных, в единый орган управления⁵⁶⁷.

Касаясь вопроса о программе действий в своих воспоминаниях, он утверждал, что «с самого основания блока добивался ясной практической программы». Разработать ее сам Шульгин оказался не в состоянии, поэтому

---

⁵⁶² А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 6 декабря 1916 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1065. Л. 1513.

⁵⁶³ Там же.

⁵⁶⁴ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 10 декабря 1916 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1066. Л. 1603.

⁵⁶⁵ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 16 февраля 1917 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 Д. 1070. Л. 80.

⁵⁶⁶ Коцюбинский Д.А. Указ. Соч. С. 212.

⁵⁶⁷ Киевлянин. 1917. 3 февраля.

попытался воспользоваться для этого помощью либеральных «друзей слева». Важнейшим предложением, которое прогрессивные националисты у них позаимствовали, оказался тезис о необходимости добиваться «власти, облеченной народным доверием»⁵⁶⁸.

Двигаясь в том же направлении, Шульгин накануне революции вел речь о том, чтобы «вырвать у революции ее главарей». Ради этого предлагалось расширение Прогрессивного блока влево, вплоть до вовлечения в него Керенского⁵⁶⁹. Фактически это и произошло при создании Временного комитета Государственной думы: страх перед «улицей» «загнал в одну коллегию» представителей прогрессивных националистов и крайней думской левой – Шульгина, Керенского и Чхеидзе. Основания для этого шага лидер прогрессивных националистов описывал совершенно недвусмысленным образом: «Перед возможным падением власти... у нас кружилась голова и немело сердце... Бессилие смотрело на меня из-за белых стен Таврического дворца»⁵⁷⁰.

28 февраля 1917 г. Дума принимала депутации от различных предприятий и учреждений, от войсковых частей и просто обывателей. Депутаты, в том числе Шульгин, старались поддержать в массах патриотические настроения и говорили о том, что революция должна помочь одержать победу над Германией⁵⁷¹.

Апофеозом «полевения» Шульгина стало его участие в отречении Николая II от престола. Главную причину случившегося он в марте 1917 г. объяснил в «Киевлянине» несостоятельностью царя как руководителя воюющего государства. «Россия не могла простить своему Государю, что он вел войну так, что это грозило позорным миром. За это свое неумение царь должен был отречься от престола»⁵⁷².

---

⁵⁶⁸ Шульгин В.В. Указ. Соч. С. 169.

⁵⁶⁹ Там же. С. 155

⁵⁷⁰ Там же. С. 171.

⁵⁷¹ ОР РНБ. Энгельгардт Б.А. Ф. 1052 Оп. 1. Д. 23. Л. 32.

⁵⁷² Киевлянин. 1917. 21 марта.

Задним числом он интерпретировал отречение Николая II несколько иначе, а учитывая последовавшие события, и вовсе двусмысленно. Шульгин утверждал, что при таком событии должен был присутствовать хотя бы один монархист, представлявший сторону монарха. «К тексту отречения нечего было добавить, - вспоминал он. - Во всем этом ужасе на мгновение пробился один светлый луч. Я вдруг почувствовал, что с этой минуты жизнь государя в безопасности»⁵⁷³.

Участие В.В. Шульгина в отречении Николая II стало символическим выражением разрыва прогрессивных националистов, многие из которых встречали революцию «с радостью»⁵⁷⁴, со своим монархическим прошлым. Поддавшись революционной эйфории, Шульгин поначалу говорил о «небывалом единении русского народа»⁵⁷⁵. Однако вскоре он разочаровался в таком единении. Новое «самодержавие» будет иметь своих колодников, и «этими колодниками будем мы, старая гвардия древней Киевской Руси», - писал он несколько недель спустя⁵⁷⁶.

Итак, уже весной 1917 г. Шульгин не видел никаких политических перспектив для тех, кто до Февраля воспринимал себя как умеренных консерваторов, готовых к реформам ради сохранения основ существующего порядка. Оказалось, что ликвидация дореволюционного статус-кво, в котором они видели так много изъянов, лишила их существование политического смысла.

---

⁵⁷³ Шульгин В.В. Указ. Соч. С. 522.

⁵⁷⁴ См.: Иванов А.А. Русские националисты и Февральская революция // 90 лет Февральской революции. Сб. науч. ст. / Ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб., 2007. С. 66–71.

⁵⁷⁵ Киевлянин. 1917. 16 марта.

⁵⁷⁶ Киевлянин. 1917. 6 апреля.

Заключение

Хотя институализация прогрессивных националистов стала результатом идейно-политических конфликтов военного времени, предпосылки образования фракции сложились задолго до начала Первой мировой войны. Важнейшей из этих предпосылок было превращение русского национализма в самостоятельное идейно-политическое течение, ставшее непосредственным результатом революции 1905 – 1907 гг., и создание в 1908 г. Всероссийского национального союза и Киевского клуба русских националистов. В силу этого за отправную точку анализа генезиса российского прогрессивного национализма принимается 1905 г. Верхней хронологической границей настоящего исследования является февраль 1917 г.

В ходе первой русской революции консерватизм из идейного течения превратился в течение политическое, институционализировавшись в политические партии и фракции Государственной Думы.

С началом работы III Государственной Думы в ее составе были сформированы фракции умеренно-правых и русских националистов, объединившиеся в ходе третьей сессии в единую фракцию. Вскоре возникли внепарламентские националистические организации, наиболее значительными из которых стали образованные в 1908 г. Киевский клуб русских националистов (ККРН) и Всероссийский национальный союз (ВНС). Создание, наряду с крайне правыми монархическими организациями, ВНС и ККРН стало выражением вариативности российского консерватизма. Часть консерваторов, причислявшая себя к националистам, признавала необходимость движения в сторону большей демократизации политических институтов, расширению прав и свобод.

Еще до Первой мировой войны в российском консерватизме обнаружилась тенденция к синтезу великорусского национализма и демократических ценностей. Важнейшими интеллектуальными продуктами их деятельности стали публикация сборников «Ладо», «Новая Россия» и еженедельника «Дым отечества». В 1914 г. была предпринята попытка

создать на «национал-демократической» платформе самостоятельную политическую организацию – Имперскую народную партию. Выход из думской фракции националистов ее левого крыла в августе 1915 г. завершил длительный процесс эволюции русского левого национализма.

Ориентация на консервативно-либеральный консенсус чаще всего ассоциируется с политической практикой западных демократий, прежде всего Великобритании и США, тогда как в России для отношений между консерваторами и либералами был более характерен конфликт. С этой точки зрения тесное политическое сотрудничество консервативных и либеральных элементов в период Первой мировой войны стало опытом исключительным, если не уникальным.

Впрочем, союз прогрессивных националистов с либералами оказался непрочным. Войдя в Прогрессивный блок, они так и не смогли извлечь из этого долгосрочные политические выгоды, обнаружить «средний путь», между революцией и реакцией, предотвратить катастрофические изменения в стране.

Крах идеи консервативно-либерального консенсуса в России периода Первой мировой войны, бесплодность попыток думской оппозиции «достучаться» до правительства стали свидетельством слабости молодого российского парламентаризма, не сумевшего добиться взаимопонимания с бюрократией. С другой стороны, эти события способствовали краху всего «старого порядка», гибели главной политической ценности российского консерватизма начала XX в. – самодержавной монархии.

Раскол во фракции националистов в августе 1915 г., стал естественным результатом всего процесса эволюции русского национализма как одной из разновидностей отечественного консерватизма. Его предпосылки проистекали из социальной и идейно-политической неоднородности националистического движения.

Русские националисты представляли интересы как русских помещиков Западного края, так и демократических элементов этого региона – мелких

землевладельцев, ремесленников, торговцев, лиц свободных профессий. Основанием для их объединения была конкуренция с представителями инонациональных групп, прежде всего, с крупными польскими землевладельцами, а также торговцами и ремесленниками еврейского происхождения.

В идейно-политическом отношении русский национализм кануна войны выступал как синтез *консервативных, авторитарных* ценностей, главными из которых являлись самодержавие, жесткая национальная и сословная иерархия, и *либеральных, демократических* ценностей (политические свободы и представительные институты как инструменты выработки и защиты национальных интересов). Это привело к тому, что состав националистов оказался весьма разношерстным: их правый фланг составляли будущие «балашевцы», близкие к думским правым, левый – будущие прогрессивные националисты.

Первым ударом, после которого, по выражению А.И. Савенко, все «пошли вразброд», стала смерть П.А. Столыпина. С началом работы IV Думы центробежные процессы среди националистов усилились, хотя формальное единство еще сохранялось. Первая мировая война, резко обострившая разногласия среди консерваторов вообще и националистов, в частности, нанесла этому единству окончательный удар.

С началом боевых действий важнейшим аспектом разногласий между консервативными политиками стало противостояние двух базовых вариантов патриотической мобилизации. Правые националисты вслед за собственно правыми видели в ставке на принуждение, распоряжение сверху, приказ и его четкое исполнение основные средства решения военных проблем. Их более либерально настроенные коллеги уповали на убеждение, идеологическую обработку населения в патриотическом духе, взаимопонимание и взаимодействие между государственными органами и общественными организациями.

Военные неудачи весны-лета 1915 г. обострили конфликт между сторонниками различных стратегий патриотической мобилизации. Наложившись на противоречия между правыми и левыми националистами, оформившимися еще до войны, он привел националистическое движение к расколу. Часть националистов, присвоив определение «прогрессивные», вошли в думский блок, ставший уникальным для российской политической жизни начала XX века примером политического сотрудничества консерваторов и либералов.

В социальном отношении различия между правыми и прогрессивными националистами оказались незначительными. Разница в разнообразии представленных в обеих фракциях сословий, возраст депутатов, уровень образования и вовлеченность в общественную деятельность – всеми этими факторами невозможно объяснить резкий антагонизм между лидерами прогрессивных националистов и теми, кто больше тяготел к правым. Таким образом, можно констатировать, что раскол в русском политическом национализме был связан не столько с социальными различиями, сколько с разными политическими приоритетами. Решающее значение имели расхождения не на социальном, а на ценностном уровне.

Прогрессивные националисты, продолжая позиционировать себя как монархистов и сторонников порядка, основной упор делали на необходимости сохранения свобод и политического диалога. По их мнению, такой диалог должен был вестись, во-первых, между государством и обществом, где волю первого выражало правительство, а волю последнего – представительные учреждения. Во-вторых, между различными политическими силами, главным образом, между консерваторами и либералами.

Члены фракции были сторонниками сохранения существующего порядка, но на основе, главным образом, единения с общественными силами, а не приказа сверху. Свой консерватизм, в основе которого должно было быть доверие между Государственной Думой и правительством, прогрессивные

националисты противопоставляли «реакционному» консерватизму правых, которых обвиняли в нежелании и неумении приспособиться к изменившимся условиям и предложить новые идеи. Этими обстоятельствами они объясняли выбор в политические партнеры либералов, как они утверждали, более патриотичных, гибких и креативных.

Конкретные политические установки и политические практики прогрессивных националистов с течением времени изменялись. Главным фактором этих перемен была эволюция внутривластной ситуации, прежде всего перестановки в составе правительства. Стратегию постоянного диалога государства и общества, взаимных уступок ради победы в войне поддерживала часть высшей бюрократии во главе с А.В. Кривошеиным, в котором прогрессивные националисты видели продолжателя дела П.А. Столыпина. Именно с присутствием в правительстве Кривошеина и некоторых других министров (С.В. Рухлова, С. Д. Сазонова, А.Д. Самарина, Н.Б. Щербатова) прогрессивные националисты связывали свои надежды на продолжение диалога государства и общества и, в конечном итоге, создание «министерства доверия».

Однако эти надежды не оправдались. После ухода в конце октября 1915 г. из правительства Кривошеина и первого председателя ВНС Рухлова начался поворот прогрессивных националистов к конфронтации с правительством. Они проявили подчеркнутое равнодушие к смене И.Л. Горемыкина Б.В. Штюмером в качестве Председателя Совета Министров. В июле 1916 г. они выражали сожаление по поводу отставки С.Д. Сазонова – своего последнего «фаворита», остававшегося в составе министерства. В конце концов, накануне открытия ноябрьской сессии Государственной Думы ФПН вместе со своими партнерами по Прогрессивному блоку пришла к выводу о необходимости жесткого противостояния правительству.

Таким образом, не столько создание Прогрессивного блока, предлагавшего углубить и институционализировать социально-политический консенсус первого года войны, сколько удаление из правительства

сторонников политического диалога сделало невозможным примирение между властью и думской оппозицией. Ориентация участников блока на «единение со всей страной правительства, пользующегося полным ее доверием»⁵⁷⁷ сменилась на противоположную - «бороться с этой властью, пока она не уйдет»⁵⁷⁸. При этом в роли главного политического противника для прогрессивных националистов выступили правые, настаивавшие на концентрации власти и строгом контроле государства над обществом⁵⁷⁹.

Взгляды прогрессивных националистов менялись вместе с социально-экономической и политической ситуацией в стране. Однако, погрязнув в борьбе сначала со своими бывшими единомышленниками, а затем и с правительством, прогрессивные националисты так и не смогли предложить широкой программы преобразований. С одной стороны, отсутствие конкретных предложений по решению ряда насущных проблем объяснялось нежеланием прогрессивных националистов решать вопросы во время войны и надеждой на то, что Россия вскоре выйдет из нее победителем. С другой стороны, неуверенность в том, что они делают – сдерживают или разжигают – заставляла членов фракции колебаться, сводя всю свою программу к требованию смены правительства.

Программа Прогрессивного блока, сознательно сформулированная несколько размыто, продолжала оставаться единственным документом, на который ориентировалась фракция прогрессивных националистов. Но она давала лишь общие положения и не затрагивала вопросов, от решения которых, как показало время, и зависела судьба монархии в России. Вместе с тем, по выражению историка А.В. Репникова, и правительство Николая II делало ставку не на «творческое начало» в российском консерватизме,

---

⁵⁷⁷ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия 4, заседание 1. Стб. 72.

⁵⁷⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия 5, заседание 2. Стб. 68.

⁵⁷⁹ См.: Ивакин Г.А. Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века. Дисс... д-ра ист. наук. М., 2014. 516 с.

которое, как представляется нам, олицетворяли прогрессивные националисты, а исключительно на его охранительную составляющую.

Параллельно с изменением тактических установок усиливалось значение либеральных элементов в идеологии прогрессивного национализма. Представители фракции пришли к выводу о большей важности для страны представительных учреждений, избираемых населением, чем правительства, назначавшегося монархом. Продолжая считать себя монархистами и консерваторами, они настаивали на политике компромисса и реформы, в которой видели более эффективное средство предотвращения социального взрыва, чем жесткая линия, ассоциировавшаяся с правыми.

Они требовали максимальной открытости и публичности в политической сфере, особенно после ухода из правительства потенциальных партнеров блока. Для реализации собственных установок прогрессивные националисты использовали, прежде всего, работу в Государственной Думе, пытались влиять на общественное мнение через прессу – газету «Киевлянин» и другие периодические издания. При этом и думская трибуна, и выступления в периодической печати оказались не столько инструментами конструктивного диалога, сколько средствами борьбы с оппонентами справа. Если до войны главным объектом критики националистов был либерал, то теперь это место прочно занял правый.

Несмотря на вышесказанное, представляется, что среди всех российских консервативных политических групп прогрессивные националисты значительно дальше других консерваторов продвинулись по пути адаптации к новым политическим условиям. На это обстоятельство обратили внимание уже современники описываемых событий, в частности, упоминавшийся выше В.Г. Короленко. Справедливо замечая, что российский консерватизм переживает кризис и трансформируется, в качестве наиболее яркого примера этих изменений он приводил прогрессивного националиста В.В. Шульгина, которого называл «неоконсерватором».

Шульгин с такой характеристикой согласился, отметив при этом, что война и проявленный либералами патриотизм вселили в часть консерваторов уверенность, что преобразования необходимы, что они будут не разрушением, а обновлением России.

В собственных глазах прогрессивные националисты оставались теми, кем были до войны в глазах окружающих – русскими консерваторами-националистами. Однако в глазах своих оппонентов справа, проявив большую гибкость и готовность к адаптации к новым веяниям, чем они, прогрессивные националисты превратились в изменников, ренегатов. Приняв непосредственное участие в «штурме власти» на рубеже 1916 – 1917 гг. сторонники Шульгина противопоставили себя русскому консервативному мейнстриму, ассоциировавшемуся, главным образом, с думской правдой. Сдвиг части националистов влево стал важным фактором распада российского консервативного лагеря и падения самодержавия, политической опорой которого он служил.

Вместе с тем, разрыв прогрессивных националистов с иными консервативными политическими группами стал ярким свидетельством того, что российский консерватизм начала XX века в целом оказался не в состоянии приспособиться к условиям политической модернизации и обеспечить сохранение существовавшего в стране политического порядка.

Список используемых источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

Материалы перлюстрации

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102. Департамент полиции МВД. Оп. 265. Д. 1010 (1)

Ф. 102. Департамент полиции МВД. Оп. 265. Д. 1010 (2)

Ф. 102. Департамент полиции МВД. Оп. 265. Д. 1016

Ф. 102. Департамент полиции. МВД Оп. 265. Д. 1021

Ф. 102. Департамент полиции. МВД Оп. 265. Д. 1025

Ф. 102. Департамент полиции. МВД Оп. 265. Д. 1027

Ф. 102. Департамент полиции. МВД Оп. 265. Д. 1030

Ф. 102. Департамент полиции. МВД Оп. 265. Д. 1031

Ф. 102. Департамент полиции. МВД Оп. 265. Д. 1037

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1039

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1040

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1041

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1042

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1046

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1051

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1053

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1055

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1057

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1016

Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1058
Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1060
Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1061
Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1065
Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1066
Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 265. Д. 1070
Ф. 102. Департамент полиции МВД Оп. 246. Д. 367
Ф. 1719. Всероссийский Национальный Союз.

Воспоминания Б.А. Энгельгардта

Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ):

Ф. 1052. Оп. 1. Д. 23. Б.А. Энгельгардт.

Фонд Государственной Думы

Российский государственный исторический архив (РГИА):

Ф. 909. Оп. 1. Д. 254. Вергун Д.Н.

Ф. 909. Оп. 1. Д. 382.

Ф. 1278. Государственная Дума.

Личные дела

Государственный архив Пермского края. Ф/ф 62п. Д. 65. Благодоров З.М.
Личный фонд.

Опубликованные источники

Материалы Государственной Думы и Государственного Совета

1. Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия IV. – СПб.: Государственная типография, 1910–1911. – Ч. I. –

- XV, [4] с., 3368 стб.; Ч. II. – XIX, [5] с., 3722 стб.; Ч. III. – XL, [4] с., 4828, [16] стб.
2. Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. – СПб.: Государственная типография, 1911–1912. – Ч. I. – XX, [4] с., 3830 стб.; Ч. II. – XIV, [5] с., 3822 стб.; Ч. III. – XXII с., 3726 стб.; Ч. IV. – 56 с., 4336 стб.
  3. Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. – СПб.: Государственная типография, 1913. – Ч. I. – XXI с., 2438 стб.; Ч. II. – XV, [1] с., 2251 стб.; Ч. III. – XXXVI с., 2698, [24] стб.
  4. Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия II. – СПб.: Государственная типография, 1914. – Ч. I. – XXIV, [1] с., 2094 стб.; Ч. II. – XVIII, [1] с., 1992 стб.; Ч. III. – XIX, [1] с., 2046 стб.; Ч. IV. – X, [2] с., 1928 стб.; Ч. V. – XLII с., 1396, [34] стб.
  5. Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия III. – Пг.: Государственная типография, 1915. – [6] с., 381 стб.
  6. Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия IV. – Пг.: Государственная типография, 1915–1916. – Ч. I. – X с., 1399, стб.; Ч. II. – 1205–3502 стб.; Ч. III. – XXIX с., 3503–5813 стб.
  7. Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия V. – Пг.: Государственная типография, 1916. – 1757 стб.
  8. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910–1911 гг. – СПб.: Государственная типография, 1911. – 551 с.
  9. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910–1911 гг. – СПб.: Государственная типография, 1911. – 551 с.
  10. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия пятая. 1911–1912 гг. – СПб.: Государственная типография, 1912. – 686 с.

11. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912–1913 гг. –СПб.: Государственная типография, 1913.– 621 с.
12. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1913–1914 гг. – Пг.: Государственная типография, 1914. – 735 с.
13. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессии третья и четвертая. 1915–1916 гг. – Пг.: Государственная типография, 1916. – 546 с.
14. Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия IX. – Пг.: Государственная Типография, 1914. – 306 Стб.
15. Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия X. – Пг.: Государственная Типография, 1915. – 120 Стб.
16. Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. – Пг.: Государственная Типография, 1915. – 51 Стб.
17. Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия XII. – Пг.: Государственная Типография, 1916. – 68 Стб.
18. Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия XIII. – Пг.: Государственная Типография, 1916. – 68 Стб.

Периодические издания

1. Киевлянин. Литературная и политическая газета Юго-западного края. Январь 1913 – Март 1917.
2. Националист. Ежедневная политическая и литературная газета. Вестник московского отдела Всероссийского национального союза. Май 1910 – Февраль 1911.
3. Дым отечества. Политический еженедельник. Ноябрь 1912 – Июль 1914.
4. Утро России. Ежедневная газета. Июль 1914 – февраль 1917.
5. Новое время. Июль 1914 – февраль 1917.

6. Биржевые ведомости. Иллюстрированная политическая, общественная и литературная газета. Август 1915 – Ноябрь 1916.
7. Пермские губернские ведомости. Ноябрь 1912 – Ноябрь 1916.

Воспоминания, дневники и записки современников

1. *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе: дневники и воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 400 с.
2. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 810 с.
3. [*Куманин Л.К.*] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. – 1999. – № 3. – С. 3 – 27; № 4-5. – С. 3 – 23; № 10. – С. 3 – 34; 2000. – № 2. – С.3-32; № 3. – С.3-34; № 4-5. – С.3-27; № 4-5. – С.3-27; № 6. – С.3-31.
4. *Миллюков П.Н.* Воспоминания. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 799 с.
5. *Миллюков П.Н.* Дневник // Красный архив. 1932. Т. 3. С. 3-48.
6. Прогрессивный блок в 1915 – 1917 гг. // Красный архив. 1932 Т.1-2. С. 117-160; Т.3. С. 143-196; 1933. Т.1. С. 80-135
7. *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920. М., 1990. – 558 с.
8. *Шульгин В.В.* Три столицы. М.: Современник, 1991. – 495 с.

Сборники документов и справочные издания

1. *Боювич М.М.* Члены Государственной думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912 – 1917 г. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. – 456 с.
2. *Кирьянов И.К.* Россия. 1900-1917. Документы, материалы, комментарии. Пермь, 1993. – 188 с.
3. Правые партии. Документы и материалы. Том 2. 1911-1917. М., 1998. – 816 с.

4. Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах и материалах. – М.: РОССПЭН, 2014. 416 с.

Публицистика

1. *Булацель П.Ф.* Дневник // Российский гражданин. 1916. №29.
2. *Грингмут В.А.* Руководство черносотенца-монархиста. Изд. 2-е. М.: Верность, 1911. – 15 с.
3. Ладо. Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. Изд. 2-е СПб.: Тип. журн. «Сатирикон», 1913. – 242 с.
4. *Короленко В.Г.* Была бы жива Россия! Неизвестная публицистика 1917-1921. М.: Аграф, 2002. – 448 с.
5. *Локоть Т.В.* Оправдание национализма. Киев.: «Петр Барский», 1910. – 64 с.
6. *Меньшиков М.О.* Из писем к ближним. М.: Воениздат, 1991. 223 с.
7. *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. М.: Москва, 1999. – 558 с.
8. *Меньшиков М. О.* Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — Т. I. — 688 с.; Т. II. — 720 с.
9. Националисты в III Государственной Думе. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1912. 327 с.
10. Новая Россия. Основы и задачи Имперской Народной Партии. СПб.: Дым Отечества, 1914. 120 с.
11. *Строганов В.* Русский национализм, его сущность, история и задачи. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1912. – 151 с.
12. *Хомяков Д.А.* Православие. Самодержавие. Народность / Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 576 с.

13. *Шарапов С. Ф.* Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 720 с.
14. *Шульгин В.В.* “Что нам в них не нравится...” Об антисемитизме в России. М.: Русская книга, 1994. — 448 с.
15. *Щербатов А. Г.* Православный приход — твердыня русской народности / Сост., предисл., коммент. И. А. Настенко / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 496 с.

Литература

Книги

1. *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. — М.: Наука, 1968. — 520 с.
2. *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. М.: Наука, 1981. — 293 с.
3. *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. — 256 с.
4. *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914-1917. Л.: Лениздат, 1990. — 318 с.
5. *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907-1917). М.: Изд-во «Три квадрата», 2003. 253 с.
6. *Бабков Д.И.* Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В.В. Шульгина. 1917 – 1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. — 303 с.
7. *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) – М.: РОССПЭН, 2004. — 392 с.
8. *Бибин М.А.* Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск: Саранский кооперативный институт, 2000. — 266 с.
9. *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. — М.: Наука, 1992. — 285 с.

10. *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М.:РОССПЭН, 2003. – 432 с.
11. *Демин В.А.* Государственная Дума России (1906-1917): механизм функционирования. – М.: РОССПЭН, 1996. – 214 с.
12. *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство. 1907-1911 гг. Л.: Наука, 1978. – 246 с.
13. *Дякин В.С.* Русская буржуазия и дворянство в годы Первой мировой войны (1914-1917). Л.: Наука, 1978. 363 с.
14. *Дякин В.С., Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Кризис самодержавия в России, 1895-1917. М., Л.: Наука, 1984. – 543 с.
15. *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьеиюньской системы Л.: Наука, 1988. – 230 с.
16. *Заславский Д.И.* Рыцарь черной сотни Шульгин. Л., 1925. – 72 с.
17. *Заславский Д.И.* Рыцарь монархии Шульгин. Л., 1927. – 68 с.
18. *Иванов А.А.* Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006 - 208 с.
19. *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870-1920). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. – 448 с.
20. *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914-1917). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 516 с.
21. *Иванов А.А.* Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. — 511 с.
22. *Кальченко Т.В.* Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев: Киевские ведомости, 2008. – 416 с.
23. *Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н.* Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906-1917. Пермь: Издательство Перм. ун-та, 1995. – 168 с.

24. *Кирьянов И.К.* Пермские депутаты Государственной Думы. Пермь: Типография «Модерн», 2006. – 79 с.
25. *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь: Пермское книжное издательство, 2006. – 368 с.
26. *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911-1917. М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.
27. *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне. 1914-1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны.. 1914 – середина 1916 г. Учебное пособие. – Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – 146 с.
28. *Комин В.В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин: Изд-во Калининского гос. пед. ин-та, 1970. – 277 с.
29. *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.
30. *Корниенко Б.С.* Правый Дон. Казаки и идеология национализма (1909-1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 232 с.
31. *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. – 528 с.
32. *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи. Рязань [Б. и.], 2004. – 472 с.
33. *Лавринович Д.С.* Либерально-консервативная оппозиция в России: Формирование и борьба за власть (1912 – март 1917 г.). Могилев: Гос. Ун-т им. А.А. Кулешова, 2006. – 338 с.

34. *Ленин В.И.* Политические партии в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1973. Т. 21.
35. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
36. *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа. 1907-1914 гг. Stuttgart: Ibidem, 2006. – 282 с.
37. *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). – Париж: Кн. Дело «Родник», 1931. – 231 с.
38. *Миллер А.И.* Украинский вопрос в Российской империи. – М.: «Laurus», 2013. – 416 с.
39. *Миллер А.И., Долбилов М.Д., Бережная Л.А., Яковлева Т.Г., Правилова Е.А., Будницкий О.В., Циунчук Р. А.* Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 608 с.
40. *Минаков А.Ю.* Русская партия в первой четверти XIX. М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 528 с.
41. *Мичурин А.Н.* Политическая борьба в Государственном Совете в годы Первой мировой войны. – СПб.: Издательство Политехнического Университета, 2010. – 324 с.
42. *Нарский И.В.* Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. – Челябинск: Челяб. Гос. ун-т, 1995. Ч. I. 366 с. Ч. II. 366 с.
43. Модели общественного переустройства России. XX век. / отв. редактор. Шелохаев В.В. - М.: РОССПЭН, 2004. 607 с.
44. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. – Москва: РОССПЭН, 2001. 632 с.
45. *Николаев А.Б.* Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. – Рязань: П.А. Трибунский, 2002. – 301 с.
46. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 576 с.

47. Политическая история в партиях и лицах. М., 1993.
48. Политические партии России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.: энциклопедия / отв. редактор В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. – 872 с.
49. *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи. (1901-1914). – Киев: МАУП, 2006. – 744 с.
50. *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). Спб.: Полторацк, 2012. – 338 с.
51. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. – М.: Academia, 2007. 519 с.
52. *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. 526 с.
53. *Санькова С.М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза. Орел: С.В. Зенина, 2006. – 370 с.
54. *Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н.* Становление российского парламентаризма начала XX века. – М.: Мосгорархив, 1996. – 283 с.
55. *Селунская Н.Б., Тоштендаль Р.* Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М.: РОССПЭН, 2005. – 336 с.
56. *Слонимский А.Я.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе: Ифрон, 1975. – 320 с.
57. *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. – Спб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2004. – 176 с.
58. *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало 20 в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. – 366 с.
59. *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905 – 1917 г.: Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия». Л., 1977. – 272 с.

60. *Степанов С.А.* Черная сотня в России. Что они сделали для величия России. М.: ЯУЗА-ПРЕСС, 2013. – 670 с.
61. *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. – Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1988. – 208 с.
62. *Черменский Е.Д.* IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976. – 318 с.
63. *Черменский Е.Д.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М.: Учпедгиз, 1959. – 264 с.
64. *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: the Nationalists Party. 1905-1917. New Brunswick: Rutgers University Press, 1980. – 252 P.
65. *Gatrell P.* Russia's First World War: A Social and Economic History. Marlow, 2005: Pearson Education. – 318 P.
66. *Korros A. S.* Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalists and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906-1911. Lanham: Rowman and Littlefield, 2002. – 247 P.
67. *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I). Cambridge: Harvard University Press, 2003. – 545 p.
68. *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914-1917. London; Basingstoke: McMillan, 1977. – 395 P.
69. *Rawson D. C.* Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 286 P.

Статьи

1. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 годы // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 96-106.
2. *Вишневецки Э.* Прогрессивный блок // Политические партии и общество в России. 1914-1917 гг. Сборник статей. М., 1999. С. 89-140.
3. *Гайда Ф.А.* Русские либералы в восприятии правящей бюрократии в период кризиса Третьеиюньской системы (1911-1917 гг.) // Отечественная история. 2007. №4. С. 42-56.
4. *Гайда Ф.А.* Курс «священного единения» в оценке кадетского руководства и создание Прогрессивного блока. 1914 – 1915 гг. // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2002. №1. С. 27-34.
5. *Грунт А.* Прогрессивный блок. // Вопросы истории. 1945. № 3-4. С. 108-117.
6. *Дорошенко А.А.* Консервативно-конституционная фракция центра в IV Государственной Думе Российской империи // Самарский земский сборник. 2008. №1. С. 46-49.
7. *Иванов А.А.* Русские националисты и Февральская революция // 90 лет Февральской революции. Сб. науч. ст. / Ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб., 2007. С. 66–71.
8. *Иванов А.А.* Были ли русские националисты черносотенцами? // Вопросы истории. 2008. №11. С. 171-175.
9. *Иванов А.А.* «Черный блок»: неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 году // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. № 99. С. 9-17.
10. *Иванов А.А.* А.И. Савенко. Метаморфозы русского националиста // Русский исторический сборник. М., 2010. Т. 2. С. 147-167.
11. *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917) // Из глубины времен. – 1994. – № 3. – С. 42-57.

12. *Лукьянов М.Н.* Германия и немцы в представлениях российской правой, июль 1914 – февраль 1917 г. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. №2. С. 27-73.
13. *Манхейм К.* Консервативная мысль // *Диагноз нашего времени*. М., 1994. С. 572-668.
14. *Нарский И.В.* Взгляд на российский консервативный либерализм начала XX в. Из историко-культурной перспективы // *Либеральный консерватизм: история и современность*. – М., 2001. С. 214-224.
15. *Николаев А.Б.* Вопрос о судьбе Государственной Думы в марте-апреле 1917 года// *Таврические чтения 2012*. Спб., Ч.1. С. 252-293.
16. *Омельянчук И.В.* О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX века // *Вопросы истории*. 2008. №4. С. 95-104.
17. *Репников А.В., Христофоров В.С.* Шульгин – последний рыцарь самодержавия. // *Новая и новейшая история*. 2003, №3. С. 64-111.
18. *Репников А.В. Христофоров В.С.* Неизвестный Шульгин // *Консерватизм в России и мире*. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 162-182.
19. *Санькова С.М.* Как дело Бейлиса превратилось в дело Шульгина // *Проблемы этнофобии в контексте массового сознания*. М., 2004. С. 95-110.
20. *Hamm M.F.* Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of Progressive Bloc // *Slavic Review*. 1974. Vol. 33. №3. P. 453-468.
21. *Korros A. S.* Nationalists Politics in the Russian Emperial State Council: Forming a New Majority, 1909-1910.// *Emerging Democracy in Late Imperial Russia. Case studies on local self-government (the Zemstvos), The State Duma elections, the Tsarists government, and the State Council before and during World War I* Colorado, 1998. P. 198-227.
22. *Riha T.* Miliukov and the Progressive Bloc in 1915: A Study in Last-Chance Politics // *Journal of Modern History*. 1960. Vol. 32. №1 , P. 16-24.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Бибин М.А.* Совет объединенного дворянства в период Первой мировой войны: Автореферат дисс... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Саранский кооперативный институт Московского университета потребительской кооперации. – Саранск, 2002. – 46 с.
2. *Кириянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2009. – 537 с.
3. *Коцюбинский Д.А.* «Всероссийский национальный союз: Формирование организационно-идейных основ, 1907—1917 гг.». Дисс... кандидата ист. наук. Спб., 1998. 291 с.
4. *Ивакин Г.А.* «Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века». Дисс... д-ра ист. наук. М., 2014. 516 с.
5. *Иванов А.А.* Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914-1917): Дисс... кандидата исторических наук. Спб., 2004. 255 с.
6. *Лопухова А.В.* Националисты в Государственной Думе Российской империи. Дисс... кандидата исторических наук. Самара, 2005. – 217 с.
7. *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907-1914: автореф. ... доктора ист. наук. Пермь; СПб., 2004. - 50 с.
8. *Чемакин А.А.* Имперская народная партия и Независимая группа IV Государственной думы: русские национал-демократы в 1913 – 1917 гг. Дисс... кандидата исторических наук. М., 2016. 328 с.

Приложение №1

Заявление группы националистов, поданное в совет русской национальной фракции⁵⁸⁰.

«Мы, нижеподписавшиеся, просим совет принять настоящее наше заявление о выходе из русской национальной фракции. При этом мы считаем своим долгом объяснить причины, побудившие нас к этому шагу. Уже давно, почти с начала работы 4-ой Государственной Думы, мы стали замечать, что в состав русской национальной фракции вошли люди, хотя и исповедующие приблизительно те же политические убеждения, но разнящиеся друг от друга в понимании ближайших задач времени. Нам приходилось иногда убеждаться, что наши товарищи, очень стойкие в понимании того, что и нам, и им одинаково дорого, не проявляли достаточно энергии и инициативы в деле удовлетворения новых требований, постоянно выдвигаемых жизнью.

Нам казалось, что необходимо больше чуткости к этим вопросам времени и больше внимания к творческой мысли, откуда она бы ни исходила. Разразившаяся над Россией война, к нашему великому сожалению, подчеркнула разницу а наших взглядах. Болея всей душой за Россию и тревожась осложнениями, вызванными войной, наши товарищи искали уврачевания не там, по нашему мнению, где его искать надо было. Насколько мы могли понять, мысли и чувства их главным образом притягивало опасение за неприкосновенность современного уклада русской жизни во всем его объеме, причем это опасение затемняло перед ними более грозную опасность, высшую опасность в наших глазах, опасность поражения России.

По-видимому, они недостаточно прониклись мыслью, что для этой великой цели, для победы России, вместе с жизнью наших сыновей и братьев в случае необходимости должно принести в жертву и часть наших требований и желаний и даже жертву, быть может самую трудную, именно сознание того, что некоторые из этих политических требований не являются

---

⁵⁸⁰ Цит. По: Киевлянин. 1915. 17 августа.

чем-то неизменным и вечным, но в значительной степени зависят от обстоятельств. Пример Польши и резко изменившийся взгляд на ее автономию, по-видимому, был недостаточен, чтобы усвоить это положение. В особенности нас огорчило отношение некоторых наших товарищей к другим политическим группам. Это отношение и заставляет нас ближайшим образом покинуть фракцию.

В то время, как мы видим спасение России во внутреннем мире и единении возможно большего числа русских граждан, совет фракции в согласии с некоторыми нашими товарищами сделал шаг, который был истолкован, как желание идти рука об руку только с известными политическими группами, именно группами правее нас стоящими. Мы считаем этот шаг вредным и опасным. Мы думаем, что ценой потоков крови, совместно пролитой для защиты отечества, потоплено горькое и ядовитое сомнение, выросшее во время японской войны, сомнение в патриотизме людей, исповедующих либеральные политические убеждения. В настоящее время мы не делаем в обороне страны никакой разницы между ими и собой и полагаем, что только в одном большом союзе «непораженческих» течений лежит путь к победе.

Вследствие вышеизложенных соображений и ради того, чтобы сохранить и укрепить связь с широкой русской общественностью, мы принуждены выйти из состава русской национальной фракции.

Однако, мы не теряем надежды, что наши товарищи, с которыми мы сейчас расстаемся, уже в ближайшем будущем признают правильность наших взглядов, изложенных в настоящем заявлении».

Подписали: В.В. Шульгин, В.Я. Демченко, А.И. Савенко, К.Е. Сувчинский, Н.Н. Чихачев 2-й, И.Ф. Половцев 2-й, Д.И. Шаховской, гр. В.А. Бобринский.

Источник: «Киевлянин», 1915. 17 августа.

Приложение №2

Список членов фракции прогрессивных националистов

№	Депутат	г.р.	Губерния	Образование	Род занятий/профессия
1.	Борзаковский Иоанн Варфоломеевич	1850	Черниговская	Духовная семинария	Протоиерей
2.	Будрин Алексей Иоаннович	1861	Пермская	Духовная семинария	Член уездного училищного совета
3.	Вишневский 2-й Гавриил Андреевич	1874	Киевская	Юридический факультет Киевского университета	Участковый мировой судья, гласный земства
4.	Воробьев Михаил Григорьевич	1850	Могилевская	Двухклассное народное училище	Крестьянин земский гласный, занимается земледелием
5.	Граф Бобринский Владимир Алексеевич	1867	Тульская	Михайловское артиллерийское училище	Богородицкий предводитель дворянства
6.	Демченко Всеволод Яковлевич	1875	От города Киев	Институт инженерных путей сообщения	Инженер путей сообщения, председатель киевской уездной земской управы
7.	Киселев Дмитрий Васильевич	1868	Орловская	Училище Министерства народного просвещения	Крестьянин, волостной старшина, член землеустроительной комиссии

Продолжение Приложения 2

8.	Ких Александр Александрович	1876 теперь 1869	Киевская	Киевский университет и Институт инженеров путей сообщения	Почетный мировой судья Киевского округа
9.	Короваев Иоанн Михайлович	1868	Вятская	Духовная семинария	Протоиерей, председатель епархиальных съездов
10.	Немерцалов Вениамин Иоаннович	1872	Самарская	Духовная семинария	Священник
11.	Ольховский Федор Иоаннович	1873	Витебская	Духовная семинария	Священник
12.	Покровский Павел Алексеевич	1853	Орловская	Духовная семинария	Бывший учитель земских и приходских школ, депутат съездов духовенства
13.	Половцев Иван Федорович	1870	Витебская	Классическая гимназия	Уездный предводитель дворянства
14.	Пушин Лаврентий Иванович	1876	Орловская	Лицей	Гласный уездного и губернского Земских собраний
15.	Рындовский Ипполит Александрович	1868	Казанская	Казанское реальное училище	Земский начальник
16.	Савенко Анатолий Иванович	1875	Киевская	Юридический факультет Киевского университета	Журналист, гласный киевской городской думы

Продолжение Приложения 2

17.	Сувчинский Корнелий Ефтихиевич	1856	Киевская	Юридический факультет Санкт-Петербургского университета	Занимается сельским хозяйством и садоводством, служил в земском отделе МВД и переселенческом управлении
18.	Сырнев Сергей Васильевич	1859	Вятская	Духовная семинария	Настоятель храма в г. Котельнич, протоиерей
19.	Тарасевич Василий Филиппович	1873	Гродненская	Народное училище	Крестьянин, занимается сельским хозяйством
20.	Тарутин Петр Васильевич	1858	Владимирская	Начальная школа	Крестьянин, член уездной земской управы. Земледелие и торговля
21.	Чихачев Николай Николаевич	1860	Киевская	Математический ф-т Московского и юридический ф-т Санкт-Петербургского университетов	Состоял гласным Тамбовского земства, автор нескольких статей в «Русском Богатстве»
22.	Шаховской Дмитрий Иванович	1867	Пермская	Гимназия и юнкерское училище	Бывший земский начальник
23.	Шеин Василий Павлович	1863	Тульская	Юридический факультет Московского университета	Бывший начальник законодательного отдела канцелярии Гос. Думы
24.	Шмяков Петр Михайлович	1873	Витебская		Крестьянин, занимается земледелием

Продолжение Приложения 2

25.	Шульгин Василий Витальевич	1878	Волынская	Юридический факультет Киевского университета	Журналист, земский гласный
26.	Ягодынский Павел Николаевич	1855	Пензенская	Университет	Избран в IV Думу от октябристов; занимался сельским хозяйством
27.	Альбицкий Александр Геннадьевич	1869	Нижегородская	Духовная семинария	Священник гор. Семенова; благочинный
28.	Благонравов Захарий Михайлович	1855	Пермская	Духовная академия	Непременный член Пермской губернии по земским и городским делам присутствия; редактор «Пермских губернских ведомостей»
29.	Вербило Семен Данилович	1867	Минская	Нет информации	Крестьянин; Уездный земский гласный; Бывший волостной старшина
30.	Воронцов-Вельяминов Михаил Павлович	1886	Минская	Александровский лицей	Крупный землевладелец; надворный советник
31.	Гриневич Сергей Иванович	1864	Полтавская	Рижский политехнический институт	Уездный предводитель дворянства. Землевладелец
32.	Мухин 2-й Алексей Иванович	1881	Витебская	Народное училище	Крестьянин, занимается земледелием
33.	Песляк Павел Демьянович	1874	Гродненская	Народное училище	Занимается сельским хозяйством
34.	Смеян Корней Александрович	1876	Минская	Домашнее образование	Волостной старшина; занимается хлебопашеством

Продолжение Приложения 2

35.	Фотинский Александр Петрович	1859	Минская	Лесной институт	Помещик Пинского уезда; Занимается сельским хозяйством
36.	Молчанов Матвей Осипович	1865	Тамбовск ая	Домашнее образование	Крестьянин; член тамбовской уездной земской управы

Источники: Боиович М.М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912 – 1917 г. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1915.

Приложение №3

Сравнительные характеристики прогрессивных националистов и националистов-балашевцев

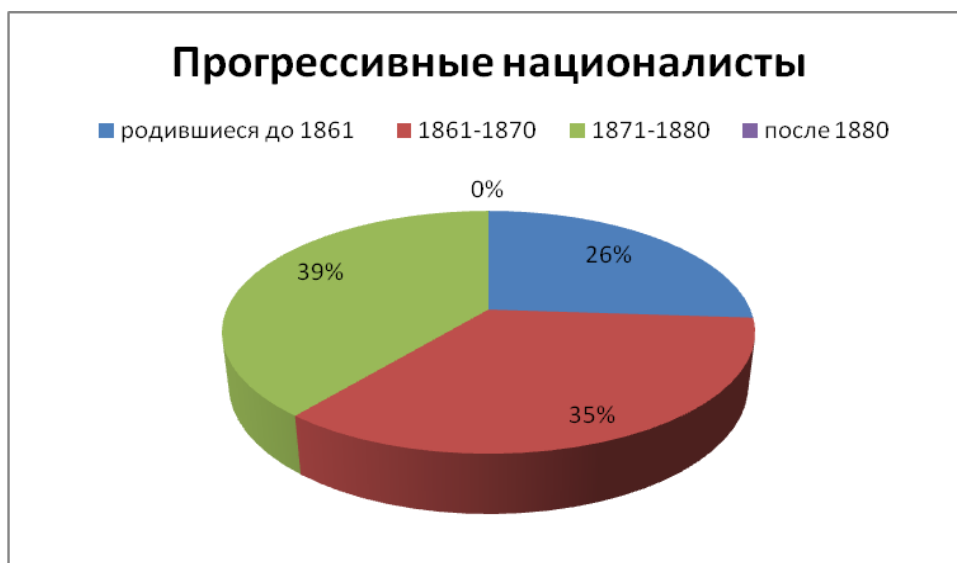

Рис. 1. Возраст депутатов

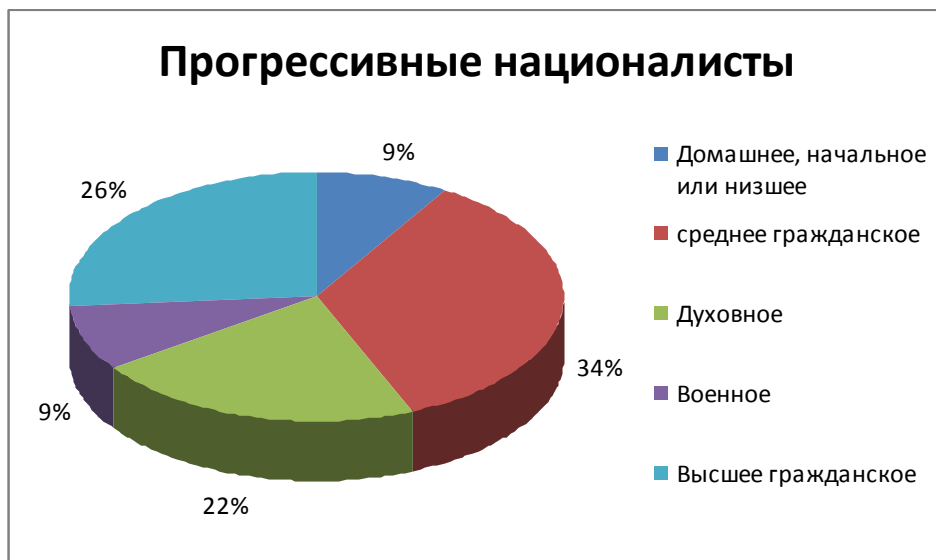

Рис. 2. Территориальная принадлежность депутатов

Рис. 3. Сословная принадлежность депутатов

I. Образование.

Источники: Боиович М.М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912 – 1917 г. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1915.